

Д. И. Подшиваловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВАЛЕРГАРДА.

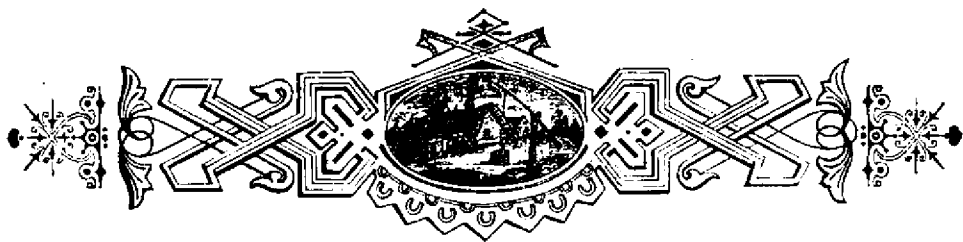

Тверь.
Типографія Губернскаго Правленія.
1904.

Доволено цензурою. Москва, 15 декабря 1903 года.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВАЛЕРГАРДА.

I.

Вступленіе.

Осенью 1890 года настало для меня время отбыванія воинской повинности. Солдатчина, — какъ обыкновенно выражаются въ народѣ, — меня не страшила, какъ многихъ, но наоборотъ я ожидалъ ея съ удовольствіемъ, даже съ нетерпѣніемъ. На солдатчину я смотрѣлъ какъ на избавительницу отъ того непосильнаго деревенскаго гнета, который давилъ меня съ ранняго дѣтства; кромѣ того, за границею солдатчины моему воображенію рисовалась другая жизнь, — жизнь совсѣмъ не похожая на настоящую, трудную и, какъ мнѣ казалось, бессмысленную и бесполезную.

Чтобы составить понятіе о моемъ стремленіи вырваться изъ когтей деревни, хотя бы чрезъ посредство солдатчины, — другого исхода я не видѣлъ, — я долженъ въ короткихъ словахъ пояснить о моемъ житьѣ-бытьѣ до военной службы.

Спѣшу предупредить читателя, что вслѣдствіе моего стремленія куда-то, къ чему-то и отчего-то, и вслѣдствіе иногда попытокъ приведенія этихъ стремленій въ исполненіе — моя жизнь, а затѣмъ и служба, складывалась не вполне обычно: я шевелился, невольно шевелилъ и другихъ; въ результатѣ получилась маленькая страничка изъ

исторіи военной службы, отмѣтить которую, думаю, будетъ не безынтересно.

Родился я въ крестьянской семьѣ (близъ города Боровска, въ пригородной Рощенской слободѣ). Запятіемъ моихъ родителей были развозная торговля и огородничество. Въ ранній періодъ моего возраста, наша семья существовала сносно. Отецъ велъ совершенно трезвую жизнь; отличаяся разсудительностью и отъ всѣхъ въ деревнѣ пользовался уваженіемъ; былъ грамотенъ, любилъ политику и до мозга костей былъ патриотомъ, восторгавшимся всякимъ русскимъ пріобрѣтеніемъ, какъ-будто это касалось его лично. Но будучи всегда занятъ своимъ дѣломъ—торговлею, которая надолго отрывала его отъ дома,—онъ не могъ слѣдить за моимъ воспитаніемъ, возложивъ эту обязанность на мою неграмотную, но любвеобильную мать. Грамотѣ я выучился въ Рощенскомъ сельскомъ народномъ училищѣ, и то благодаря собственному настоянію.

По окончаніи школы (12 лѣтъ) я вступилъ въ возрастъ, когда ребятъ въ деревняхъ пріучаютъ къ дѣлу или отдаютъ въ мастерство; меня-же никуда не отдали, и дома дѣлать почти нечего было, я былъ предоставленъ самому себѣ. Впослѣдствіи такое отношеніе ко мнѣ отецъ объяснялъ тѣмъ, что я по его желанію долженъ остаться жить дома, въ деревнѣ, и продолжать хозяйство, въ люди отдать меня онъ еще не хотѣлъ изъ боязни, чтобы я не избаловался, чтобы не сдѣлался „непутнымъ“, какъ всегда говорила моя мать, во всемъ соглашавшаяся съ отцомъ, тѣмъ болѣе, что разлука со мною казалась ей тяжелой. При томъ ихъ напугала дурной примѣръ моего старшаго брата, который тоже по собственному настоянію ушелъ въ Москву и, будучи предоставленъ самому себѣ, увлекся пороками городской жизни, такъ что впослѣдствіи онъ составилъ язву семьи. Такая политика моихъ родителей, можетъ быть, и хороша, ихъ желанія сбылись, я „не избаловался“, но, вслѣдствіе экономическаго упадка въ хозяйствѣ, жизнь для

меня была изъ нецрїятныхъ, а впослѣдствїи оказалась очень тяжелой.

Я былъ обреченъ на бездѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ готовился быть хозяиномъ, т. е., по-просту, ждалъ, когда мой возрастъ и экономическое положеніе позволятъ мнѣ взяться прямо за дѣло, безъ всякой подготовки. Лично я жаждалъ дѣятельности и страшно томился безъ нея. Читать было нечего; у насъ въ домѣ, кромѣ маленькаго Евангелїя и стариннаго растрепаннаго псалтиря, никакихъ книгъ не было, а извѣстно, что если какихъ предметовъ не видишь и о нихъ не слышишь, то прїобрѣтать ихъ и въ голову не придетъ; къ тому же у насъ въ деревнѣ (да у насъ-ли только?) самый процессъ чтенїя считался дѣломъ предосудительнымъ: увидѣть деревенскаго царня съ книжкой въ рукѣ казалось также неблаговиднымъ и неумѣстнымъ, какъ съ гармоникой на пашнѣ... Царство мрака было въ полной силѣ, и мы—маленькіе, обыкновенные люди должны были этому подчиняться...

Время шло; я возмужалъ. Мои старшіе два брата, одинъ за другимъ, пошли въ военную службу, при чемъ старшій братъ, прослуживъ полтора года, вернулся въ деревню и продолжалъ тормазить въ дѣлахъ хозяйства, а второй, одинъ изъ лучшихъ помощниковъ въ хозяйствѣ, прослуживъ шесть лѣтъ въ Петербургѣ, остался жить тамъ. Отецъ тѣмъ временемъ старѣлъ и слабѣлъ.

Всѣ эти деревенскїи потуги съ солдатчиной, лишеніе лучшаго работника въ лицѣ второго брата, старость отца и моя невольная, всегда мучившая меня бездѣятельность быстро привели хозяйство въ упадокъ; наконецъ пожаръ въ 1885 году уничтожилъ нашъ домъ и все имущество и тѣмъ довершилъ наше разореніе; мы остались безъ всякихъ средствъ. Такого удара, какъ пожаръ, организмъ отца не могъ выдержать: онъ вскорѣ заболѣлъ и въ мартѣ слѣдующаго 1886 года умеръ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство

недостроенную избу, лошадь въ пять рублей, съ телѣгой о трехъ колесахъ, и 50 рублей недоимки.

Получивъ такое „наслѣдство“, я долженъ былъ принять все хозяйство, вступить равноправнымъ членомъ общества и дѣйствовать, т. е. кормить себя, мать старуху совершенно безпомощную и разбитую горемъ, платить исправно подати и недоимку. Денегъ ни гроша, помощи ни откуда, и ни къ чему не подготовленный, имѣя 17 лѣтъ, задача веденія хозяйства казалась для меня неразрѣшимой.... Тѣмъ не менѣе крѣпостная зависимость общины удерживала меня дома, т. е. по-просту староста не давалъ мнѣ паспорта прежде чѣмъ я не внесу за годъ впередъ податей и недоимку, и я *волеи-не-волеи* принужденъ былъ „раздувать кадило“... Общество, въ лицѣ старосты, въ виду круговой поруки, было озабочено тѣмъ, чтобы я не затягивалъ податей и по возможности выплачивалъ недоимку; поэтому староста всегда преслѣдовалъ меня, какъ тѣнь; повезу-ли на базаръ продавать сѣно—онъ уже тамъ, около меня, и послѣ продажи сейчасъ же отбирать деньги; продамъ ли капусту, онъ тутъ-какъ-тутъ; а осенью, для лучшаго поощренія къ платежу, общество, также въ лицѣ старосты и понятыхъ, отбирало у меня,—впрочемъ не у одного меня,—все, что находилось лишняго въ домѣ; а такъ какъ лишняго кромѣ стараго самовара у насъ ничего не было, то забирались въ волость послѣднія колеса,—послѣ чего мнѣ невольно приходилось сидѣть сложа руки и ждать зимы. Колеса эти изъ волости обыкновенно куда-то исчезали. Протестовать противъ такого страшнаго и всемогущаго,—какъ мнѣ казалось,—человѣка, какъ староста, и въ голову не могло придти; вѣдь въ перспективѣ рисовалась „темная“, а то и розги,—слово, которое иногда улавливало мое ухо.

Мнѣ тогда казалось, что нигдѣ нѣтъ такой несправедливости, какъ въ крестьянскомъ обществѣ, и нигдѣ нѣтъ такого холоднаго равнодушія—въ лучшемъ случаѣ, и

ненависти—въ худшемъ, какъ среди общественниковъ другъ къ другу. Каждый членъ общества видитъ въ своемъ собратѣ конкурента на тотъ кусокъ хлѣба, который выданъ имъ судьбою неразрѣзаннымъ, и естественно, что животная природа человѣка, которая болѣе рѣзко выражается въ грубомъ и неразвитомъ крестьянинѣ, заставляетъ однихъ, болѣе сильныхъ, отнимать этотъ кусокъ у другихъ, болѣе слабыхъ, въ результатѣ чего появляются кулаки—міроѣды и забитые михрютки. Теперь же я думаю, что общество, своимъ патріархальнымъ управленіемъ, создало не мало преступниковъ. Всякій, кто не любитъ считаться съ своею совѣстью и прибивающій къ возбуждательнымъ папкамъ, пошавъ въ тиски къ своимъ милымъ товарищамъ.—общественникамъ, не можетъ поручиться за то, чтобы онъ не сдѣлался вредителемъ общества, т. е. преступникомъ.

Однако я увлекся въ сторону. Но что дѣлать? до сихъ поръ не могу равнодушно вспомнить свое прежнее житье подъ роднымъ кровомъ.

И такъ, отдавая свой ничтожный заработокъ въ уплату податей, на продовольствіе мнѣ оставалось очень немного, на ремонтъ же одежды и вовсе ничего. Поэтому, читателю понятно, какую фигуру я представлялъ изъ себя въ отношеніи наружности. При всемъ томъ мнѣ было 18—20 лѣтъ, время, когда разцвѣтаетъ человѣческая природа, такъ сказать, наступаетъ весна жизни и, къ несчастью, мое сердце было не чуждо извѣстнаго чувства, называемаго любовью. Но что могъ я сдѣлать? Развѣ только своимъ жалкимъ видомъ вызвать состраданіе у того предмета, къ которому стремились мои чувства? Нѣтъ, я тайлъ ихъ у себя. О! то была мука!

И такъ продолжалось три года моего хозяйничанья; три года я страдалъ, изнемогая въ борьбѣ за существованіе, изнемогая подъ тяжестью крестьянскаго хозяйства; наконецъ не выдержалъ и за годъ до солдатчины я рѣшилъ покинуть деревню и идти въ Москву, поставивъ себѣ

цѣлью отдохнуть и набраться силъ для предстоящей военной службы. Я продалъ лошадь, сбрую и кое-какую хозяйственную утварь и, набравъ рублей 20, внесъ ихъ старостѣ въ уплату податей и взаменъ получилъ полугодовой паспортъ. Мать скрѣпя сердце согласилась на мое рѣшеніе покинуть ее одну въ деревнѣ. „Вѣдь все равно надо привыкать къ разлукѣ“—говорилъ я ей въ видѣ „утѣшенія“, въ отвѣтъ на что у нея лились потоки слезъ.

Наконецъ, первый разъ въ жизни—я въ Москвѣ, въ этомъ таинственномъ тогда для меня городѣ. Таинственнымъ городомъ онъ мнѣ показался потому, что въ него стремились масса моихъ земляковъ и большая часть этой массы тамъ погибала, — нравственно, конечно, — послѣ чего они доброй и не доброй волей возвращались на родину; но были и такіе счастливыя, которые дѣлались тамъ „именитыми“ купцами и возбуждали зависть у своихъ бывшихъ односельчанъ. Я конечно не смѣлъ мечтать ни о какихъ корыстныхъ цѣляхъ, а пошелъ въ Москву—повторяю—исключительно для того, чтобы отдохнуть.

На другой день по прибытіи въ Москву, благодаря рекомендаціи земляковъ, я поступилъ на должность. Правда, должность эта была очень маленькая, но все-таки жизнь въ Москвѣ сильно повліяла на мое развитіе. Я быстро получилъ тамъ пробужденіе въ физическомъ и умственномъ отношеніи.

Отсутствие заботы о хлѣбѣ, страха отъ сельскихъ властей и то, что я постоянно былъ сытъ—способствовали развиться во мнѣ другимъ наклонностямъ: я полюбилъ чтеніе,—благо книги попадались тамъ на каждомъ шагѣ,—все свободное время посвящалъ обзорѣнію музеевъ, посѣщенію театровъ и разныхъ достопримѣчательностей. Родъ моей службы способствовалъ посѣщенію Императорскихъ театровъ почти ежедневно, — хотя на сцену приходилось смотрѣть изъ-за кулисъ, въ дырочку, проверченную въ полотнѣ пальцемъ Ечкинскими кучерами, которые возили

артистовъ и администраціей театровъ. Пускались за кулисы грѣться, — но все-таки наслажденіе я получалъ полное.

Все время московской жизни, — а жить я тамъ всего 9 мѣсяцевъ, — находился въ какомъ-то экстазѣ. Мысли рвались неудержимымъ потокомъ, но чувствовался въ нихъ хаосъ; находясь въ театрѣ, мнѣ хотѣлось самому играть на сценѣ, писать драмы; обозрѣвая музеи — хотѣлось писать картины; проходи мимо памятника Пушкина, который производилъ на меня всегда особенное впечатлѣніе, и всякій разъ какъ я прочитывалъ стихи на памятникѣ, я чувствовалъ какъ „шевелились“ мои мозги и являлось сильное желаніе писать стихи. Словомъ, моя психика находилась въ странномъ состояніи; искусствомъ я увлекся окончательно; другая сторона городской жизни меня не интересовала и осталась неизвѣстна.

Въ деревню я вернулся незадолго передъ „ставкой“.

Вернулся я, — какъ мнѣ говорили, — „совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и узнать нельзя“. И я самъ чувствовалъ, что во мнѣ произошла перемѣна, и что я стою теперь по развитію гораздо выше прежняго. Тѣлесно я также измѣнился къ лучшему, и меня пророчили въ гвардію.

Находясь еще подъ впечатлѣніемъ „московскаго духа“, я съ удовольствіемъ ждалъ дня „ставки“, послѣ которой долженъ настать часъ моего вступленія на новый путь, — путь можетъ быть и тернистый, но прямой и, какъ мнѣ казалось, ведущій къ желанной цѣли: къ свѣту и „свободѣ“. Думать о томъ, что я могу не пойти въ военную службу, мнѣ не хотѣлось и казалось неприятнымъ, — такъ я свыкся съ мыслию, что въ солдатчинѣ мое спасеніе.

Однако мое радужное настроеніе часто и въ сильной степени омрачалось отчаяннымъ горемъ моей матери. Я сознавалъ, что мое „счастье“ принесетъ ей горе, — горе, которое ничѣмъ нельзя отвратить. Кромѣ разлуки со мною, которой она всегда боялась, она лишалась во мнѣ единственнаго кормильца, — если не считать рѣдкихъ и маленькихъ

подачекъ средняго брата изъ Петербурга. Старшій братъ, какъ я упоминалъ, былъ неспособенъ къ добыванію средствъ.

И такъ, въ моей душѣ была страшная борьба: съ одной стороны хотѣлось поскорѣе отдѣлаться и уйти отъ прежней „милой“ жизни, а съ другой — жаль покинуть дорогое моему сердцу существо—мать. Но необходимость пришла на помощь осуществленію перваго моего желанія.

II.

«С т а в к а».

Наступило 1-е ноября, день жеребьевки. Въ помещеніи для приѣма новобранцевъ, на столѣ, стоялъ стеклянный круглый вращающійся ящикъ; въ немъ до половины лежали въ разныхъ направленіяхъ—вдоль, поперекъ и стоя—бѣлыя бумажныя тоненькія трубочки,—это были „жеребій“. Когда я былъ вызванъ къ ящику, чтобы вынуть себѣ жребій, то я просунулъ руку въ отверстие и взялъ одну изъ трубочекъ, которая лежала сверху всѣхъ и казалась приготовленной для меня; вынувъ, я передалъ эту трубочку предсѣдателю, послѣдній развернулъ ее и громко сказалъ: „№ 39-й“, а затѣмъ передалъ ее мнѣ. Конечно я былъ доволенъ своимъ „жеребіемъ“.

На слѣдующій день была, такъ называемая, „ставка“ и я, будучи провожаемъ громкими рыданіями своей матери, въ числѣ прочихъ, явился въ присутствіе. Здѣсь народу было видимо—невидимо: каждаго новобранца сопровождала чуть-ли не цѣлая семья; много было постороннихъ любопытствующихъ, меня же никто не сопровождалъ...

Протискавшись среди биткомъ набитаго народомъ помещенія—къ рѣшеткѣ, отдѣляющей комиссію отъ публи-

ки, я сталъ ждать вызова и пока наблюдалъ за процессомъ осматриванія новобранцевъ.

За присутственнымъ столомъ сидѣли члены комиссіи въ шитыхъ золотомъ дворянскихъ мундирахъ, городской голова и нѣсколько старшинъ—съ медалями. Обстановка торжественная.

Предсѣдательствующій (предводитель дворянства) по списку и по порядку ММ жребіевъ вызывалъ новобранцевъ. Вызываемый проходилъ черезъ дверь за рѣшотку, гдѣ засѣдала комиссія, и тамъ раздѣвался до-гола; его ставили подъ мѣрку для измѣренія роста, а затѣмъ обмѣряли грудь. Прежде всего докторъ спрашивалъ каждаго новобранца, здоровъ-ли онъ. При этомъ очень немногіе оказывались совершенно здоровыми, а чаще всего слышались заявленія о какихъ-либо болѣзняхъ. Заявившаго о какой-либо болѣзни докторъ начиналъ изслѣдовать, выслушивать, клалъ на диванъ и продѣлывалъ разныя манипуляціи. Часто заявленія рекрута о своей болѣзни не принимались во вниманіе, и послѣ болѣе или менѣе подробнаго осмотра и обмѣра груди, докторъ говорилъ что-то съ предсѣдателемъ въ полголоса, и послѣдній громко объявлялъ о годности или негодности рекрута для военной службы.

Я замѣтилъ, что очень немногіе относились равнодушно къ своей участи, большинство проникнуто явнымъ желаніемъ „отбояриться“ и стараются показаться негодными. Нѣкоторые, желая сѣзуть грудь во время ея обмѣра, прекращаютъ дыханіе и сильно вытягиваютъ руки вверхъ; притворяются глухими, идіотами, указываютъ на отсутствіе зубовъ и проч. Конечно, все это не достигаетъ цѣли: докторъ уже привыкъ къ этому и судьбу рекрута опредѣляетъ по своему усмотрѣнію.

Бываютъ и такія сцены: ранѣ меня, по жребію, былъ вызванъ мой односельчанинъ, очень маленькаго роста, едва годнаго по закону (2 ар. 2 в.) Онъ также заявилъ о

своей болѣзни (у него была каменная болѣзань); докторъ осмотрѣлъ его и призналъ годнымъ. Въ это время за рѣшотку протискался его отецъ, такой же маленькій, тщедушный старичекъ. Онъ упалъ на колѣни и, со слезами на глазахъ, сталъ умолять присутствіе о признаніи его сына негоднымъ, такъ какъ онъ съ малыхъ лѣтъ страдаетъ каменной болѣзнію, и въ доказательство досталъ изъ кармана, завернутые въ клочекъ газетной бумаги, штукъ около десятка круглыхъ, неправильной формы желтоватыхъ предметовъ,—похожихъ на камешки. Чтобы убѣдить присутствіе въ дѣйствительной болѣзни, онъ предлагалъ вызвать въ качествѣ свидѣтели старуху, которая вытаскивала у него эти камни, и которая, на всякій случай, пришла сюда и ждетъ у двери.

Просьбу мужика не уважили и сына приняли, а его утѣшили тѣмъ, что если онъ дѣйствительно окажется негоднымъ, то его скоро вернуть изъ полка (и дѣйствительно, черезъ полгода его вернули, какъ неспособнаго, въ деревню, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ).

Наконецъ и я услышалъ свою фамилію. У меня невольно застучало въ груди, и въ ногахъ почувствовалась какая-то слабость, какъ будто въ нихъ кости размякли,—хотя страха я не ощущалъ. Пробравшись за рѣшотку, я сѣлъ на диванъ и сталъ раздѣваться. Однако, отъ присутствія массы людей, которые, казалось, *все* смотрѣли на меня, и отъ вида начальства въ блестящихъ мундирахъ—мною овладѣло какое-то непонятное чувство: въ горлѣ сохло, что-то сжимало его, руки повиновались плохо, ноги не сгибались и предметы одежды казались въ рукахъ тяжелыми. Но, пока осматривали прежде меня вызваннаго, я успѣлъ оправиться.

Прежде всего, меня поставили подъ мѣрку. Городовой щелкнулъ доскою, и она плавно опустилась на мою голову; послѣ этого онъ громко сказали: „семь три осьмыхъ“. Это значитъ, что во мнѣ роста 2 арш. и $7\frac{3}{8}$ верш. За-

тѣмъ докторъ тесьмою обмѣрилъ грудь и также громко сказалъ: „двадцать и четыре“. Значить размѣръ груди— $20\frac{1}{8}$ вер. По правилу, размѣръ груди противъ роста оказался на 1 вер. больше. На вопросъ доктора: „всѣмъ здоровъ?“ я отвѣтилъ утвердительно. Онъ повернулъ меня кругомъ, постучалъ металлической пластинкой по груди и велѣлъ одѣваться. Послѣ этого предсѣдатель громко провозгласилъ: „Подшиваловъ, Дмитрій Ивановъ, признанъ годнымъ къ дѣйствительной военной службѣ“. Я облегченно вздохнулъ; у меня какъ-будто гора съ плечъ свалилась. Предъявивъ свидѣтельство объ окончаніи народнаго училища, я одѣлся и вышелъ на улицу, чувствуя себя бодрымъ и готовымъ ревностно исполнить долгъ военной службы. Все прошлое—прощай, а въ будущемъ я былъ увѣренъ....

III.

П р о в о д ы .

Послѣ трехнедѣльнаго „гулянья“, которое такъ тяжело отзывается на карманахъ обывателей, имѣющихъ таковыхъ гулякъ, и которое вдвойнѣ тяжело отзывалось на мнѣ—намъ была произведена разбивка. Меня выбрали въ гвардію. Быть выбраннымъ въ гвардію считалось завиднымъ и это было удѣломъ немногихъ: изъ партіи нашего (Боровскаго) уѣзда, болѣе чѣмъ въ двѣсти человекъ, въ гвардію выбиралось всего восемь новобранцевъ. Очень понятно, что я былъ доволенъ своимъ назначеніемъ въ гвардію, гдѣ, по слухамъ, служба гораздо интереснѣе, чѣмъ въ арміи, и при томъ въ Петербургѣ жилъ мой братъ.

Наконецъ, насталъ тяжелый день разставанья и особенно тяжелый для меня. Уѣзжая на службу, я, съ одной

стороны, покидать прошлую, ненавистную и полную всяких лишений деревенскую жизнь; съ другой—оставлялъ на произволь судьбы въ этой же ненавистной жизни, безъ всякихъ средствъ, хворую и безпомощную старуху-мать, — это единственное тогда близкое моему сердцу существо. Печали ея не было границъ. Будучи свидѣтелемъ ея душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, причиненныхъ необходимою разлукою со мной, я думалъ, что она не перенесетъ ихъ и умереть....

Послѣ переклички и исполненія разныхъ формальностей на дворѣ сборныхъ казармъ, насъ вывели на улицу. Мы всѣ приготовились въ походъ и были нагружены суммами, биткомъ набитыми разною рухлядью, необходимою для солдата. Здѣсь, на улицѣ, намъ было позволено проститься съ родными. Среди массы народа, собравшагося провожать новобранцевъ, я немедленно узналъ свою мать; ея блѣдное, исхудалое лицо съ распухшими, красными отъ слезъ глазами—запечатлѣлось въ моей памяти... Мы простились... но она, прощаясь, такъ вцѣпилась въ меня, что я безъ посторонней помощи не могъ освободиться. Насъ построили въ колонну и скомандовали „шагомъ маршъ“. Тяжелая минута... Спазмы душили горло, сердце готово разорваться, но я не плакалъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я оглянулся назадъ и въ послѣдній разъ видѣлъ свою мать, лежащую ничкомъ на снѣгу; около нея хлопотали двѣ женщины, очевидно уговаривали ее. Дойдя до поворота, гдѣ дорога входитъ въ густую сосновую рощу, я еще разъ оглянулся—она все лежала, и чуть виднѣлось очертаніе ея сгорбленной спины въ черной шубѣ и сѣрый платокъ на головѣ; нѣсколько шаговъ за поворотъ и... „прощай моя родная, прощай, можетъ быть, навсегда“...

Прибытіе въ Петербургъ.

Наша партія въ восемь человекъ гвардейцевъ, съ провожатымъ унт.-оф. изъ кирасирь, прибыла въ Петербургъ поздно вечеромъ. Новыя мѣста, новыя впечатлѣнія, особенно Петербургъ съ ярко освѣщеннымъ электричествомъ Невскимъ проспектомъ—все это сильно занимало; но неудобства пути и тяжесть багажа, который намъ пришлось по Петербургу тащить на себѣ, давали себя чувствовать непріятно. Въ пути по желѣзной дорогѣ насъ набивали въ вагоны, какъ „сельдей въ бочки“, къ тому же въ нашей партіи былъ одинъ новобранецъ, сынъ богатаго трактирщика, не жалѣвшій денегъ на покойку, и благодаря ему, всю дорогу производилась пьяная оргія, что для нѣкоторыхъ изъ насъ, непьющихъ, было невыносимо.

Отъ Николаевского вокзала мы направились въ „Проходящія“ казармы (на Загородномъ проспектѣ). Здѣсь провожавшій насъ кирасирь сдать насъ въ канцеляріи дежурному канцеляристу изъ вольноопредѣляющихся. Послѣ нѣкоторыхъ формальностей, заключающихся въ записи нашихъ фамилій и проч.,—вольноопредѣляющійся повелъ насъ въ казарму, на второй этажъ. Было около 12 часовъ ночи. Мы со всѣми своими пожитками: съ сундуками, узлами и узелочками взошли на верхъ. Казарма внутри была слабо освѣщена керосиновыми лампочками. Она состояла изъ нѣсколькихъ огромныхъ залъ; вдоль стѣнъ и посрединѣ, во всю длину, тянулись нары, которыя тонули въ полумракѣ слабо освѣщенныхъ казармъ. Когда мы взошли въ казарму, то сначала едва могли различить ближайшіе предметы; что было дальше, въ противоположной сторонѣ зала—разглядѣть было невозможно.

Здѣсь, въ казармахъ, вольноопредѣляющійся сдать насъ дневальному солдату и приказалъ дать намъ мѣсто на нарахъ.

Дневальный повелъ насъ вдоль казармъ, изъ зала въ залъ. Глаза наши также стали привыкать къ полутемнотѣ, и мы увидѣли, что на всѣхъ нарахъ сплошь лежатъ сѣрые, похожіе на мѣнки съ картофелемъ—люди; подъ нарами были набиты сундуки и узлы. Въ первомъ залѣ свободнаго мѣста на нарахъ для насъ не оказалось; дневальный провелъ насъ въ другой залъ, но тамъ было то же самое; мы перешли въ третій, и немного не доходя до конца третьяго зала, дневальный остановился и указалъ намъ рукою на среднюю нару, на которой также сплошь лежали люди, и приказалъ намъ расположиться здѣсь. Мы недоумѣвающе посмотрѣли на него и сразу всѣ спросили: „гдѣ же ложиться? Вѣдь здѣсь занято“.

—Ничего, они подвинутся.

Дѣлать было нечего; постоявъ немного въ раздумьѣ и почесавъ затылки, мы сложили свои пожитки въ проходъ,—подъ нарами все было занято,—и, снявъ только верхнюю одежду, легли на нары между людей или вѣрнѣе на людей, на спай, какъ кладутъ кирпичи въ каменной стѣнѣ. Отъ тяжести нашихъ тѣлъ, лежащіе подъ нами люди немного раздвинулись, и между ними образовались щели, въ которыя мы однимъ бокомъ и провалились,—причемъ одна часть нашего тѣла упиралась на доски наръ, а другая—на тѣла лежащихъ подъ нами людей. Наше невольное сосѣдство было принято бранью обезпеченныхъ и уже крѣпко спавшихъ людей; брань эту мы понять не могли, такъ какъ она произносилась на неизвѣстномъ для насъ языкѣ,—впослѣдствіи оказалось, что это были „чухонцы“. Не обращая вниманія на неудовольствіе новыхъ товарищей, чухонъ, мы скоро заснули, утомленные хотя непродолжительнымъ (40 вер. на подводахъ и 700 вер. по желѣзной дорогѣ), но безпокойнымъ путемъ.

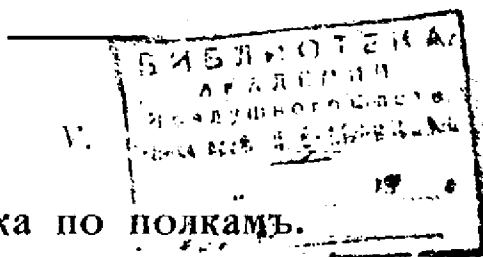
Утромъ мы проснулись, когда было уже свѣтло. Наши новые товарищи чухны сидѣли на нарахъ и на своихъ узлахъ, пили чай съ ситнымъ и колбасой; ихъ примѣру

послѣдовали и мы. Въ казармѣ, при дневномъ свѣтѣ, была видна масса народа. Стоялъ невообразимый шумъ и говоръ на разнымъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Здѣсь были и русскіе, и чухны, и поляки, и бѣлоруссы—каждая партія въ своихъ національныхъ костюмахъ и каждая партія образовала свой тѣсный кружокъ. Теперь, утромъ, отъ куренія въ казармахъ дымъ носился сѣрозелеными волнами и назойливо лѣзалъ въ носъ и въ горло...

Насъ и другихъ вновь прибывшихъ остригли машинкой и отпустили въ городъ, кто куда желаетъ, свободно, безъ провожатыхъ и безъ билета, но съ наказомъ, чтобы явиться въ казармы не позже девяти часовъ вечера.

Я воспользовался отпускомъ и сейчасъ-же направился отыскивать своего брата, живущаго въ Петербургѣ, — что мнѣ очень скоро и удалось. Изъ благодарной памяти къ брату, Захару Ивановичу, я не могу здѣсь не упомянуть о томъ, что онъ принялъ во мнѣ живое участіе матеріальной поддержкой и тѣмъ значительно облегчилъ первые годы моей службы. Онъ самъ служилъ въ Кавалергардскомъ полку и, зная хорошо службу въ немъ, выражалъ желаніе, чтобы и я поступилъ туда-же; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ мнѣ при разбивкѣ по полкамъ попроситься въ Кавалергардскій полкъ—если только я буду назначенъ въ кавалерію, — это, говоритъ — нѣкоторыми практикуется, и просьбу иногда уважаютъ.

Разбивка по полкамъ.

На слѣдующій день по прибытіи нашемъ въ Петербургъ, состоялась въ Михайловскомъ манежѣ разбивка новобранцевъ по полкамъ. Еще съ утра, нагружившихся съ

головы до ногъ своими вещами, насъ выстроили на дворѣ и сдѣлали перекличку. Новобранцевъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, и перекличка заняла что-то около 4 часовъ времени. Только послѣ полудни мы тронулись въ путь къ манежу. Въ манежѣ, сложивъ свои пожитки въ уголь, мы были выстроены въ шеренги: кавалерія въ передніе ряды, пѣхота въ задніе. Я попалъ въ кавалерію. Шанки намъ приказано снять, чтобы видѣть цвѣтъ волосъ. Послѣ нашей разстановки, въ манежъ начало съѣзжаться начальство въ парадныхъ мундирахъ, со множествомъ орденовъ. Противъ насъ выстроились, по нѣскольку человѣкъ отъ каждой части, стройные, также въ парадныхъ мундирахъ, команды нижнихъ чиновъ. Особенное наше вниманіе обращали на себя гусары въ красныхъ мундирахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, затѣмъ уланы и громадныя, въ блестящихъ каскахъ, кирасиры.

Стоять пришлось намъ порядочно и въ манежѣ; но, вдругъ начальство засуетилось: противъ насъ стройные солдаты вытянулись какъ куклы: послышалась громкая команда „смирно!“ послѣ чего, не смотря на скопленіе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ манежѣ водворилась полная тишина, все замерло...; въ это время въ дверяхъ послышался шелестъ, хрустъ песка и позвякиваніе шпоръ. Наши взоры обратились по направленію къ двери, гдѣ показался Великій Князь Владиміръ Александровичъ, который долженъ былъ производить разбивку. Онъ громкимъ и чистымъ звенящимъ басомъ поздоровался съ выстроившимися командами, на что послѣдніе тоже громко и отчетливо „гаркнули“: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество!“ Послѣ появленія Великаго Князя тотчасъ-же началась разбивка.

Великій Князь, вооружившись кускомъ мѣла, направился вдоль рядовъ новобранцевъ и чертить на груди у каждаго цифру, обозначающую номеръ того полка, въ который онъ долженъ поступить. Сзади шеренги, параллельно Великому Князю, шелъ унтеръ-офицеръ огромнаго роста; онъ смо-

трѣлть черезъ плечо каждаго новобранца на написанную цифру и, громовымъ голосомъ называя полкъ, быстро вышхивалъ его вонъ изъ шеренги; послѣдняго сейчасъ-же подхватывали солдаты названнаго полка и уводили къ своей партіи. Я стоялъ въ третьей шеренгѣ кавалеристовъ. Наконецъ очередь дошла и до меня. Великій Князь подошелъ ко мнѣ въ упоръ, окинулъ глазами съ головы до ногъ, — на что потребовалось 2—3 секунды — и на груди провелъ мѣломъ черту, сказавъ вполголоса: „первый“. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже летѣлъ въ сторону, будучи вышвырнутъ огромнымъ унтеръ-офицеромъ, произнесшимъ надъ моимъ ухомъ громовымъ голосомъ: „Кавалергардъ!“ Меня сейчасъ-же подхватили два солдата въ черныхъ мундирахъ съ бѣлыми пуговицами и въ мѣдныхъ каскахъ и отвели въ одинъ изъ угловъ манежа, гдѣ уже стояла кучка новобранцевъ, человекъ 25. Меня сейчасъ-же записали въ списокъ.

Желаніе мое исполнилось, и назначенъ въ Кавалергардскій полкъ помимо всякихъ просьбъ.

Разбивка кончилась. Стало уже темно. Наши вещи забрали на полковныя подводы, а насъ съ музыкой повели въ казармы на Шпалерной улицѣ.

VI.

Назначеніе во 2-й эскадронъ и водвореніе въ казармахъ.

Мы переночевали въ казармахъ полка; на слѣдующій день намъ была разбивка по эскадронамъ. Для разбивки насъ привели въ полковую канцелярію; здѣсь-же, въ ожиданіи командира полка, собрались офицеры—командиры эскадроновъ и завѣдующіе молодыми солдатами. Въ ожи-

даніи разбивки мы стояли въ углу и наблюдали офицеровъ,—своихъ будущихъ командировъ. Особенное наше вниманіе обращалъ на себя одинъ офицеръ, очень высокаго роста, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ; въ отличіе отъ другихъ офицеровъ на немъ были бѣлые, серебряные эксельбанты. Глядя на насъ, онъ улыбался; то и дѣло ходилъ, танцуя, изъ комнаты въ комнату; прыгалъ на плечи нѣкоторымъ офицерамъ и громко съ ними смѣялся,—словомъ, велъ себя непринужденно, а остальные офицеры были къ нему почтительны. Явился командиръ полка, генералъ (генералъ-маіоръ Тимирязевъ), невысокаго роста, старичекъ, но очень бодрый. Производи разбивку, онъ также оглядѣвъ меня съ ногъ до головы и, посоветовавшись съ офицерами, мѣломъ на груди написалъ цифру—2, что означало назначеніе меня во 2-й эскадронъ. Кромѣ меня въ этотъ разъ во 2-й эскадронъ былъ назначенъ еще одинъ новобранецъ—Карасевъ, Рязанской губ. Унтеръ-офицеръ повелъ насъ въ казарму 2-го эскадрона, расположенную во второмъ этажѣ; туда-же явился и высокій офицеръ съ эксельбантами; какъ оказалось, это былъ Великій Князь Николай Михайловичъ, Командиръ 2-го эскадрона. Посоветовавшись съ вахмистромъ, онъ обоихъ насъ назначилъ въ 1-й взводъ. Здѣсь, въ эскадронной канцеляріи, насъ еще разъ записали. Затѣмъ Великій Князь предложилъ намъ передать ему деньги на храненіе; при этомъ онъ насъ увѣрялъ, что денегъ нашихъ не украдетъ, они будутъ цѣлы, а у насъ самихъ скорѣе „станутъ“. У моего новаго товарища—Карасева оказалось три рубля, которые онъ сейчасъ-же досталъ изъ сапога завернутые въ портянку, — предварительно разувишись здѣсь-же. Отдавая деньги, Карасевъ спросилъ у Великаго Князя: „А когда-же ты мнѣ отдашь ихъ?“ Великій Князь, хохотавшій все время смотря на то, какъ онъ доставалъ деньги изъ сапога, засмѣялся еще сильнѣе на его наивный и грубый вопросъ и сказалъ, что деньги онъ можетъ взять

обратно — когда захочетъ. Очевидно, отобраніе денегъ сильно смуцало моего товарища. У меня денегъ ничего не оказалось, и мнѣ было крайне неловко передъ Великимъ Княземъ, который могъ думать, что я скрываю и не хочу передать ему. Я объяснилъ ему, что денегъ не взялъ съ собою потому, что у меня здѣсь живетъ братъ, который и будетъ поддерживать меня деньгами, когда понадобятся.

Помѣщеніе казармъ, куда насъ привели и гдѣ мы должны были поселиться на житье, было просторно, свѣтло и чисто; вдоль корридора, по обоимъ сторонамъ длинными рядами вытянулись желѣзныя койки, покрытыя красными байковыми одѣялами, съ подушками въ бѣлыхъ наволочкахъ. За койками, также по обѣимъ сторонамъ въ рядъ, стояли досчатые, выкрашенные бѣлой краской, ширмы; на ширмахъ помѣщались кирасы и каски. На ярко вычищенныхъ, — какъ къ празднику самовары, — кирасахъ и каскахъ отражались лучи солнца; отъ этого внутренность казармы приняла еще болѣе веселый видъ, чѣмъ отъ обильнаго свѣта, лившагося въ большія окна съ двухъ сторонъ. За ширмами виднѣлись стриженные головы солдатъ, уголки столикковъ, табуретокъ и прочихъ вещей, — тамъ сосредоточивалась будничная жизнь солдата: тамъ онъ пьетъ, ѣстъ, чиститъ и чинится...

Намъ съ Карасевымъ отвели койки въ первомъ взводѣ, какъ-разъ противъ образной, передъ которой послѣ повѣрки солдаты поютъ молитвы. Первымъ нашимъ дѣломъ было набить соломою выданные изъ цейхгауза матрацы; затѣмъ намъ пригнали мундиръ, тужурку и шинель, а нашу домашнюю одежду отобрали въ нейхгаузъ. Съ этого времени мы сдѣлались по виду настоящими, форменными солдатами.

Въ тотъ же день намъ обоимъ съ Карасевымъ назначили одного дядьку по фамиліи Повѣренный, уроженца Ярославской губ.; это былъ старый солдатъ, окончившій учебную команду; онъ былъ произведенъ въ ефрейторы, но впоследствии разжалованъ въ рядовые за неумѣренное

употребленіе водки. Въ то время, когда насъ поручили его „попеченію“, онъ считался исправившимся и назначенъ въ помощники къ учителю молодыхъ солдатъ. Какъ человекъ, онъ былъ прекрасный; развитъ, какъ большинство ярославцевъ. Кромѣ полезныхъ для службы совѣтовъ мы отъ него ничего не слышали; былъ вѣжливъ не по-солдатски и никогда не заставлялъ чистить для себя сапоги и исполнять другія послуги,—что почти всегда практикуется другими дядьками. Конечно, мы тотчасъ же его полюбили какъ старшаго брата.

VI.

Первый день въ казармахъ и повѣрка.

Съ хлопотами по разборкѣ вещей и устройству постели (постель для солдатской жизни въ казармахъ есть самая главная принадлежность; на уходъ за нею посвящается много вниманія) незамѣтно наступилъ вечеръ, и время приблизилось къ повѣркѣ, которая производится всегда ровно въ 9 часовъ вечера.

Повѣрка въ солдатскомъ быту дѣло обыкновенное, но въ первый разъ она произвела на меня особое впечатлѣніе, которымъ я и желаю подѣлиться.

Вечеромъ, по окончаніи всякихъ занятій, солдаты свободны и занимаются кто чѣмъ хочетъ: кто за ширмами производить ремонтъ обуви и одежды, кто закусываетъ, а кто „дуется въ козла“ (особая игра въ карты). Но вотъ вдругъ, тамъ гдѣ-то въ глубинѣ казармъ, послышался громкій возгласъ дежурнаго по эскадрону: „На повѣрку!“ Солдаты засуетились: кто былъ раздѣтъ, послѣшно стали одѣваться, нѣкоторые застегивали мундиры, и всѣ быстро

строились въ шеренгу вдоль корридора. Пристроились и мы съ Карасевымъ, первый разъ, на лѣвомъ флангѣ. Водворилась полная тишина. Черезъ нѣскольکو минутъ вышли изъ своего отдѣльнаго помѣщенія вахмистръ (Иванъ Кузьмичъ Ермошкинъ); онъ былъ въ сѣрой тужуркѣ на на-распашку и, гордо неся коротко остриженную голову, прошелъ на правый флангъ перваго взвода. Въ рукахъ у него былъ списокъ. За нимъ, позвякивая шпорами и слегка греми палашемъ, слѣдовалъ дужурный по эскадрону унтеръ-офицеръ, въ шинели и фуражкѣ и съ рапортничкой въ рукахъ. Глядя въ списокъ, вахмистръ громко выкликивалъ фамилии: Веселовъ! Туровець! Крѣпчукъ! Косолапый! Варпа! Ашинекъ!... Преобладали фамилии малоросовъ и „чухонъ“. Послѣ произношенія вахмистромъ фамилии, каждый услышавъ ее, громко отвѣчалъ „я“! Это „я“ перескакивало по фронту, какъ по неровной лѣстницѣ: то оно раздавалось громовымъ басомъ; то вдругъ опускалось и слышалось глухо, точно изъ подполья; то произносилось высокимъ фальцетомъ; слышался альтъ и опять басъ и такъ далѣе. Иногда послѣ названія фамилии происходила заминка, — „я“ не выскакивало; въ этихъ случаяхъ дежурный по эскадрону, держа передъ глазами рапортничку, отвѣчалъ: „въ караулѣ“, „дневальный у воротъ“ или „въ дисциплинарномъ баталіонѣ“... Наконецъ, „я“, перескакивая по фронту, съ праваго фланга приблизилось ко мнѣ на лѣвый флангъ, — вдругъ и я услышала свою фамилію; у меня „я“ выскочило какъ-то неестественно — глухо и вяло.

Послѣ переклички перваго взвода, вахмистръ перешелъ во второй взводъ, выстроившійся въ одну линію и рядомъ съ первымъ. Тамъ „я“ тоже поскакало какъ по неровной лѣстницѣ. Иногда выскакивало такое оглушительное „я“, что вахмистръ, опустивъ списокъ, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда оно послѣдовало, и говорилъ: „что, ты — пьянъ сегодня?“ На это робко слышалось: „Никакъ нѣтъ, Иванъ Кузьмичъ“, и перекличка продолжалась.

Перекликаясь остальные два взвода, расположенные въ другой половинѣ казармъ, дежурный кричалъ: „На молитву! и со всѣхъ взводовъ, всѣ безъ исключенія, собрались передъ образной. Здѣсь, послѣ минутной тишины, послышался пріятный теноръ нашего дядьки, Повѣреннаго, заштѣвнаго „Царю Небесный“. Слѣдующее—„Утѣшителю, Душе Истины“ ему подтянули нѣсколько голосовъ; а уже „Иже вездѣ сый“—подхватилося всѣми, и молитва заканчивалась стройнымъ пѣніемъ всего хора. Слѣдующая молитва—„Отче нашъ“—начиналась уже сразу всѣми. Послѣ „Отче нашъ“ пѣли—„Вѣрую“... и заканчивали молитвою—„Спаси Господи, люди Твоя“. Последняя молитва пѣлась почему-то особенно громко.

Напѣвъ молитвъ въ каждомъ эскадронѣ были особый и изстари установился одинъ и тотъ же, хотя люди мѣнялись. Пѣніе выходило очень стройное. Пѣли всѣ: и католики, и лютеране, только не могу сказать про нехристіанъ, но передъ образомъ и они становились.

Послѣ молитвы дежурный приказалъ убавить огни, и солдаты стали разбираться и ложиться спать; мы тоже послѣдовали этому—и очень охотно.

Растянувшись на соломенномъ матрацѣ, покрытомъ чистою простынею, послѣ долгихъ мытарствъ безпокойнаго путешествія, я почувствовалъ во всемъ тѣлѣ нѣгу, блаженство. „Слава Богу“—сказалъ я себѣ, съ вырвавшимся облегченнымъ вздохомъ,—теперь я „дома“, на мѣстѣ, и домъ показался мнѣ очень пріятнымъ: чисто, свѣтло и тепло; какъ-разъ противъ меня образная изъ рѣзного орѣхово-ваго дерева; за стекломъ блеститъ золотомъ художественной работы икона Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, во весь ростъ. На вызолоченной, ажурной работы, лампадѣ отражался слабый свѣтъ огня отъ лампы, висѣвшей на потолкѣ; все это я видѣлъ не поднимая головы,

лежка, и видѣнное порождало во мнѣ иллюзію чего-то пріятнаго, умилительнаго, растворявшаго чувства, отъ которыхъ хотѣлось плакать... Направо и налево, также не поднимая головы, я видѣлъ правильные ряды желѣзныхъ коекъ, на которыхъ подъ красными байковыми одѣялами рельефно выдѣлялись тѣла растянувшихся солдатъ. Отъ слабого свѣта привернутой лампы, лица ихъ казались блѣдными, на ширмахъ блистали даже при слабомъ свѣтѣ, ярко начищенные кирасы и каски. Эти кирасы и каски напоминали что-то рыцарское, сказочное, и невольно пробуждали воспоминаніи о когда-то прочитанныхъ разсказахъ изъ рыцарскихъ временъ. Дальше, вдоль стѣны, правильнымъ рядомъ стояли въ стѣнкахъ винтовки съ надѣтыми штыками, вмѣющія внушительный видъ. Кромѣ умилительности во мнѣ прибавилось чувство бодрости и увѣренности въ будущемъ... Я былъ очень доволенъ, но крайней мѣрѣ настоящей минутой; это настоящее я сравнилъ съ прошлымъ, и оно показалось мнѣ раемъ. Такъ я рѣшилъ, такъ и написалъ потомъ матери: „ты не тужи обо мнѣ, я теперь въ „раю“. Да, я теперь въ раю, продолжалъ я думать о настоящемъ и сравнивать съ прошлымъ, но мать? Она осталась въ прежнемъ положеніи, попрежнему обитаетъ на печи холодной лачуги, совершенно одна, безъ всякихъ средствъ и при томъ больная (она почти всегда была больна, страдая головною болью и разстройствомъ пищеваренія). Ахъ! какое страдальческое лицо было у нея во все время моего „гулянья“, т. е. времени отъ пріема до отправки въ полкъ, и особенно при прощаніи,—никогда я этого блѣднаго, исхудалаго, но милаго и дорогого лица не забуду... Къ горлу приступили спазмы, слезы текли по щекамъ и смочили шею; я не старался ихъ удерживать и далъ имъ волю...-

Ну!—сказалъ я себѣ,—буду стараться служить насколько силъ хватить, а хорошая служба утѣшитъ мать и сдѣлаетъ ей нѣкоторое облегченіе, а потомъ, можетъ быть, найдется возможность помогать ей и матеріально.

Долго размышлялъ я, вытянувшись на койкѣ во весь ростъ; наконецъ природа взяла свое, и я незамѣтно для самого себя заснулъ. Мой сосѣдь Карасевъ давно уже храпѣлъ.

VIII.

ВЪ КОНЮШНѢ.

Утромъ я проснулся отъ громкаго возгласа дежурнаго по эскадрону, который, проходя изъ взвода во взводъ, кричалъ: „Къ конямъ!“ Обыкновенно такъ будились солдаты ежедневно ровно въ 5 часовъ утра. Я вскочилъ быстро и, сразу сообразивъ въ чемъ дѣло, сталъ одѣваться. Нѣкоторые старые солдаты послѣ перваго возгласа „къ конямъ“, продолжали лежать или, какъ говорятъ, „тянуться“, но не долго, такъ какъ настойчивое движеніе дежурнаго заставляло и ихъ вставать. Черезъ десять минутъ въ казармахъ, кромѣ дневальныхъ, никого не оставалось: всѣ шли въ конюшню на чистку и уборку коней.

Когда я въ первый разъ явился въ конюшню, на меня пахнулъ рѣзкій, щекочущій въ носу запахъ конскаго навоза. Здѣсь, по обѣимъ сторонамъ чисто разметеннаго коридора, въ раздѣленныхъ столбами и перекладинами стойлахъ, стояло до 35 лошадей. Надъ каждымъ стойломъ на полкѣ лежало сѣдло со свѣшивающимся ярко полированными стремянами; выше, на столбѣ, висѣли мундштукъ, уздечка и доска съ надписью названія лошади, года ея рожденія и завода, гдѣ она родилась.

Взводный унтеръ-офицеръ (Гуровецъ) указалъ мнѣ коня, за которымъ я долженъ постоянно ходить и чистить. На доскѣ, висѣвшей надъ этимъ конемъ, было написано: „Конь Единодушный“. Это былъ статный, гнѣдой, съ густой черной гривой и густымъ волнистымъ хвостомъ—

меринъ; на лбу бѣлая звѣздочка и во всю морду до губъ бѣлая узкая полоска; заднія ноги по щиколотку также бѣлыя. Мнѣ дали щетку, скребницу и показали пріемъ чистки, которая заключалась въ слѣдующемъ: прежде всего скребницей оскребается вся кожа, затѣмъ щеткой, сильно нажимая, проводится по шерсти и послѣ cadaго замаха пыль со щетки оскребается скребницей; по мѣрѣ накопленія пыли въ скребницѣ, ее выколачиваютъ на разметенномъ земляномъ полу корридора противъ стойла; отъ выколачиванія пыли на полу образуется бѣлый квадратъ, соразмѣрно скребницѣ; слѣдующая скребница выколачивается рядомъ и такимъ образомъ получаютъ „рядки“ сѣро-бѣлыхъ квадратиковъ. Эти рядки служатъ указателемъ степени чистоты лошади; вахмистръ, который приходитъ при окончаніи уборки осматривать чистку, вмѣстѣ съ блескомъ шерсти коня, обращаетъ вниманіе на количество и качество рядковъ, и если эти рядки не очень густы и ихъ мало, то онъ дѣлаетъ солдату замѣчаніе, хотя бы шерсть на его лошади блестѣла какъ слѣдуетъ. Чистка и уборка, обыкновенно, продолжается 3—4 часа, но каждая лошадь считается достаточно вычищенной, когда изъ нея будетъ выбито 10—12 рядковъ (квадратиковъ). Въ отношеніи чистки, лошади бываютъ разныя: иныя содержатъ въ себѣ пыли очень много и изъ нея 12 рядковъ можно получить въ полчаса, иныя же—очень мало; этихъ 12 рядковъ съ трудомъ можно набрать только въ три часа; къ послѣдней категоріи лошадей принадлежалъ и мой „Единодушный“. На немъ мягкая, шелковистая шерсть всегда блестѣла, но рядковъ добиться было очень трудно, да и тѣ, которые выбивались, были жиденькіе. То, что у меня получались рядки не такіе густые и обильные, какъ у другихъ—меня смутило, и я думалъ, что это происходитъ отъ неумѣнія чистить; но старый солдатъ, Китовъ, который съ перваго же дня подружился со мною, объяснилъ мнѣ, что „это такая лошадь,—у нея всегда мало-

рядковъ“. Онъ же мнѣ объяснилъ, что старые солдаты въ такихъ случаяхъ, т. е. когда приходится чистить безпыльных лошадей, запасаются иногда золой и мукой, что, смѣшанное вмѣстѣ, подходитъ подъ цвѣтъ пыли. Пыль иногда занимають у другихъ лошадей; особенно отличался изобиліемъ пыли конь „Живой“; сколько его ни чистили, пыль всегда высыпалась, какъ мука.

Мнѣ хотя и приходилось часами потѣть около своего „Единодушнаго“, но къ фальшивымъ рядкамъ и къ позаметованію пыли у другихъ лошадей я не прибѣгалъ; я сразу полюбилъ своего коня за красоту и смиренность, а поэтому тереть щеткой его хотя бы часами—не представлялось очень тягостнымъ.

Первый разъ я съ трудомъ наскребъ семь блѣдныхъ рядковъ. Мнѣ было неловко, потому что меня могли обвинить въ лѣни,—но рубаху у меня хоть выжми.

Только первые полчаса—часъ послѣ прихода въ конюшнѣ слышалось энергичное шуршаніе щетокъ и стукъ отъ выколачиванія скребницъ, затѣмъ это шуршаніе и стукъ затихали и уже когда чисто разметенный корридоръ пестрѣлъ правильными рядами блѣлыхъ квадратиковъ, въ конюшнѣ совсѣмъ водворилась тишина; солдаты, сидя на перекладинѣ, дремали; только новобранцы при проходѣ взводнаго принимались за шуршаніе, и потомъ опять все стихало. Скучно, томительно... Но вотъ загремѣли ворота, и вдругъ весь взводъ, какъ одинъ человекъ, бросился къ лошадямъ, и пошла неистовая стукотня... Въ воротахъ появляется вахмистръ. Онъ важно, въ сопровожденіи взводнаго и дежурнаго по конюшнѣ, идетъ по взводу, осматриваетъ лошадей и роляетъ взглядъ на рядки. Мои семь тощихъ рядковъ, очевидно, обратили на себя его вниманіе: онъ на минуту остановился, посмотрѣлъ на коня, на меня и пошелъ дальше, ничего не сказавъ.

По уходѣ вахмистра изъ конюшни, послышалось отрадное „кончай“!. Это „кончай“ всегда приводило солдатъ

въ неистовство; тутъ поднимался дымъ кромьслемъ; быстро поились кони, задавался кормъ, и солдаты стремглавъ мчались „наверхъ“, въ казарму.

На чистку и уборку коней у кавалериста уходитъ почти половина его службы (ежедневно кромь перваго дня Пасхи и одного дня Рождества—3—4 часа утромъ, 2—3 часа вечеромъ и 2 часа послѣ Ѣды); она представляетъ изъ себя самую скучную, а потому непріятную и утомительную работу. Сама по себѣ уборка коней занимаетъ не больше одного часа, остальное же время приходится проводить сидя на перекладинѣ около лошади и тревожно дремать или томительно ждать, когда въ воротахъ появится вахмистръ и принесетъ съ собою отрадное „кончай“.

Придя „наверхъ“, солдаты также стремглавъ бѣжали въ солдатскую артель за кишяткомъ, затѣмъ начиналась чистка себя и чаепитіе. Поспѣшность въ послѣднемъ случаѣ необходима, потому что на чистку себя и на чаепитіе оставалось времени не болѣе получаса, а потомъ начинались занятія.

IX.

Н а к у х н ѣ.

Ровно въ 12 часовъ дежурный по эскадрону скомаандовалъ:—„обѣдать“! Обѣдь одно изъ важныхъ отправленій солдатской жизни; этотъ часъ одинъ изъ лучшихъ среди хлопотливаго дня. Еще за пять минутъ до обѣда уже веѣ сидятъ на готовѣ съ ложками и краюхой хлѣба (хлѣбъ, ежедневно по три фунта, раздаютъ солдатамъ на руки) и при первой командѣ „обѣдать“ идутъ или, вѣрнѣе, бѣгутъ на кухню. Солдаты обѣдаютъ въ кухнѣ артелями; каждая артель состоитъ изъ 5—6 человекъ (около одной чашки). Одинъ изъ членовъ артели, обыкновенно, пошустрѣе и по-

моложе, вызывался быть депутатомъ, на обязанности котораго лежить при первой командѣ бѣжать сломя голову на кухню, вооружиться чашкой и стать къ котлу въ первую очередь, гдѣ кашеваръ „чумичкой“ наливаетъ щи или супъ. Щи или супъ въ котлѣ сначала всегда бываютъ жирнѣе и гуще, а послѣ жиже и постнѣе, поэтому и считалось интереснымъ встать къ котлу въ первую очередь, чтобы получить болѣе жирныхъ щей; остальные „члены“ уже спокойно берутъ свои порціи мяса и садятся за столъ, гдѣ ихъ „депутатъ“ уже сидитъ съ чашкой горячихъ дымящихся щей. Чѣмъ жирнѣе щи или супъ, тѣмъ большіе одобренія заслуживаетъ депутатъ у своихъ членовъ. Въ отношеніи обѣда эгоизмъ у солдатъ проявляется въ высшей степени; бываютъ часто перебранки у котла между депутатами. За то въ каждой артели за чашкой происходитъ полный порядокъ и полное равенство. Всѣ члены артели рѣжутъ свои порціи на мелкіе кусочки и кладутъ въ чашку со щами и сначала хлебаютъ одни щи; затѣмъ, когда щей нахлебаются, по общему согласію начинаютъ таскать мясо,—предварительно постучавъ въ знакъ согласія по краю чашки ложками. Конечно, у кого зубы острѣе, тотъ можетъ воспользоваться лишнимъ кусочкомъ, но въ этомъ случаѣ протестъ никѣмъ не замѣляется, и обѣдъ проходитъ въ полномъ единодушіи. Послѣ щей или супа, раздается гречневая каша съ саломъ. Каша насборотъ: чѣмъ ниже ко дну, тѣмъ она жирнѣе, поэтому „депутаты“ идти за нею не спѣшатъ и щи дохлебываются спокойно. Унтеръ-офицеры обѣдаютъ вмѣстѣ съ рядовыми изъ однихъ чашекъ.

Щи или супъ (въ постный день горохъ), кусокъ мяса величиною въ среднее куриное яйцо, да 2—3 солдатскихъ ложки каши—вотъ ежедневное меню солдата. Несмотря на малое количество блюдъ, голоднымъ изъ-за стола никто не выходитъ,—лично я всегда былъ доволенъ обѣдомъ. Что касается ужина, то онъ состоитъ изъ жидкаго супа изъ

пшениныхъ крупъ, куда клалось немножко сала. Супъ этотъ былъ очень невкусенъ и имъ пользовались немногіе,—у кого не было денегъ на покупку воблы или ситнаго. Вобла и ситный употреблялись за вечернимъ чаемъ и замѣняли ужинъ.

Должность кашевара одна изъ нелегкихъ и неопрятныхъ; онъ всегда долженъ возиться съ котлами, саломъ и помоями; варить кашу и готовить супъ онъ долженъ не иначе, какъ ночью, чтобы къ утру все было готово. За то бережливый кашеваръ можетъ выйти изъ полка съ „капитальцемъ“,—такъ какъ въ его пользу поступаютъ кости и помои, которые онъ продаетъ, и кромѣ того ему кое-что перенадаетъ отъ дѣлежа съ артельщикомъ „излишковъ“; размѣръ этихъ излишковъ зависитъ отъ искусства кашевара.

Время - отъ - времени кухня посѣщается командиромъ эскадрона, который и пробуетъ солдатскую пищу.

Х.

З а н я т і я .

Когда насъ, новобранцевъ, собралось человѣкъ 20—25 (полный комплектъ новобранцевъ бываетъ около 45 чел.), съ нами начались занятія.

Упомяну сначала о составѣ лицъ, назначенныхъ обучать насъ, новобранцевъ. Старшимъ офицеромъ къ молодымъ солдатамъ былъ назначенъ поручикъ Воейковъ, требовательный, но справедливый офицеръ; онъ обучалъ насъ ѣздѣ. Помощникомъ его—корнетъ Казнаковъ; завѣдывалъ устными занятіями и пѣвшимъ строемъ. Это молодой офицеръ, не терпѣвшій особой строгости, но, къ сожалѣнію, не ча-

сто бывалъ на занятіяхъ. Обучающій унт.-оф. Михайловъ, — на его характеристикѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, — „фортовый“ солдатъ, благодаря его длиннымъ и кривымъ ногамъ, былъ отличный ѣздокъ и въ довершеніе всего былъ очень нервный. Съ начала занятій онъ велъ себя хорошо, и мы собирались его полюбить, но послѣ, когда, должно быть, издергалъ съ нами свои нервы, онъ сдѣлался золь, безощадно сыпалъ на всѣхъ и каждого самую отборную брань и очень широко примѣнялъ рукоприкладство.

Помощникомъ Михайлову, — какъ я уже упоминалъ, — былъ назначенъ ефрейторъ Повѣренный; это былъ душа-человѣкъ; отъ него никто и никогда не слыхалъ брани; видно было, что онъ мучился за насъ, когда у Михайлова слишкомъ разойдутся нервы. Иногда онъ старался уговорить его и тѣмъ, можетъ быть, неоднократно спасалъ нѣкоторыхъ изъ насъ отъ лишней зуботычины.

Занятія съ нами начались съ того, что насъ стали сажать по приѣмамъ на деревянную „кобылу“, сдѣлать ее, а также соблюдать посадку.

Самая главная наука для кавалериста — это ѣзда. Можетъ быть не-кавалеристы спросятъ: какаѣ же науки въ верховой ѣздѣ, — вѣдь всякій деревенскій мальчишка умѣетъ ѣздить верхомъ, да еще какъ скачетъ!

Однако наука въ ѣздѣ необходима и она составляетъ своего рода искусство, и это искусство не всякій вполне можетъ усвоить. Для отличной ѣзды необходимъ талантъ, какъ и во всякомъ искусствѣ и, кромѣ того, необходимы природныя физическія (красота формы тѣла) качества человѣка, чтобы онъ былъ красивымъ и ловкимъ наѣзникомъ. Конечно, при массовомъ обученіи солдатъ, при томъ еще первый годъ только что оторванныхъ отъ сохи, нельзя сдѣлать хорошихъ наѣзниковъ, но необходимы для нихъ хотя элементарныя повнанія, для усвоенія которыхъ все-таки требуется усиленное и настойчивое упражненіе въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ.

При обученіи ѣздѣ прежде всего и главнымъ образомъ обращается вниманіе на усвоеніе всадникомъ красивой и твердой посадки и на то, чтобы научить—именно научить—этого всадника управлять лошадыю такъ, чтобы она была для него послушнымъ орудіемъ; всеѣмъ этимъ достигается то, что всадникъ съ лошадыю составляютъ одно цѣлое, и это цѣлое должно быть неразрывно и грозно для противника въ бою.

Чтобы оицутительнѣе показать намъ правила посадки, сиди на деревянной „кобылѣ“, намъ приказывали оттягивать ноги подборками внизъ, а носки поворачивать къ лошади. Если кто самъ не могъ справиться съ этой задачей, то подобная операція продѣлывалась съ помощью рукъ обучающаго унтеръ-офицера. При этомъ иногда слышался хрусть около ступней, но на хрусть и боль не обращается вниманія, лишь бы постигнуть тайну хорошей посадки. Затѣмъ устанавливалось положеніе корпуса и рукъ. Положеніе корпуса должно быть прямо; руки, отъ плеча до локтя—отвѣсны, а отъ локтя до кистей—подъ прямымъ угломъ; при этомъ требовалось, чтобы локти были „пришиты“ къ тѣлу и не болтались во время ѣзды, а отъ локтя до кисти рука должна быть „каменная“, кисть же руки мягкая и поворотливая, такъ чтобы управленіе лошадыю совершалось только кистью руки, мягко и при томъ незамѣтно для посторонняго глаза. Въ этомъ и заключается вся премудрость элементарнаго знанія верховой ѣзды. Только соблюдая эти правила, при всякихъ поворотахъ и аллюрахъ, всадникъ можетъ имѣть неизмѣнное и прочное положеніе тѣла, какъ каменная статуя, и вмѣстѣ съ лошадыю составлять одно цѣлое.

Когда нами были усвоены пріемы посадки на деревянной кобылѣ, намъ устроили ѣзду въ манежѣ на живыхъ лошадиныхъ.

Первый разъ для ѣзды взводный далъ мнѣ кобылу „Турку“ (для ѣзды новобранцамъ лошадей мѣняютъ); ло-

падь старая, смиренная, но очень тряская. Осѣдлавъ коней, мы повели ихъ въ манежъ, сѣли и выстроились. Пришелъ завѣдующій офицеръ съ длиннымъ хлыстомъ, поздоровался съ нами и, объяснивъ еще разъ правила посадки и управленія лошадыю—скомандовалъ: „справа по одному, шагомъ, ма—аршъ“. Турка, на которой я сидѣлъ, оказалась настолько знающей правила ѣзды и команду, что когда нужно было ей идти, она безъ всякаго съ моей стороны понуканія пошла куда слѣдуетъ и правильно держала дистанцію. Пока кругомъ по манежу мы ѣхали шагомъ, сидѣть было чудо какъ хорошо, и посадка сохранялась правильно; но вотъ намъ скомандовали: „рысью, ма—аршъ!“ и моя „Турка“ также безъ всякаго принужденія затрусела рысью, но какъ затрусела! Я отскакивалъ отъ сѣдла чуть не на четверть аршина и при томъ терялъ равновѣсiе, такъ что при каждомъ привскакиванiи я не попадалъ центромъ въ сѣдло, а упирался то на одну ляжку, то на другую и готовъ былъ свалиться. Въ болѣе критическiя минуты очень хотѣлось схватиться за спасительную луку, но это намъ было строжайше запрещено; я краснѣлъ, пыхтѣлъ и старался держаться штыками,—какъ разъ противоположно тому, какъ слѣдовало по правилу: носки къ лошади и подборы внизъ; но тутъ уже не до правилъ. Нечего и говорить, что руки болтались, какъ крылья у пѣтуха, и ничѣмъ ихъ „пришить“ нельзя было. Мои товарищи испытывали то же самое. Наша первая ѣзда и растерянность вызвала невольный смѣхъ у нашихъ учителей. Рысью мы проѣхали не больше двухъ круговъ, но у меня отъ сильной тряски заболѣла уже грудь и я съ неприятною подумалъ: „неужели такъ всегда будетъ? это ѣзда, смерть!“ Но въ слѣдующій разъ взводный далъ мнѣ другого коня—„Уноснаго“; это былъ тоже старый меринъ, но очень плавкiй; при ѣздѣ на немъ я чувствовалъ себя очень хорошо, могъ по возможности сохранить посадку и не утомился. Впослѣдствiи, когда я привыкъ къ ѣздѣ, то

сидя на конѣ и чувствовалъ себя какъ „дома“, и верховая ѣзда представляла для меня нѣкоторое удовольствіе.

Однако, чтобы исполнѣ удовлетворить всеѣмъ правиламъ верховой манежной ѣзды, я долженъ былъ проявлять немовѣрныя усилія; дѣло въ томъ, что мой сравнительно малый ростъ не гармонировалъ съ огромными кавалергардскими лошадьми, и короткія ноги не въ состояніи обхватить лошадь, брюхо которой равнялось съ сорокаведерной бочкой. Сидя на такой лошади верхомъ, мнѣ приходилось сильно растопыривать ноги, а при этомъ правильная оттяжка подборовъ и привертываніе носковъ къ лошади, что увеличиваетъ число точекъ соприкосновенія и способствуетъ твердой посадкѣ при ѣздѣ рысью—трудно выполнимо. Кроме того, естественное состояніе моего корпуса не соотвѣтствовало правильной и красивой посадкѣ, т. е. я не обладаю для нея природными физическими качествами, а именно: когда я сижу верхомъ, то моя поясница кажется перегнутой, что со стороны выходитъ неестественно и некрасиво, если же я выищу поясницу, то получается горбатая фигура со впадою грудью, и я тогда похожу на сморчка,—какъ выражался Михайловъ. Я очень много долженъ былъ поработать надъ собою, чтобы естественное положеніе своего корпуса измѣнить согласно требованію красивой посадки. Послѣ я понялъ, что верховая ѣзда представляетъ для меня Ахиллесову пяту, и я не могу вступить въ ряды первоклассныхъ наѣздниковъ,—какъ мнѣ хотѣлось,—и это меня очень огорчало.

Весьма нелегкій трудъ при обученіи ѣздѣ молодыхъ солдатъ представляется и обучающимъ. Молодыхъ солдатъ въ эскадронѣ въ среднемъ бываетъ до 45 человекъ и у каждаго во время ѣзды обязательно выказывается какой-нибудь недостатокъ: въ посадкѣ, управленіи, внимательности и проч., и все эти недостатки обучающій долженъ замѣтить и поправить. Въ теченіе полутора—двухъ часовъ ѣзды, обучающій развиваетъ свои голосовыя связки слѣ-

дующимъ образомъ: пропустивъ мимо себя всю смѣну шагомъ и сдѣлавъ замѣчаніе каждому въ отдѣльности, онъ командуетъ: „рысью“; во время ѣзды рысью громко и отчетливо отсчитываетъ темпъ: „разъ—два, разъ—два, разъ—два“; въ промежуткѣ отсчитыванія, также громко и какъ будто безъ передышки, дѣлаетъ замѣчанія. Въ общемъ картина получается такая:

„Рысь—ю, ма—аршгъ! Разъ—два, разъ—два, разъ—два; Карасевъ!—голову выше; Учуваповъ!—локти назадъ; разъ—два, разъ—два, разъ—два. Вольты!—ма—аршгъ! въ затылокъ, прямо!—болваны! разъ—два, разъ—два... Дистанціи! Кудиновъ!—грудь впередъ; Павловъ!—носки къ лошади; разъ—два, разъ—два... Нагѣво назадъ—ма—аршгъ! Петровъ!—вниманіе; Даниловъ!—въ затылокъ; Смирновъ! шенкеля! болваны!“... и такъ весь урокъ. Неудивительно, что иногда обучающаго выведутъ изъ терпѣнія, и кое-кому попадетъ бичемъ по спинѣ или черенкомъ нагайки по ляжкѣ. Но послѣ мало-мальски удачной ѣзды слышится: „Спасибо братцы, по чаркѣ водки!“ Подъ-конецъ учебнаго года, когда ученіе производилось успешнѣе, и когда ряды молодыхъ солдатъ вслѣдствіе разныхъ болѣзней начали рѣдѣть, то „по чаркѣ водки“ слышалось чаще.

На слабогрудыхъ верховая ѣзда отражалась тяжело; нѣкоторые ея не выносили и попадали въ госпиталь, а оттуда—или на родину, или въ нестроевую команду.

Кромѣ ѣзды, но уже на второмъ мѣстѣ, у насъ были занятія по „пѣшему строю“. Пѣшій строй заключался въ маршировкѣ, ружейныхъ приѣмахъ и гимнастикѣ.

На пѣшемъ ученіи по ранжиру я стоялъ на лѣвомъ флангѣ, третьимъ отъ края; значитъ, изъ 45 человѣкъ ниже меня по росту были только двое (Даниловъ и Петровъ). Всѣ приемы пѣшаго строя мною усвоились легко и по этому дѣлу я былъ у обучающихся на хорошемъ счету. Вообще, пѣшее ученіе не было тягостнымъ, оно даже представляло собою нѣкоторое развлеченіе,—если только изъ-

за какихъ-нибудь 3-хъ, 5-ти неудачниковъ у.о. Михайловъ не заставлялъ насъ всѣхъ безъ исключенія четверть часа прыгать на корточкахъ или стоять на одной ногѣ, вытянувъ впередъ другую.

На иѣшемъ ученіи г.г. офицеры бывали очень рѣдко, и то ненадолго; этимъ занимались унтеръ-офицеры; при этомъ Михайлову представлялась полная свобода проявлять свою энергію по части нашей муштровки. Къ сожалѣнію, какъ я упоминалъ, онъ былъ крайне нервенъ и во время особыхъ припадкавъ нервности не могъ удержаться отъ рукоприкладства. Особенно часто и сильно „влетало“ Петрову, который стоялъ на самомъ лѣвомъ флаигѣ и имѣлъ очень маленькій для кавалергарда ростъ — 2 арш. 6 вер. Этотъ Петровъ, Рязанской губ., былъ очень смиренный и забитый солдатикъ; всѣ зуботычины онъ переносилъ терпѣливо, безъ малѣйшаго намека на протестъ, который—кстати сказать—въ военной службѣ невозможенъ безъ риска очутиться въ дисциплинарномъ баталіонѣ.

Попадаю, конечно, и другимъ, но я почему-то пользовался его расположеніемъ и отъ зуботычинъ избавился. Конечно, ошибался и я, но за мои ошибки, когда таковыя случались, онъ называлъ меня „армейцемъ“; тѣмъ и заканчивалось мое наказаніе.

Въ обыкновенное время, внѣ занятій съ нами, новобранцами, Михайловъ казался уважительнымъ человекомъ, не чуждымъ къ общительности, хотя и далекимъ отъ панибратства. На его вѣщники „съ приложеніемъ“ мы смотрѣли какъ на нѣчто неизбежное. Должно быть такъ надо, думали мы и смиренно покорялись своему року.

„Словесностью“ съ нами занимались ежедневно по вечерамъ въ школѣ. Помѣщеніемъ для школы служилъ небольшой залъ въ углу казармъ; въ немъ разставлены черные длинные столы и такія-же скамейки. По стѣнамъ этой школы висѣли портреты Царей, лубочныя картины

изъ военнаго быта и на виду, около двери, торчалъ книжный шкафъ—библіотека съ надписью на дверяхъ бѣлыми буквами: „читай понимаячи, иначе что прочелъ то и позабылъ“ (въ теченіе первой зимы я ни разу не видѣлъ, чтобы изъ этой библіотеки кому-либо выдавали книги; читающихъ тоже я не замѣчалъ).

Словесность заключалась въ заучиваніи титулованія начальства, зубрежкѣ устава относительно присяги, дисциплины и всего, что необходимо знать каждому солдату.

Занятія словесностью были не трудны, особенно для насъ грамотныхъ, но скучноваты. Всю зиму приходилось штудировать одинъ маленькій уставчикъ, составленный специально для молодыхъ солдатъ, съ вопросами и отвѣтами, по параграфамъ. Этотъ уставъ кромѣ сухихъ формальныхъ словъ ничего не давалъ ни уму, ни сердцу. Обучающіе также ничего не прибавляли отъ себя и ограничивались только требованіемъ болѣе или менѣе твердаго знанія того, что написано въ уставѣ.

ХІ.

„Л е к ц і и“.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, въ маломъ манежѣ, устраивались чтенія съ туманными картинами. Эти чтенія, которыя мы называли *лекціями*, кромѣ предоставленія нижнимъ чинамъ полезнаго развлеченія, носили еще и образовательный характеръ.

Устроителемъ и душою этихъ чтеній былъ ротмистръ Дашковъ. Благодаря этой свѣтлой личности, солдаты имѣли возможность хотя на короткій срокъ, среди затхлої казарменной или, вѣрнѣе, конюшенной жизни (кавалеристъ

въ казармѣ только спать, а живетъ въ конюшнѣ), вдохнуть струйку „свѣжаго воздуха“. Чтенія эти меня очень интересовали и захватывали всего. Въ то время, когда я былъ въ манежѣ и слушалъ чистый, ясный голосъ ротмистра Гернгросса, или отечески добродушный и наставительный голосъ ротмистра Дашкова (чтенія производились чаще всего этими офицерами) и смотрѣлъ на пояснительныя картины и портреты замѣчательныхъ людей—я уносился мыслию далеко—далеко и жилъ иною жизнью,—жизнью тѣхъ героев, которые стояли среди мрака на свѣтломъ полотнѣ экрана. Когда я слушалъ чтенія, порою мои мысли рвались наружу, душа волновалась и чего-то сильно—сильно хотѣлось, но чего? ясно сознать тогда я не могъ. Очевидно, мое чувство подсказывало мнѣ, что помимо той будничной и сѣренькой жизни, которою судьба заставила жить, есть еще жизнь другая, болѣе интересная, осмысленная,—это жизнь для науки. Вотъ въ такую-то жизнь, вѣроятно, меня и тянуло; но увы, волею судебъ я долженъ довольствоваться тѣми немногими минутами, которыя мы проводили въ маломъ манежѣ. Нужно замѣтить, что чтенія съ туманными картинами мнѣ пришлось видѣть здѣсь впервые, а потому онѣ производили на меня болѣе сильное впечатлѣніе и, можно сказать, благотворное вліяніе. Въ антрактахъ чтенія играла полковая музыка или пѣлъ хоръ пѣсенниковъ, что еще болѣе усиливало интересъ и поднимало духъ.

Размышляя о прочитанномъ и примѣривая это прочитанное къ обиходу солдатской жизни, мнѣ иногда представлялся вопросъ: зачѣмъ не стараются развивать умственный кругозоръ солдата въ болѣе широкомъ видѣ? Это такъ полезно и такъ легко достижимо вслѣдствіе объединенія въ команды и дисциплинированія ея, что, кажется, было-бы непростительно не воспользоваться этимъ. Въ полкъ набираются люди молодые, въ самомъ разцвѣтѣ силъ, со всѣхъ уголковъ обширнаго государства, и эти молодые люди

представляютъ изъ себя прекрасный сырой матеріалъ для приготовленія изъ нихъ болѣе разумныхъ, а потому и болѣе полезныхъ работниковъ на всякомъ принципѣ послѣ военной службы.

За недостаткомъ школъ, а иногда и средствъ, большинство не получаетъ почти никакого образованія въ дѣтствѣ, и военная служба могла-бы восполнить этотъ недостатокъ.

Какая польза въ томъ, что ежедневно шесть—восемь часовъ кавалеристъ проводитъ въ конюшнѣ около лошади? Для самой тщательной чистки и уборки одной лошади или даже двухъ требуется времени не больше 1—1½ часа, что фактически и бываетъ, а остальное время проводится солдатами сидя на перекладинѣ въ дремотѣ или наблюденіи за дверью, въ которой долженъ появиться вахмистръ, чтобы во-время броситься къ лошади и произвести умышленный шумъ усердной чистки, говоря прямо—удачно обмануть начальство, и подобный обманъ, иногда въ силу необходимости и иногда вслѣдствіе укоренившейся привычки, проявляется во всемъ. Такой порядокъ вещей, мнѣ казалось, убиваетъ въ солдатѣ всякое стремленіе къ возвышенному и охоту къ службѣ; онъ можетъ, пожалуй, нравиться только лѣнтяямъ, которымъ гдѣ ни спать—въ казармахъ-ли на матрацѣ, или въ конюшнѣ на перекладинѣ—все равно, лишь бы поменьше движеній. Человѣку-же, стремящемуся къ дѣятельности и движенію,—это тягостно.

Я упоминалъ о шкафѣ-библіотекѣ, который всегда былъ запертъ, и о томъ, что во время моей службы я ни разу не замѣтилъ, чтобы брали оттуда книги для чтенія, не знали также, были ли тамъ книги. Изъ этого можно заключить, что солдатскія мысли ничѣмъ не были заняты и ничѣмъ не вдохновлялись. Воспользовавшись рѣдкимъ свободнымъ временемъ отпуска и вырвавшись на волю, они спѣшатъ туда, куда влекутъ ихъ ничѣмъ не обузданныя грубыя животныя потребности. Въ результатѣ конста-

тируется тотъ фактъ, что большой процентъ служащихъ, въ видѣ сюрприза, приносятъ къ себѣ въ деревню дурную болѣзнь. Такія мысли меня часто и сильно тогда волновали.

Содержаніе чтеній было разнообразно: читались рассказы изъ военного быта, изъ русской словесности: о Кольцовѣ, Лермонтовѣ, съ выдержками изъ ихъ стихотвореній, и проч.; сообщались научно-популярныя свѣдѣнія: объ оспопрививаніи, о чахоткѣ, объ открытіи Америки и проч.; велись и духовныя бесѣды полковымъ священникомъ и одинъ разъ въ годъ—бывшимъ протоіереемъ Кавалергардскаго полка, теперь протопресвитеромъ Желобовскимъ. Бесѣды протопресвитера Желобовскаго были очень интересны и выразительны: онъ говорилъ обыкновенно своими словами, безъ книжки, и каждое слово „точно клалъ въ душу“, гдѣ оно и запечатлѣвалось на долгое время. На меня его бесѣды производили благоговѣйное впечатлѣніе. Бесѣды протопресвитера Желобовскаго собирались слушать и многіе г.г. офицеры.

Эти чтенія, или лекціи, насъ грамотныхъ заставляли записывать, и записки отбирались и отправлялись куда-то на просмотръ. Цѣль этихъ записей намъ не объясняли, но должно полагать, по нимъ судили, какъ понималось и усваивалось солдатами прочитанное.

Въ писаніи этихъ лекцій я усердствовалъ и переписывать почти цѣликомъ; такъ какъ я слушалъ со вниманіемъ и интересомъ, то все прочитанное хорошо удерживалось у меня въ памяти. (За писаніе лекцій я получилъ въ награду толстую книгу подъ заглавіемъ: „Настольная книга для народа“, цѣна 3 руб.).

XII.

Царскій смотръ молодымъ солдатамъ.

Въ правильныхъ и регулярныхъ занятіяхъ прошла вся зима.

Въ мартѣ 1891 года насъ, молодыхъ солдатъ, готовили на смотръ Государю Императору. Приготовленіе это заключалось въ томъ, что насъ нѣсколько дней подрядъ водили въ швалю, гдѣ пригоняли намъ новые бѣлые мундиры, а кому готовые не подходили, шили по особой мѣркѣ. Затѣмъ устраивали частныя и генеральныя репетиціи выравниванія и здорованія, а также подборъ ранжира.

Насталъ день смотра. Насъ повели въ Михайловскій манежъ; сначала, въ сосѣдномъ манежѣ Уральскихъ казаковъ, намъ еще разъ сдѣлали репетицію и затѣмъ ввели въ огромный Михайловскій манежъ, гдѣ выстроили весь полкъ въ одну шеренгу по ранжиру. Тамъ уже были собраны и также выстроены молодые солдаты всѣхъ частей Петербургскаго округа.

Теперь, черезъ три мѣсяца, изъ неуклюжей и нестрой толпы новобранцевъ они превратились въ стройныхъ молодецкихъ солдатъ въ разноцвѣтныхъ, по полкамъ, мундирахъ. Эти стройные солдатки выстроились длинными линиями (шеренгами) по полкамъ. Нашъ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, какъ первый по номеру, выстроился въ первой линіи.

Когда насъ ввели въ манежъ, начальство было уже въ сборѣ. Вскорѣ прибылъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ; но едва онъ успѣлъ принять рапортъ отъ корпуснаго командира, какъ вдругъ у подъѣзда сдѣлалась суета и въ мгновеніе въ манежѣ водворилась совершенная тишина, такъ что слышно было собственное сдержанное дыханіе; во время этой тишины раздавалась громкая команда Великаго Князя—„Смирно! Глаза на право!“ Мы, какъ одинъ человѣкъ, повернули головы на право и въ дверяхъ подъѣзда увидѣли колоссальную фигуру Государя.

Принявъ рапортъ отъ Великаго Князя, онъ подошелъ къ нашему полку и поздоровался съ нами, сказавъ, не спѣша, своимъ бархатистымъ басомъ: „Здорово Кавалергарды!“ Мы отвѣтили дружно, какъ одинъ человѣкъ:—

„Здравія желаю, Ваше Императорское Величество!“ Затѣмъ онъ медленно, но безостановочно пошелъ по нашему фронту; за нимъ двигалась многочисленная свита, въ блестящихъ мундирахъ съ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ и орденовъ на груди.

И стоялъ по ранжиру недалеко отъ лѣваго фланга, кажется штымъ,—такимъ образомъ, ниже меня ростомъ въ полку было четыре человѣка. Упоминаемый мною выше Петровъ оказался по росту ниже всѣхъ и стоялъ по ранжиру самымъ послѣднимъ. Такъ какъ я находился на лѣвомъ флангѣ, мнѣ было много времени ждать, пока Государь приблизится ко мнѣ. Онъ шелъ медленно и пристально смотрѣлъ въ глаза каждому солдату. Конечно, идя безостановочно, онъ могъ остановить свой взглядъ на каждомъ солдатѣ на одинъ лишь моментъ, но когда онъ дошелъ до меня и посмотрѣлъ своими ясными голубыми глазами въ мои глаза, которыми я „бѣлъ“ его, какъ насъ учили, то этотъ взглядъ показался мнѣ довольно продолжительнымъ и глубоко проникающимъ въ душу; я почувствовалъ этотъ взглядъ всѣмъ своимъ существомъ; я почувствовалъ какъ этотъ взглядъ будилъ во мнѣ патриотическое чувство, безавѣтную преданность и любовь къ этому человѣку. Несомнѣнно, что проявленію упомянутыхъ чувствъ способствовало еще и то напряженіе, съ которымъ я смотрѣлъ на Царя.

И достаточно хорошо могъ разсмотрѣть и запечатлѣть въ своей памяти его образъ: свѣтлые, голубые глаза его искрились; лицо—бѣлое, сухое, съ лучистыми мелкими морщинками вокругъ глазъ; выраженіе всего лица мягкое, привѣтливое; оно напоминало что-то близкое, родственное и, главное, въ немъ не чувствовалось недоступнаго величія, какъ это рисовалось воображенію заочно, а было все просто, естественно, и этой-то простотою и естественностью Государь прямо подкупалъ къ себѣ окружающихъ. Противъ него нѣкоторые генералы выглядѣли олимпійскими

богами, и отъ ихъ облеченныхъ въ красивые мундиры и величественныхъ фигуръ обдавало холодомъ, какъ отъ мраморныхъ статуй.

Когда Государь прошелъ мимо меня дальше на лѣвый флангъ, то мнѣ бросилась въ глаза его необычайно широкая спина. По своей дородной фигурѣ противъ всѣхъ его окружавшихъ, онъ былъ по истинѣ Царь челоуѣковъ.... Дойдя до лѣваго фланга, онъ остановился передъ Петровымъ и спросилъ: „Какъ онъ попалъ въ Кавалергарды, такой маленькій?“.

Ему что-то отвѣтили, кажется сказали, что по ошибкѣ.

Послѣ осмотра Царемъ нашего полка, намъ екомандовали „налѣво“ и вывели вонъ изъ манежа. На томъ и закончился смотръ. Послѣ Кавалергардскаго полка Государь такимъ же порядкомъ осматривалъ и другіе полки.

XIII.

Экзамень и присяга.

Вскорѣ послѣ Царскаго смотра намъ, молодымъ солдатамъ, былъ экзамень, т. е. особая коммиссія, состоящая изъ нѣсколькихъ офицеровъ и командира полка, провѣрила успѣхи, достигнутые нами въ теченіе зимы. Послѣ экзамена занятія съ молодыми солдатами прекратились, и спустя нѣкоторое время насъ приводили къ присягѣ передъ штандартомъ.

Присяга эта принималась молодыми солдатами при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка.

Въ день принятія присяги въ большомъ манежѣ былъ выстроенъ весь полкъ въ парадной формѣ; молодые солдаты пристроились на лѣвомъ флангѣ своихъ эскадроновъ. По-

среди манежа былъ поставленъ аналой съ крестомъ и Евангеліемъ, около аналая всталъ унтеръ-офицеръ со штандартомъ. Передъ присягой былъ отслуженъ краткій молебенъ, а затѣмъ полковой адъютантъ громко и внятно прочиталъ обычныя слова присяги и выдержки изъ статей военнаго закона о карѣ, которая должна постигнуть каждаго нарушившаго присягу. Кара эта распредѣлялась отъ простаго ареста до смертной казни включительно. Послѣ прочтенія закона, мы по очереди цѣловали крестъ и Евангеліе и проходили мимо штандарта. Этотъ четырехугольный шелковый доскутъ сѣраго цвѣта съ изображеніемъ темнаго орла и крестикомъ на древкѣ, былъ какъ-бы свидѣтелемъ нашей клятвы и онъ внушалъ нашему чувству какой-то страхъ. Проходя мимо штандарта, чувствовалось, что проходишь не мимо неодушевленнаго предмета, а какъ мимо святыни, какъ бы символически говорящей: „я есмь носящій имя твоего полка, и узелъ, связывающій васъ всехъ въ одно цѣлое; а потому, чтобы не потерять имени полка, въ которомъ ты служишь, ты обязанъ не щадить своей жизни въ защиту меня“.

Мнѣ кажется, что видъ штандарта или знамени потому внушаетъ каждому солдату священнѣйшій страхъ, что онъ долженъ въ защиту его пожертвовать своею жизнью. И когда встрѣчаешь гдѣ-нибудь штандартъ или знамя, то невольно думается: „Вотъ предметъ, висящій на древкѣ, за цѣлость котораго я долженъ умереть, если понадобится“ и немедленно встаешь во фронтъ, благоговѣйно отдавая честь, и провожаешь его глазами.

Принявъ присягу, мы пристраивались къ своимъ эскадронамъ и съ этого времени мы вступали въ ряды старыхъ солдатъ. Послѣ присяги мы не имѣли права отговариваться незнаніемъ закона и порядка и за проступки должны подвергаться взысканіямъ по всей строгости воинскаго закона.

Первое время находиться въ рядахъ старыхъ солдатъ было интересно, какъ интересно всякое новое дѣло; но затѣмъ мы втерлись въ круговоротъ солдатской жизни, однообразной, скучной и лишенной всякой самостоятельности; вмѣсто новобранческихъ занятій, пошло обычное, но бессмысленное сидѣніе въ конюшнѣ съ утра и до ночи, съ небольшимъ перерывомъ на обѣдь, и уже служба казалась далеко не раемъ,—какъ я думалъ первую ночь при поступленіи моемъ въ полкъ. Но все-таки было сносно; были надежды на лучшее будущее, потому что у своего ближайшаго начальства я былъ на хорошемъ счету, и эти надежды позволяли смотрѣть на настоящее, какъ на временное, переходное, за которымъ должна наступить новая эра, болѣе интересная и болѣе осмысленная; но *какъ* она должна наступить и при какихъ обстоятельствахъ, я не заставлялъ себя объ этомъ задумываться, а лишь надѣялся и приготовился ждать...

XIV.

Въ лагеряхъ.

Въ началѣ мая, какъ и всегда, нашъ полкъ, послѣ молебствія на полковомъ дворѣ, выстушилъ въ Красное село въ лагери.

Въ лагеряхъ нашъ 2-й эскадронъ, какъ и первый, размѣщался въ баракахъ. Это длинный досчатый сарай, вдоль котораго посрединѣ располагались коновязи; къ коновязямъ привязывались лошади, голова къ головѣ; для каждой лошади толстой слегой отдѣлялось стойло. Здѣсь же, въ двухъ шагахъ отъ зада лошадей, по обѣимъ сторонамъ барака, размѣщались люди. Для жилья людей устраивались каморки, каждая для двухъ человѣкъ. Каморки эти,

какъ отъ лошадей, такъ и другъ отъ друга загоразживались досками или просто завѣшивались рогожами. Внутри каморки изъ досокъ сколачивались двѣ кровати и между ними импровизировался столъ. Надъ столомъ въ наружной стѣнѣ имѣлось небольшое, въ 5—6 вершковъ, окошко, на ночь задвигавшееся доскою. Здѣсь же, въ каморкѣ, хранилось все солдатское и казенное имущество (сѣдло, уздечка, мундштукъ и винтовка). Первый годъ въ лагеряхъ мы пообѣщались вдвоемъ съ Карасевымъ.

Занявъ досчатую каморку (каморки занимаютъ въ баракахъ солдатами въ захватъ: кто какую впередъ занялъ, бросивъ туда сѣдло, въ той и остается; только крайнія каморки около воротъ остаются въ неприкосновенности— для унтеръ-офицеровъ), мы оклеили ее листами бумаги изъ хрестоматіи, купленной мною въ мелочной лавочкѣ; было уютно и не ощущалось большого вѣтра, дувшаго въ щели.

Въ лагеряхъ начались усиленные занятія; главнымъ образомъ ѣзда эскадронами и полкомъ, затѣмъ стрѣльба. Для насъ, молодыхъ солдатъ, было много новаго, а поэтому было не скучно и не тѣгостно.

По стрѣльбѣ я попалъ въ первый разрядъ.

Стрѣльба въ кавалеріи не считается главнымъ занятіемъ, и пулъ выпускается гораздо меньше, чѣмъ въ пѣхотѣ, для которой стрѣльба служитъ главнымъ предметомъ занятій.

Лагерныя занятія производятся взводами, эскадронами и полкомъ, т. е. крупными частями, поэтому отдѣльныя личности ступеньваются и каждый солдатъ на ученіи представляетъ собою не Петрова, Федорова или Иванова, а первый, второй или третій рядъ, и уже взводъ состоитъ не изъ 24 человекъ, напримѣръ, а изъ 12 рядовъ (въ двѣ шеренги). Индивидуальность каждаго солдата проявляется только при одиночной стрѣльбѣ.

Въ лагеряхъ время идетъ очень быстро; незамѣтно какъ прошла половина лѣта, послѣ котораго начались

обычные маневры, смотры и парады. Личныя впечатлѣнія отъ маневровъ и смотровъ,—которыя всегда хорошо описываются въ газетахъ,—у меня были скудны. На маневрахъ и вообще на массовыхъ ученьяхъ каждый солдатъ представляетъ изъ себя автомата; онъ дѣйствуетъ почти безсознательно и ѣдетъ туда, куда командиръ махнетъ шашкой или куда повлечетъ его масса. Въ антрактахъ и на бивуакахъ онъ не разстается съ своею лошадейю.

На маневрахъ приходилось иногда мокнуть на дождѣ, спать въ грязи и глотать много пыли; но бывали и хорошия стороны,—иногда на бивуакѣ чувствовалось какъ на пикникѣ: мутный чай съ комарами въ котелкѣ; горячая кашница, пахнущая дымомъ; слышится залихватскія пѣсни, полковая музыка; иногда устраивался фейерверкъ; конечно, шумными развлечениями занимаются только тогда, когда части не надо скрывать отъ „непріятеля“ своего мѣстонахожденія; напримѣръ, по окончаніи маневренной задачи. Въ общемъ было весело.

XV.

Назначеніе въ учебную команду и письмо Великому Князю.

Наконецъ настало самое тревожное время для молодыхъ солдатъ, окрыленныхъ надеждою: это—назначеніе въ учебную команду.

Учебная команда для каждаго нижняго чина имѣетъ очень важное значеніе и не только въ продолженіе военной службы, но и послѣ нея, такъ какъ нижніе чины въ званіи унтеръ-офицера пользуются нѣкоторыми правами и будучи въ запасѣ. Не побывавши въ учебной командѣ, унтеръ-офицерскаго званія въ мирное время получить нельзя и значить всю службу остаться рядовымъ или, много—ефрейторомъ.

Лично для меня, смотрящаго на военную службу, какъ на переходную ступень изъ безпросвѣтной деревенской жизни въ болѣе осмысленную и лучшую,—чего, по моему мнѣнiю, я могъ достигнуть только будучи унтеръ-офицеромъ,—остаться рядовымъ значило возвратиться въ прежнюю жизнь, а это ужасно!

Поэтому мысль о назначенiи въ учебную команду меня сильно тревожила. Но судя по успѣхамъ, которые я дѣлалъ, будучи новобранцемъ, и по отношенiю ко мнѣ ближайшаго начальства—я не сомнѣвался въ назначенiи меня въ учебную команду. Считали меня кандидатомъ въ нее и все солдаты товарищи, которые относились ко мнѣ съ какимъ-то особымъ уваженiемъ, не смотря на то, что я былъ молодой солдатъ, а съ молодыми солдатами, вообще, не церемонятся. Чувствовалось, что свое уваженiе ко мнѣ они оказывали какъ бы въ долгъ, ради будущаго моего начальствованiя надъ ними. Бывшiй мой дядька, теперь унтеръ-офицеръ, Повѣренный, прозававшiй меня за писанiе „лекцiй“ Достоевскимъ, тоже высказывалъ свое предположенiе, что я буду назначенъ въ учебную команду и вообще пророчилъ мнѣ славные успѣхи по службѣ.

Но вотъ однажды прiѣзжаетъ къ намъ въ бараки Великiй Князь (командиръ эскадрона); по обыкновенiю поднялась суматоха между дежурнымъ, вахмистромъ и взводнымъ. И былъ въ это время дневальнымъ по конюшнѣ. Вскоръ эскадронный цесарь вышелъ со спискомъ и громко выкрикивалъ фамилiи съ приказанiемъ идти въ канцелярiю, гдѣ въ это время находился Великiй Князь.

Наши тотчасъ же была понята цѣль прiѣзда Великаго Князя и вызовъ людей по списку въ канцелярiю,—это былъ выборъ или, вѣрнѣе, назначенiе въ учебную команду. Въ этомъ спискѣ моей фамилiи не оказалось, и напрасно я напиргалъ свой слухъ. Сначала это привело меня въ смущенiе, а затѣмъ обуяла крайняя досада,—досада несбывшейся мечты и надежды. Порою мнѣ думалось, что

здѣсь недоразумѣніе: либо я не разслышала свою фамилію, либо писарь пропустилъ ее не читая. Но вотъ выборные солдатки вышли изъ канцеляріи съ довольными, веселыми лицами; процессъ назначенія кончился. Вскорѣ вышли и Великій Князь съ вахмистромъ; они прошли мимо меня, при чемъ Великій Князь, по обыкновенію смѣясь, что-то говоритъ вахмистру, а тотъ, поднявъ голову къверху, съ застывшей улыбкой на губахъ, по-солдатски смотрѣлъ ему въ глаза—слушалъ и по временамъ отвѣчалъ: „Точно такъ“... „Никакъ нѣтъ“... И только теперь я поняла, что здѣсь недоразумѣній не было, а я просто была обойдена и не представлена Великому Князю. Но почему? (списокъ лицъ для назначенія въ учебную команду и въ другія командировки составляется вахмистромъ совместно со взводными; командиръ эскадрона только утверждаетъ списокъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ лично вмѣшивается при назначеніи нижнихъ чиновъ въ какую-либо командировку. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ мою бытность во 2-мъ эскадронѣ).

Послѣ этого я чувствовала себя такъ, какъ-будто у меня отняли что-то драгоцѣнное, любимое и вытолкали вонъ, т. е. отняли любимую мечту и вытолкали изъ того пріятнаго положенія, которое окрыляется надеждою. Неужели?!... Но я боялся думать о послѣдствіяхъ и старался какъ утопающій ухватиться за соломенку—найти хотя уголочекъ ушедшей надежды, хотя какъ-нибудь найти ключъ къ выходу изъ безпросвѣтной тьмы къ свѣтозарному идеалу, который по моему тогдашнему мнѣнію находился только въ учебной командѣ.

Читатель, можетъ быть, обвинить меня въ эгоизмѣ, подумавъ, что я стремился черезъ учебную команду облегчить свою дальнѣйшую личную службу, но это обвиненіе было-бы ошибочно. Все мое стремленіе было направлено къ саморазвитію, къ достиженію болѣе полныхъ знаній и желанію до самозабвенія быть полезнымъ другимъ и уже

затѣмъ подталкивалъ меня къ этому стремленію страшный призракъ прошлаго. И думать, что болѣе лучшая служба, исполненная при посредствѣ учебной команды, не допустить меня вернуться въ прежнее положеніе, изъ котораго я поступилъ въ полкъ.

Въ моей душѣ была полная драма, но пока еще смягчаемая разными выдуманными мною надеждами.

Прошло нѣкоторое время; мысли мои не мирились со сложившимися обстоятельствами; выдуманныя надежды все блѣднѣли; къ тому же товарищи солдаты стали смотрѣть на меня недоумѣвающе и ясно давали чувствовать, что я забракованъ,—и къ душевнымъ страданіямъ прибавилось еще страданіе самолюбія. Что дѣлать! Солдаты поставлены въ такія тѣсныя рамки, что ему нѣтъ возможности сдѣлать что-нибудь въ пользу удовлетворенія своего желанія, хотя бы это желаніе было и благовидно. По духу воинскаго устава, солдатъ не можетъ самъ напрашиваться, куда захочетъ, и не можетъ отказываться отъ того, куда его посылаютъ, хотя-бы ему въ такомъ случаѣ угрожала смерть.

Однако, что же дѣлать? Хотя есть логика, здравый смыслъ, законы, а я все-таки не могъ помириться съ совершившимся фактомъ моего забракванія; а досаднѣе всего то, что я не зналъ и мнѣ не говорили, за что я забракованъ; знай это, я могъ-бы исправиться. И послѣ долгихъ размышленій я рѣшился на отважный и съ точки зрѣнія военной дисциплины—преступный шагъ,—я написалъ Великому Князю, своему эскадронному командиру, письмо съ просьбой назначить меня въ учебную команду. Теперь,—десять лѣтъ спустя, я точно не помню, что писалъ, но въ общемъ припоминаю: въ письмѣ я выражалъ желаніе быть на военной службѣ болѣе полезнымъ и лучше примѣнить къ ней всѣ свои способности, а этого можно достигнуть только будучи унтеръ-офицеромъ.

Рѣшаясь на отсылку письма, я рассчитывалъ, что Великій Князь, если не уступитъ моей просьбѣ, то во вся-

комъ случаѣ не придастъ ему никакого значенія и уже самое большее если посмѣется надо мной, и тѣмъ кончится...

Съ большимъ волненіемъ и съ замираніемъ сердца подошелъ я къ почтовому ящику, подвѣшенному у воротъ полкового штаба. Вставивъ письмо въ отверстіе, я подержалъ его за уголокъ и чуть-чуть подумалъ: „не надо“... затѣмъ, проговоривъ: „Господи благослови“, я разжалъ пальцы, письмо скользнуло изъ рукъ, скрылось въ отверстіе и ребромъ стукнулось о дно ящика. Этотъ стукъ я почувствовалъ такъ, какъ будто письмо ударилось о мое сердце. „Кончено“—отовалось на этотъ звукъ у меня гдѣ-то внутри: „Кончено“—мысленно повторилъ и я. Отходя отъ ящика, я чувствовалъ себя до нѣкоторой степени облегченно,—точно мѣшокъ картофеля, а не письмо я опустилъ въ него,—такъ тяжело было исполнить это рѣшеніе...

Первый день послѣ отправки письма я нѣсколько волновался и рисовалъ въ своемъ воображеніи разныя предположенія о послѣдствіяхъ этого письма. Но на второй день я уже успокоился и, занявшись исполненіемъ служебныхъ обязанностей, даже забылъ о немъ; но вдругъ послѣ обѣда къ баракамъ подъѣхалъ извозчикъ въ пролеткѣ и безъ сѣдока; онъ сказалъ взводному, что Великій Князь прислалъ его за Подшиваловымъ, т. е. за мной, и приказалъ мнѣ ѣхать съ этимъ извозчикомъ и явиться къ нему на квартиру. Услышавъ это приказаніе, я сразу вспомнилъ вчерашнее письмо; понятно, взволновался; въ груди застучало такъ сильно, что я слышалъ этотъ стукъ. Я все предполагалъ; но только не предполагалъ, что Великій Князь позоветъ меня къ себѣ; такой оборотъ дѣла засталъ меня врасплохъ, и я не зналъ, что мнѣ подумать: хорошо это или дурно; радоваться этому или печалиться. Наскоро надѣвъ чистую „гимнастерку“ (бѣлую полотняную рубаху) я сѣлъ въ пролетку и отправился на квартиру Великаго Князя.

Только что я переступилъ порогъ пріемной, какъ изъ другой комнаты на встрѣчу мнѣ вышелъ Великій Князь, съ своимъ неизмѣннымъ янтарнымъ мундштукомъ съ сигарой во рту и съ палкой въ рукѣ. Онъ проговорилъ: „Здравствуй, Подшиваловъ!“ Я хотѣлъ отвѣтить обычно, по-солдатски, но у меня въ глоткѣ что-то забулькало, и я, кажется, не могъ отчетливо выговорить словъ.

Подойдя ко мнѣ почти въ упоръ, онъ бросилъ на меня сверху внизъ серьезный взглядъ своихъ красивыхъ глазъ и спросилъ:

— Ты дисциплину знаешь?

Я смѣло, по-солдатски, снизу вверхъ смотрѣлъ ему въ глаза и въ первый разъ замѣтилъ его серьезный взглядъ; до сихъ поръ я видѣлъ его только или смѣющимся или улыбающимся. Этотъ его серьезный взглядъ и вопросъ о дисциплинѣ поставилъ меня втупикъ, и я опѣшилъ, но тотчасъ понялъ, что я въ своихъ предположеніяхъ о немъ—ошибся.

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество—отвѣтить я на его вопросъ.

— А развѣ ты имѣешь право писать мнѣ письма какъ къ своему командиру; вѣдь это не полагается.

— Виноватъ, Ваше Императорское Высочество.

— Если тебѣ уже такъ хочется въ учебную команду, то ты могъ бы заявить объ этомъ своему взводному или Ермонкину (вахмистру) или же лично мнѣ, вѣдь я бываю тамъ часто; а писать не полагается, это запрещено закономъ, и ты это долженъ знать.

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество—отвѣтить я, потому что надо что-нибудь отвѣчать, но думалъ иное, а именно: заявить взводному или вахмистру немисливо, а если обратиться по этому поводу къ Вамъ лично, то ближайшее начальство за это согнуло-бы меня въ „бараній рогъ“, а толку не было-бы никакого. То, что я думалъ, высказать вслухъ опасался, чтобы не нарушить дисципли-

лины, такъ какъ насъ учили и заставляли твердо запомнить, чтобы начальнику отвѣчать всегда односложно: утвердительно—„точно такъ“ и отрицательно—„никакъ нѣтъ“. При такихъ разговорахъ начальнику трудно добиться искренности у своего подчиненнаго и тѣмъ болѣе—трудно узнать, чтò у него въ головѣ: мозгъ или мякина...

— Ты думаешь, я тебя не знаю,—продолжалъ онъ, уже ходя мимо меня по комнатѣ,—и потому не назначилъ въ учебную команду? Нѣтъ, я знаю: во-первыхъ, ты ростомъ малъ, не представительнъ; во-вторыхъ, вѣдешь не лучше другихъ и вообще ничѣмъ не выдѣляешься; въ-третьихъ, еще молодъ, есть люди старше тебя, отставить которыхъ я не могъ.

— Но вѣдь я, Ваше Императорское Высочество, на правахъ, и мнѣ служить не много,—осмѣлился я возразить на его послѣднй доводъ о моей молодости.

— Но еще успѣлъ-бы, надо ждать, имѣть терпѣнiе.

Здѣсь онъ сталъ говорить мнѣ мою біографію; что я былъ любимецъ матери, что въ школѣ обучала меня учительница... Я удивился проницательности Великаго Князя и отвѣчалъ утвердительно. Я хотѣлъ еще прибавить, что у меня была мать крестная, монашенка, которая сильно влияла на мое воспитаніе ¹⁾. Очевидно Великій Князь воспитаніе моего характера приписывалъ женскому влиянію.

Относительно письма онъ сказалъ, что написано хорошо, и выраженныя желанія похвальны, но все это противозаконно; итакъ,—закончилъ онъ:—написано умно, а

¹⁾ Въ буквальноймъ смыслѣ она не была монахиня, но просто старая дѣвушка, давшая обѣтъ безбрачія и всецѣло посвятившая себя служенію ближнимъ и богомолью (она 15 разъ ходила въ Кіевъ на поклоненіе кіевскимъ святиымъ). Ея добродѣтельная жизнь была извѣстна по всему уѣзду.—Живя съ нами по-сосѣдству, кромѣ небольшой матеріальной помощи и утѣшенія, которыми мы пользовались отъ нея въ особенно тяжелыя минуты жизни, она непосредственно влияла на мое воспитаніе въ чисто нравственномъ отношеніи. Чувствуя надъ собой ея авторитетъ и любя ее за добродѣтель и ласку, я вполнѣ подчинился ея влиянію и старался, чтобы не оскорбить ее,—не дѣлать того, что считалось ею дурнымъ, наприм.: пить водку, курить, играть въ карты и даже играть на гармоникѣ и проч. Впослѣдствіи воздержаніе отъ этихъ дѣлъ пошло у меня въ привычку.

сдѣлано глупо, и выходитъ, что ты умный дуракъ. Послѣ этихъ словъ его глаза опять засвѣтились улыбкой; наконецъ, онъ сказалъ:

— Ступай, Ермошкинъ тебя проберетъ.

И ушелъ убитый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ чувствовать нѣкоторое удовлетвореніе отъ серьезнаго разговора со мною Великаго Князя. Дѣло въ томъ, что мы, солдаты, привыкли къ обращенію съ нами начальства, какъ съ дѣтьми, съ которыми серьезно говорить не полагается, потому что они ничего не понимаютъ.

При моей бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ обычное дисциплинарное сношеніе начальника съ подчиненнымъ было уже нарушено, и онъ со мною не только говорилъ, но и разсуждалъ какъ съ „большимъ“; это-то вѣроятно и удовлетворяло моему, можетъ быть „дѣтскому“ самолюбію.

XVI.

Послѣдствія письма.

Дома ожидала меня большая непріятность. Письмо мое Великій Князь передать вахмистру, а этотъ послѣдній пробралъ меня слѣдующимъ образомъ:

Вечеромъ, по обыкновенію въ 9 часовъ, эскадронъ собрался передъ серединой барака на молитву. Всѣ солдаты встали лицомъ на востокъ, т. е. къ скачкамъ, павильонъ которыхъ помѣщался какъ-разъ противъ барака, по ту сторону р. Лиговки и линіи Балтійской желѣзной дороги. Было тихо. На небѣ ни облачка. Солнце почти уже скрылось за Петербургомъ, колокольни и шпицы котораго едва видѣлись въ сѣромъ маревѣ; косые лучи его золотили окрестность; а по низинѣ, надъ самою рѣчкой, широкой лентой разстилался туманъ, цвѣта офицерской шинели.

Вдали, по кривой линіи желѣзной дороги, извивавшейся по извилинамъ рѣчки Лиговки, тихо ползъ—какъ змѣя—товарный поѣздъ; его грохотъ чуть-чуть доносяся до насъ.

Изъ среды собравшихся на молитву солдатъ, унтеръ-офицеръ Повѣренный, какъ всегда, выступилъ впередъ и теноромъ, который разнесся далеко-далеко по окрестности, затянулъ — „Царю Небесный“; хоръ поддержалъ его, и стройные звуки 140 солдатскихъ голосовъ широко разлились по всей окрестности. Загрохоталъ пушечный выстрѣлъ; это возвѣщалось, что девять часовъ вечера,— время зари. Изъ пѣхотныхъ лагерей, расположенныхъ направо отъ насъ за тою-же р. Лиговкой, слышались мелодичные звуки трубы горниста, игравшаго зарю; затѣмъ едва доносяся глухой звукъ нѣсколькихъ солдатскихъ хоровъ, также пѣвшихъ молитвы.

Когда нашъ эскадронъ закончилъ пѣніе молитвъ словами: „Крестомъ Твоимъ жительство“, и когда послѣдніе звуки унеслись по сѣрому туману надъ Лиговкой, въ сторону пѣхотныхъ лагерей, какъ-бы для соединенія съ гулкимъ звукомъ другихъ хоровъ, чтобы вмѣстѣ вознестись на небо...—вахмистръ Ермошкинъ, стоявшій сзади всѣхъ, громко скомандовалъ:

— Стой, не расходись!

Солдаты остановились и недоумѣвающе смотрѣли на вахмистра.

— Подшиваловъ, сюда! — вызвалъ онъ меня на середину передъ эскадрономъ.

Я вышелъ, поднявъ руку подъ козырекъ.

Вахмистръ, указывая на меня рукою и обратясь къ солдатамъ, громко началъ говорить:

— Вотъ этотъ болванъ, Подшиваловъ, написалъ Великому Князю письмо, просится въ учебную команду...

Въ это время я почувствовалъ себя очень странно: я какъ-будто стоялъ не на землѣ, а на воздухѣ,—что называется — ногъ подъ собою не слышать, и послѣ каждаго

слова, произнесеннаго вахмистромъ, подымался по воздуху все выше и выше, а люди и говорившій, вахмистръ, стали маленькими-маленькими.

Вахмистръ говорилъ долго и что именно говорилъ, кромѣ вышеупомянутыхъ словъ я не помнилъ. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ обратился къ эскадронному писарю и сказалъ:

— Варпа, запиши ему тринадцать карауловъ ¹⁾.

На что тотъ отвѣтилъ:

— Слушаю, Иванъ Кузьмичъ.

Послѣ произнесенія имъ словъ „тринадцать карауловъ“ я опомнился, „спустился на землю“ и увидѣлъ, что всѣ, молча, стали расходиться; пошелъ и я въ свою каморку. Послѣ „проборки“ вахмистромъ, я чувствовалъ себя почти такъ же облегченно, какъ и наканунѣ, когда, опустивши письмо, отходилъ отъ ящика. Теперь я уже зналъ, что мое положеніе опредѣлилось, и большаго наказанія не послѣдуетъ, но за то въ отчаніи предполагать, что всѣ мои надежды разбились вдребезги; мать свою уже больше утѣшить нечѣмъ— и отвратительный призракъ прошлаго всталъ предо мной во всей ясности; было невыносимо тяжело. Послѣ объясненія Великаго Князя я узналъ, что причиною моего „несчастія“ послужилъ мой сравнительно малый ростъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непредставительность. Но я старался этимъ мыслямъ не вѣрять и сгнѣбилъ выкинуть ихъ изъ головы, какъ еще болѣе отягчающія душу (послѣ я убѣдился, что не всѣ смотрятъ на солдата, какъ на вещь).

„Будь что будетъ, сказалъ я себѣ и рѣшилъ приложить все свое стараніе къ маленькимъ обязанностямъ рядового солдата и терпѣливо переносить всякія невзгоды. „Бываетъ и хуже“—пробовать я утѣшить себя.

Многіе солдаты не понимали степени моего проступка; это былъ единственный примѣръ, и они не знали, какъ

¹⁾ По уставу вахмистръ не имѣетъ права наказывать одновременно тринадцатью караулами, но, называя это число, онъ, очевидно, хотѣлъ придать моему проступку большее значеніе.

на меня смотрѣть: не то съ сожалѣніемъ, не то съ насмѣшкой, не то съ презрѣніемъ. Среди нихъ чувствовалось недоумѣніе; но они держали себя какъ-бы въ ожидательномъ положеніи и своего отношеніи ко мнѣ не измѣняли; только старшій солдатъ Удаловъ (весельчакъ по характеру, Рязанской губ.) послѣ произнесенной вахмистромъ рѣчи сказалъ мнѣ:

— Ну вотъ, Подшиваловъ, ты теперь будешь такой-же какъ и мы, прослужишь рядовымъ.

Не знаю, что онъ этимъ хотѣлъ сказать, но въ его словахъ чувствовалась нотка сожалѣнія.

На слѣдующій день, въ первый разъ за „провинку“ я былъ назначенъ въ караулъ къ денежному ящику, на дворъ полкового штаба. Караульная служба, хотя и за провинку, мнѣ показалась не тяжелой. Стоять на часахъ и чувствовать себя неприкосновеннымъ, — насъ учили, что часовой есть лицо неприкосновенное, — даже приятно. Здѣсь, стои на часахъ, караули деньги, сознаешь себя нужнымъ человѣкомъ и знаешь, что дѣлаешь полезное дѣло. Во всякомъ случаѣ въ караулѣ мнѣ показалось лучше, чѣмъ сидѣть у себя въ каморкѣ за простывшимъ чаемъ и напряженно прислушиваться, не идетъ ли вахмистръ, чтобы во-время броситься къ лошади и произвести щеткой шумъ.

Въ караулѣ мнѣ нравился порядокъ среди караульныхъ, тишина и вечерняя молитва. Вечеромъ, въ 9 часовъ, во время зари, приходитъ трубачъ; караулъ выстраивается около гауптвахты; караульный унтеръ-офицеръ командуетъ „шапки долой“ и размѣреннымъ голосомъ читаетъ молитву „Отче нашъ“; затѣмъ трубачъ играетъ зарю. Во время игры трубача, мотивъ которой напоминаетъ что-то молитвенное и проникающее въ душу, караулъ стоитъ безъ шапокъ.

Чтеніе молитвы и игра трубача настраивали какъ-то на особый ладъ: все это казалось торжественнымъ, серьезнымъ и чувствовалась отрѣшенность отъ всего міра...

Этимъ однимъ карауломъ и закончилось мое наказаніе; меня больше въ караулъ не назначали. Не знаю, чье было на это распоряженіе. Однако взводный унтеръ-офицеръ Туровецъ (Минской губ.) считалъ мой проступокъ съ письмомъ достойнымъ бѣльшаго наказанія и уже отъ себя, гдѣ и какъ могъ, восполнилъ этотъ недостатокъ: то лошадей дать для ѣзды такую, что на ней неминуемо сдѣлаешь бѣду; то найдешь оторванную пуговицу у заваливашагося стараго мундира; то какую-нибудь неисправность въ сѣдлѣ; то не такъ прошелъ, не такъ сказалъ, не такъ честь отдалъ, словомъ, придирался ко всему и за все своей властью наказывалъ: назначеніемъ не въ очередь дневальнымъ, на работу, а иногда ограничивался и болѣе короткимъ, но чувствительнымъ наказаніемъ. Вообще, письмомъ я создалъ себѣ тяжелое положеніе, но послѣ, какъ увидитъ читатель, оно имѣло и хорошія послѣдствія.

XVII.

«Т р а в ы».

По окончаніи лагернаго сбора, кавалерійскія войска располагались на отдыхъ, который продолжался не менѣе одного мѣсяца. Время этого отдыха, или каникулъ, у кавалеристовъ называлось *травами*. Это названіе установилось, очевидно, потому, что, во время каникулъ, кавалерійскихъ лошадей разрѣшалось кормить травой; но за немѣнѣемъ въ Петербургъ и его окрестностяхъ травы, Кавалергардскій полкъ довольствовался только свѣжимъ сѣномъ, при чемъ для лучшаго использованія каникулъ въ видѣ приволья, каждому командиру эскадрона предоставлялось право искать лучшее мѣсто и вести туда свой эскадронъ.

Въ 1891 г. Великій Князь свой 2-й эскадронъ водилъ на травы въ нѣмецкую колонію, с. Каменку, близъ Петербурга, за Коломигами,—здѣсь онъ все время жилъ самъ и охотился въ окрестныхъ лѣсахъ и болотахъ.

При въѣздѣ въ селеніе Каменку, нѣмцы колонисты устроили нашему эскадрону торжественную встрѣчу. На краю этого селенія изъ цестовъ и древесныхъ вѣтвей они построили арку и украсили ее гирляндами зелени и цвѣтовъ; здѣсь же собрались все колонисты: мужчины въ суконныхъ курткахъ съ характерными бритыми лицами и женщины въ пестрыхъ нарядныхъ платьяхъ; хоръ дѣтей подъ управленіемъ учителя пѣлъ кантаты на русскомъ языкѣ и очень стройно. Эскадронъ велъ самъ Великій Князь. Мы расположились по разнымъ дворамъ. Здѣсь, на лонѣ природы, среди лѣса и полей, я, какъ и другіе, отдыхалъ тѣломъ и душой. Погода была прекрасная. Колонисты оказались людьми добрыми и внимательными; они кормили насъ до отвала картофелемъ, котораго у нихъ были цѣлыя горы, и во всякое время у себя на плитѣ кипятили намъ воду для чая и жарили грибы, которыхъ тогда было много въ сосѣднемъ лѣсу; къ чаю, въ видѣ лакомства, мы собирали клюкву, которой было много на обширномъ болотѣ, находящемся почти у самаго селенія. Все колонисты и даже маленькія дѣти хорошо говорили по-русски, но между собою всегда по-нѣмецки.

Привольная жизнь, отсутствіе занятій и тревоги — способствовали тому, что нѣкоторые солдаты наспали себѣ огромныя лица и казались распухшими. Эту пухлость въ лицахъ многихъ солдатъ замѣтилъ и Великій Князь Михайлъ Николаевичъ, пріѣзжавшій въ Каменку навѣстить своего сына, Великаго Князя Николая Михайловича; проходя мимо выстроеннаго эскадрона и глядя на насъ, онъ сказалъ своему сыну:

-- Какіе они у тебя толстомордые.

Послѣдній, смѣясь, отвѣтилъ, что это оттого, что здѣсь воздухъ хорошъ.

Воздухъ дѣйствительно былъ очень хорошъ, но еще лучше были и несомнѣнно болѣе способствовали опухлости щекъ—это огромные, жирные быки, частенько приводившіеся къ намъ изъ Петербурга. Быки эти убивались и раздѣлывались на мясо солдатами здѣсь же, въ Каменкѣ. Иногда приводились такіе быки, что къ нимъ не отваживался подойти импровизированный мясникъ, и въ этихъ случаяхъ выручалъ самъ Великій Князь; онъ бралъ револьверъ и стрѣлялъ быку прямо въ лобъ, конечно безъ промаха, послѣ чего тотъ падалъ и черезъ нѣкоторое время частями варился въ котлѣ, а жирныя кишки его дѣлились между солдатами и усердно мылись для картофельнаго жаркого, которое служило добавочнымъ блюдомъ къ солдатскому меню. Въ общемъ, было немножко патриархально и по-домашнему. Это время, проведенное на травахъ, долго потомъ воспоминалось солдатами, какъ вообще часто и подробно вспоминается все пріятное. Между прочимъ однимъ изъ предметовъ воспоминаній были романы, устраиваемые нѣкоторыми солдатами съ „капорками“ (поденщиками), которыя во время травъ большими партіями работали у колонистовъ. Эти „капорки“ (почему поденщикъ называли „капорками“—мнѣ неизвѣстно), преимущественно молодыя дѣвушки изъ Тверской и Московской губерній, какъ вездѣ бывавшія и много выдавшія, были очень незастѣливы,—даже болѣе...

На травахъ мнѣ пришлось близко встрѣтиться и говорить съ Великимъ Княземъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Однажды, будучи патрульнымъ, я вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (въ патрульные назначалось по-двое) стоялъ у квартиры Великаго Князя, помѣщавшейся въ одномъ изъ домиковъ колониста посреди селенія. Было около 11 часовъ

вечера. Великій Князь игралъ на роялѣ. Онъ сидѣлъ къ окну спиною, и намъ были видны быстрыя движенія его рукъ то вправо, то влѣво и такое же быстрое накло-неніе его корпуса, такъ что казалось, будто онъ ловилъ руками какого-нибудь звѣрька, бѣгавшаго отъ него то вправо, то влѣво. Игралъ онъ, очевидно, вдохновенно, и звуки музыки широкой волной лились изъ открытаго окна на улицу. Игра кончилась, но мы, очарованные музыкой, продолжали стоять противъ окна и не замѣтили, какъ онъ вышелъ изъ квартиры и подошелъ къ намъ.

— Что, хорошо я играю?—неожиданно спросилъ онъ насъ.

Мы, конечно, отвѣтили утвердительно.

— А ты умѣешь играть?—обратился онъ ко мнѣ.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— А на гармоникѣ?

— И на гармоникѣ не умѣю.

— Такъ на чемъ же умѣешь?

— Ни на чемъ не умѣю, Ваше Императорское Высочество.

— Гм..., странно, какъ же такъ, а еще Подшиваловъ.

Читатель, конечно, помнитъ, что мнѣ было не до музыки; но Великому Князю я сказалъ искренно, что музыку люблю страстно и очень сожалѣю, что неумѣю играть.

Вечеръ былъ тихій, и звѣзды ярко горѣли на безоблачномъ темномъ небѣ. Великій Князь, глядя на небо, показалъ намъ созвѣздіе Большой Медвѣдницы и полярную звѣзду, по которой можно опредѣлить сѣверъ.

Это очень важно знать развѣдчикамъ для ориентировки ночью,—сказалъ онъ намъ.

Затѣмъ онъ хотѣлъ показать намъ еще Малую Медвѣдицу, но не нашелъ ея и сказалъ, что когда мы будемъ развѣдчиками, то намъ покажутъ и объяснить все. Постоявъ еще немного, онъ пошевелилъ плечами, помахалъ руками и возвратился въ комнату, гдѣ и продолжалъ игру.

13-го сентября колонисты, также какъ и при встрѣчѣ, съ пѣніемъ кантатъ, провожали нашъ эскадронъ въ Петербургъ, на зимнія квартиры.

XVIII.

Возвращеніе въ казармы.

По возвращеніи въ казармы, съ нами, молодыми солдатами, — срока 91-го года, — возобновились занятія, чтобы утвердить въ памяти и лучше усвоить строевую службу. Занятія эти производились недолго, затѣмъ началась скучная, однообразная казарменная или, вѣрнѣе, конюшенная жизнь.

Ежегодно осенью бываетъ инспекторскій смотръ и выводка лошадей. Недѣли за четыре до смотра происходитъ усиленная чистка лошадей, и кромѣ обычнаго количества рядковъ полагалось еще каждый день замывать лошадямъ хвосты и бѣлыя ноги мыломъ. На это дѣло убивалось все время съ пяти часовъ утра до 8 час. вечера ежедневно.

Вскорѣ по возвращеніи въ казармы, изъ полковой канцеляріи поступило въ эскадронъ предписаніе, чтобы поручить кому-либо изъ нижнихъ чиновъ составить отзывъ о „Памяткѣ Кавалергарда“ и доставить его въ полковую канцелярію. Эта „памятка“, составленная ротмистромъ Дашковымъ и изящно изданная, выдавалась каждому солдату при поступленіи въ полкъ. Въ ней излагалась краткая исторія полка, его заслуги и объяснялись обязанности каждаго солдата. Написана она простымъ для пониманія солдата языкомъ и въ дружескомъ тонѣ. Въ ней подробно объясняется и защищается дисциплина. Въ нашемъ эскадронѣ исполненіе этой задачи, по предложенію Повѣреннаго, поручили мнѣ, какъ „усердному писателю лекцій“ и вслѣдствіе сложившагося въ эскадронѣ мнѣнія о томъ, что у

меня „хорошо работаетъ максимка“, т. е. голова. Мнѣнія эти и порученіе были для меня лестны, но, по-правдѣ сказать, я не чувствовалъ въ душѣ, чтобы они были вполне справедливы.

И, конечно, взялся написать отзывъ о памятке и взялся потому, что не имѣлъ права отказываться; но почувствовалъ, что эта задача для меня была не легкая. При порученіи этого дѣла, программы никакой не сообщили, а сказали просто: „напиши что знаешь о памятке“. Дали бумаги. Писать мнѣ приходилось только ночью, послѣ повѣрки, а днемъ съ утра до ночи я проводилъ время вмѣстѣ съ другими въ конюшнѣ, и тамъ, сидя на перекладинѣ около своего „Единодушнаго“, обдумывалъ планъ „сочиненія“. Обдумывая планъ, я прежде всего старался проникнуть мысленно во внутренній міръ солдатской жизни, постигнуть яснѣе дѣйствительность и затѣмъ эту дѣйствительность сличить съ мнѣніемъ автора, изложеннымъ въ памятку, и уже на основаніи сличенія искать противорѣчія или недостатковъ, которые и записать въ своемъ отзывѣ. Иначе я не зналъ, что нужно было написать объ этой „памятке“, изложенной безукоризненно хорошо, благо нравно, патриотично... и излагалъ-то ее такой человекъ, передъ которымъ я благоговѣлъ и всегда при встрѣчѣ съ нимъ, отдавая честь во фронтѣ, немножко останавливался, смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ: „вотъ идеальный человекъ и при томъ писатель,—хотя и военный“; а писатели,—кстати сказать,—въ моемъ воображеніи были люди необыкновенные, видѣть которыхъ можно только на пьедесталахъ да на портретахъ, а живые намъ недоступны. И такъ, что и выработывать мысленно въ конюшнѣ, то вечеромъ въ казармѣ записывалъ на бумагѣ; такимъ образомъ недѣли черезъ двѣ у меня образовалась рукопись въ три листа писчей бумаги.

Изъ всего написаннаго въ отзывѣ я теперь только чуть помню высказанныя мною мнѣнія о дисциплинѣ. Въ отзывѣ

я смѣло осуждалъ существующую черезъ-чуръ строгую дисциплину, находя, что она убиваетъ всякую самостоятельность въ человѣкѣ, дѣлаетъ его безвольнымъ и безличнымъ и удерживаетъ его на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и, вообще, очень строгая дисциплина дѣлаетъ службу тягостной. И проводилъ мысль, что существующая дисциплина была введена еще въ дореформенное время, когда въ солдаты набирались большею частію люди изъ разныхъ человѣческихъ отбросовъ, нравственно испорченныхъ и крайне грубыхъ,—тогда строгая дисциплина дѣйствительно была необходима въ войскахъ. Но теперь, при всеобщей воинской повинности, когда на службу обязаны идти люди всѣхъ званій и состояній, люди болѣе развитые и впечатлительные—она тяжела и груба. Только довѣріемъ къ себѣ, которое достигается любовью и справедливостью, начальникъ можетъ руководить своими подчиненными какъ хочетъ, но не чрезмѣрною строгостью, всецѣло опираясь на дисциплину.

Въ заключеніе я высказывалъ мысль о томъ, что было бы очень полезно, вмѣсто безсмысленнаго сидѣнья въ конюшняхъ, научить солдатъ чему-нибудь такому, что-бы пригодилось имъ и послѣ военной службы.

Спусти нѣкоторое время послѣ сдачи въ канцелярію рукописи, я встрѣтился съ ротмистромъ Дашковымъ,—къ которому поступали на просмотръ эти рукописи,—и получилъ отъ него за отзывъ похвалу.

Послѣ этого мой служебный барометръ началъ подыматься. Впечатлѣніе моего письма къ Великому Князю сгладилось. Возводный Туровецъ оставилъ меня въ покоѣ, а вахмистръ Ермошкинъ признался мнѣ лично, что онъ перепуталъ меня съ другимъ солдатомъ—Копнинымъ, который былъ неуклюжъ и неповоротливъ и вдобавокъ неграмотенъ; эту неграмотность Копнина онъ приписывалъ мнѣ, а мою грамотность—Копнину; отсюда и получилось то недоразумѣніе, что я не попалъ въ списокъ при назначеніи

въ учебную команду. Не напиши я Великому Князю письма, я продолжалъ бы быть Копнинымъ, неуклюжимъ и неповоротливымъ, а Копницъ—мною, грамотнымъ.

Въ этомъ случаѣ оправдывается пословица, что „нѣтъ худа безъ добра“.

XIX.

Командировка въ 3-й военно-телеграфный паркъ.

Въ половинѣ октября того же года меня отъ 2-го эскадрона командировали въ 3-й военно-телеграфный паркъ для изученія телеграфнаго дѣла и фехтованія.

Въ то время, для изученія телеграфнаго дѣла и фехтованія, ежегодно на 6 мѣсяцевъ командировалось въ телеграфный паркъ отъ всѣхъ кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ по два человѣка нижнихъ чиновъ и по одному офицеру, а отъ Кавалергардскаго полка 4 человѣка нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ.

Обучившіеся въ паркѣ телеграфному дѣлу нижніе чины должны впослѣдствіи исполнять телеграфную службу у себя въ полку, а фехтованіе, въ качествѣ инструкторовъ, преподавать въ эскадронахъ.

19 октября 1891 года, мы, кавалергарды, со всѣми своими пожитками перебрались въ помѣщеніе 3-го военно-телеграфнаго парка (уголь Литейной и Кирочной, гдѣ теперь офицерское собраніе петербургскаго военнаго округа).

Въ телеграфный паркъ люди требовались болѣе или менѣе грамотные, поэтому, при поступленіи туда, особой комиссіей производилось намъ испытаніе въ умѣннн читать и писать; несоотвѣтствующихъ требованію отсылали обратно въ полкъ, а на ихъ мѣсто назначались другіе. Мы, ка-

валергарды (я, Новиковъ, Труновъ и Ивановъ) испытаніе выдержали и остались. Затѣмъ, послѣ молебна, начались занятія.

Въ паркѣ я почувствовалъ себя совершенно на своемъ мѣстѣ и былъ очень доволенъ. Мы тамъ не служили, а учились и учились довольно-таки основательно. Кромѣ, собственно, изученія телеграфнаго дѣла, намъ преподавали русскую грамматику, ариѳметику, фізику и черченіе, такъ что багажъ нашихъ знаній довольно расширился. Конечно, я принялся изучать телеграфное дѣло съ жаромъ и усвоилъ его въ три дня (для того, чтобы передать и принять телеграмму, нужно умѣть читать и выстукивать азбуку Морзе, состоящую изъ точекъ и черточекъ). Затѣмъ мнѣ поручалось помогать въ усвоеніи телеграфнаго дѣла своимъ товарищамъ, не вполнѣ успѣвавшимъ; въ помощи нуждались болѣе всего казаки.

Кромѣ зубренія азбуки и ея выстукиванія, мы по руководству изучали всѣ детали телеграфнаго дѣла съ механической стороны, напримѣръ: названіе частей аппарата, сборку и разборку его, проводку линій и установку станцій, такъ чтобы въ военное время мы могли кромѣ порчи непріятельскаго телеграфа,—для чего болѣе всего предназначаются телеграфисты изъ кавалеріи,—самостоятельно руководить въ проведеніи телеграфныхъ и телефонныхъ линій, при установкѣ станцій и перехватывать непріятельскія депеши.

Изъ физики мы учили объ электричествѣ вообще и примѣненіи его къ телеграфному дѣлу—въ частности; вмѣстѣ съ этимъ мы могли составить болѣе полное понятіе о природѣ.

Телеграфное дѣло намъ преподавалъ офицеръ телеграфнаго парка, поручикъ Сыхинъ, мягкій и очень снисходительный человекъ. Его мягкое и терпѣливое обращеніе съ нами при преподаваніи, казалось для насъ, закаленныхъ въ строгой дисциплинѣ, немного страннымъ, но, конечно,

отъ этого дѣло отнюдь не страдало, а наоборотъ — значительно выигрывало; онъ сумѣлъ заинтересовать насъ предметомъ своего преподаванія, и мы были къ нему очень внимательны.

Научныя занятія въ паркѣ замѣтно развили нашъ умственный кругозоръ; этому развитію способствовала еще среда, въ которой мы находились. Нижніе чины телеграфнаго парка были очень развиты и противъ насъ по образованію представляли изъ себя интеллигентовъ; были впрочемъ и изъ нашей команды люди съ зачатками среднего образованія (гимназисты и реалисты) и начитанные, такъ что наши знанія дополнялись и расширялись въ частныхъ бесѣдахъ.

Телеграфный паркъ походилъ скорѣе на закрытое учебное заведеніе, чѣмъ на одну изъ войсковыхъ частей съ командою солдатъ. Между начальствомъ и нижними чинами чувствовались отношенія вѣжливый и вовсе не замѣчалось той жесткости и грубости, которая существуетъ въ полкахъ.

Въ отношеніи чтенія въ паркѣ была полнѣйшая свобода; въ немъ имѣлся прекрасный шкафъ-библіотека изъ рѣзного дубоваго дерева, за стеклянными дверями котораго виднѣлись корешки книгъ въ роскошныхъ переплетахъ. Изъ этой бібліотеки могли брать книги всеѣ желающіе; пользовался ими, конечно, и я. Она состояла изъ журналовъ періодическихъ изданій, изъ книгъ военнаго и бѣллетристическаго содержанія и проч. Нѣкоторые нижніе чины телеграфнаго парка имѣли собственныя книги и даже небольшія бібліотеки, разрѣшенныя, конечно, начальствомъ. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ (изъ интеллигентной семьи; его братъ былъ офицеромъ) при поступленіи въ паркъ на службу, привезъ съ собою цѣлую бібліотеку русскихъ классиковъ и книгъ историческаго содержанія. Эти книги онъ охотно давалъ читать всеѣмъ желающимъ.

Свѣжія книги и большой ихъ выборъ дѣлали то, что послѣ занятій, которыя заканчивались въ 4—5 часовъ, помѣщеніе телеграфнаго парка, буквально, превращалось въ читальню; почти на всѣхъ койкахъ и во всѣхъ углахъ сидѣли солдаты и, уткнувъ свой носъ въ книгу, читали. Только казаки не раздѣляли этого влеченія и предпочитали послѣ занятій растянуться на койкѣ и, укрывшись подушкой, хорошенько вздремнуть. Кстати о казакахъ: ихъ было въ нашей командѣ шесть человекъ; странными они казались мнѣ людьми: ихъ ничто отвлеченное не интересовало, никакіе вопросы ихъ не волновали и они совершенно равнодушно относились ко всему тому, что не касалось ихъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ и не служило для удовлетворенія ихъ тѣлесныхъ потребностей. Преподаваемые науки они старались усвоить, но ровно настолько, насколько было нужно для дѣла, и это имъ давалось не легко. Но на фехтованіи нѣкоторые изъ нихъ дрались очень хорошо. Что касается товарищества, то они были общительны и среди нихъ у меня было много задушевныхъ друзей.

Въ паркѣ я впервые познакомился съ нашими корифеями литературы (Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и проч.). Моя любовь къ чтенію развилась въ сильной степени, чему способствовали полный выборъ книгъ и уже окончательное ознакомленіе съ учебниками.

Изъ-за увлеченія чтеніемъ, однажды произошелъ со мною слѣдующій инцидентъ: взявъ у одного солдата, принадлежащаго къ телеграфной командѣ, Миловидова, для чтенія книгу—романъ, подъ заглавіемъ „Царь Освободитель“, изъ эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, гдѣ описывались сильныя страданія случайно воспитанной крестьянской дѣвушки отъ преслѣдованій помещика,—я такъ увлекся этимъ романомъ, что не утерпѣлъ и взялъ его съ собою въ классъ и, сидя на задней лавкѣ, продолжалъ читать во время занятій. На спокойное чтеніе

въ классѣ я рассчитывалъ потому, что обучающій насъ поручикъ Сыхинъ, вѣря моимъ знаніямъ, никогда меня не вызывалъ и не спрашивалъ; но я ошибся: онъ замѣтилъ мое углубленіе въ книгу, подойдя ко мнѣ взялъ ее и, ни слова не говоря, сейчасъ же вызвалъ меня къ доскѣ. Здѣсь онъ приказалъ мнѣ начертить схему трехъ станцій и рассказать прохожденіе по нимъ тока. Эта задача—одна изъ трудныхъ и еще не была намъ показана, но я, какъ любитель заглядывать въ учебникъ впередъ, еще раньше ознакомился съ ней и усвоилъ ее хорошо; я нарисовалъ и разсказалъ правильно. Тогда обучающій, улыбнувшись, сказалъ:

— Хорошо, садись; но все-таки во время занятій читать постороннія книги не полагается.

— Виноватъ, ваше благородіе,—сказалъ я и въ то же время грустно поглядѣлъ на книгу, лежащую у него на столѣ, которую мнѣ очень хотѣлось дочитать, такъ какъ меня прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Книгу онъ оставилъ у себя, а послѣ занятій вызвалъ солдатика, которому она принадлежала, и наказалъ его на одинъ день дневальнымъ, потому что на этой книгѣ не было казеннаго штемпеля. Я очень скорбѣлъ, что былъ причиною наказанія Миловидова и съ удовольствіемъ принялъ бы на себя хотя большее наказаніе, но этого сдѣлать было нельзя. Послѣ я все-таки выпросилъ ее у Миловидова, уже съ наложеннымъ на нее казеннымъ штемпелемъ, и въ тотъ же день вечеромъ дочиталъ.

Иногда офицерами телеграфныхъ парковъ, преимущественно воспитанниками академіи генеральнаго штаба, читались научные рефераты для г.г. офицеровъ, и затѣмъ эти чтенія буквально повторялись намъ.

Весь паркъ былъ пропитанъ наукою и кромѣ науки никто изъ начальства ничѣмъ не интересовался; развѣ только командиръ парка, капитанъ Кунъ, иногда зайдетъ на кухню и сдѣлаетъ распоряженіе о лучшемъ пригото-

леніи пищи. Оно, т. е. начальство парка, совсѣмъ игнорировало вопросъ: смотритъ-ли солдатъ дьяволомъ или выглядитъ глубокомысленнымъ философомъ; это было для нихъ безразлично. Кромѣ точнаго понятія объ изучаемомъ предметѣ—ничего не требовалось.

О нарушеніяхъ порядка,—если не считать нарушеніемъ такого рода проступки, какъ инцидентъ съ романомъ,—не было слышно, да никому и въ голову они не могли придти,—некогда: надо учиться, читать интересныя книги, а въ праздникъ идти со двора дышать свѣжимъ воздухомъ, провѣтриваться. Отпуски со двора давались легко всѣмъ желающимъ. Лично я широко пользовался правомъ отпуска. Во время отпуска любимымъ мѣстомъ моего посѣщенія были: эрмитажъ, соборы и другіе достопримѣчательности; туда я таскалъ съ собою нѣкоторыхъ изъ товарищей, въ томъ числѣ и казаковъ; а затѣмъ каждое воскресенье вечеромъ заходилъ къ брату и прочитывалъ у него накопившіяся за недѣлю господскія газеты, преимущественно „Новое Время“. Газеты давали мнѣ возможность слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ, и тѣмъ освѣжать голову, волноваться и мыслить... Вообще, въ паркѣ намъ дышалось очень легко.

Второю частью занятій въ паркѣ было фехтованіе на эспадронахъ (эспадронъ—это большая пищага; эспадрономъ можно не только колоть, но и рубить).

Фехтованіе было однимъ изъ интересныхъ занятій. Хотя вывертыванія кисти руки и стойка на полусогнутыхъ ногахъ сначала были трудноваты, но впоследствии мы привыкли и дрались отчаянно.

Фехтованіе намъ преподавали два учителя: одинъ—изъ военныхъ—капитанъ Соколовъ, другой—штатскій,—изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, впоследствии чиновникъ,—Осипъ Ефимовичъ Байковъ. Этотъ послѣдній, не смотря на свою тучность, фехтовалъ замѣчательно легко и искусно. Эти же учителя преподавали фехтованіе и офицерамъ, прикомандированнымъ къ командѣ телеграфнаго парка изъ

кавалерійскихъ полковъ. Преподавалось фехтованіе преимущественно утромъ, до обѣда, и продолжалось 2 часа.

Цѣль фехтованія была та, чтобы развить ловкость и умѣніе наносить противнику удары и защищаться отъ нихъ.

При обученіи фехтованію, всѣ правила приемовъ, стойки и положенія тѣла намъ объясняли учителя словесно и примѣрнымъ показаніемъ; печатнаго руководства по этому дѣлу тогда еще не существовало. Отсутствіе руководства, — что было большимъ недостаткомъ, — можно объяснить тѣмъ, что обученіе фехтованію нижнихъ чиновъ тогда только что вводилось и, очевидно, выработать и напечатать подобнаго руководства еще не успѣли. Поэтому намъ, какъ будущимъ инструкторамъ въ своихъ эскадронахъ, всѣ объясненія приемовъ фехтованія приходилось запоминать наизусть. Но при этомъ являлся вопросъ: кто можетъ поручиться за то, что онъ не позабудетъ всѣ толкованія учителей въ паркѣ и правильно передастъ ихъ потомъ своимъ ученикамъ? Разсуждая объ этомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что для насъ, будущихъ инструкторовъ, подобное руководство необходимо и при томъ такое руководство, которое нагляднымъ образомъ показывало и объясняло бы всѣ правила и приемы фехтованія. Это руководство давало бы однообразіе во всѣхъ частяхъ войскъ, подобно руководствамъ по другимъ строямъ.

Мнѣ пришло въ голову восполнить этотъ недостатокъ, и я принялся за составленіе руководства по фехтованію согласно тому, какъ насъ обучали. Конечно, такая моя работа, какъ составленіе руководства — была не серьезна и я вовсе не мечтаю, чтобы оно было напечатано и приведено въ исполненіе въ томъ видѣ, какъ написано мною. Но, принимаясь за составленіе руководства, я хотѣлъ этимъ напомнить о его необходимости.

Написавъ руководство, съ фигурами въ текстѣ, наглядно показывающими положеніе тѣла при извѣстныхъ приемахъ, я передалъ его учителю фехтованія г. Байкову.

Г. Байковъ, прочитавъ, одобрилъ мое руководство и призналъ его полезность; онъ обѣщалъ похлопотать о его движеніи въ пользу примѣненія къ жизни и наградилъ меня за труды изъ собственныхъ средствъ пятью рублями.

Хлопоты г. Байкова состояли въ томъ, что онъ передалъ мою рукопись завѣдующему нашей командой, офицеру N--скаго полка (фамиліи этого офицера я не помню, да мы его близко никогда и не видали); у него она оставалась безъ движенія цѣлый годъ.

Въ апрѣлѣ 1892 года намъ былъ экзамень по телеграфному дѣлу и по фехтованію.

На фехтовальномъ смотру въ комиссіи предсѣдательствовалъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а членами комиссіи были всѣ командиры гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, въ томъ числѣ и командиръ Кавалергардскаго полка генераль-маіоръ Гринвальдъ,--вновь назначенный вмѣсто г.-м. Тимирязева.

Я никогда не чувствовалъ себя такъ, какъ во время фехтованія. Странныя чувства! Бывало, какъ только возьмешь въ руки эскадронъ и встанешь въ стойку, сейчасъ же охватитъ какой-то экстазь, нервы такъ и заходятъ и, какъ скаковая лошадь у старта—такъ и рвешься въ бой; при этомъ овладѣваетъ такая самоувѣренность и храбрость, что, кажется, самого дьявола въ пухъ и прахъ расшибешь, и я не помню, чтобы кѣмъ-либо былъ побитъ.

На смотру передъ комиссіей мы дрались по-двое, каждый полкъ свой на своего; правило было такое: кто первый дастъ противнику три удара, тотъ считался побѣдителемъ.

Нашъ экстазь при боѣ невольно заражалъ и зрителей, т. е. комиссію. Комиссія была очень довольна результатами, достигнутыми нами въ паркѣ, поэтому въ приказѣ по полку намъ была объявлена благодарность.

По телеграфному дѣлу мы выдержали испытаніе также отлично.

XX.

Возвращеніе въ полкъ изъ телеграфнаго парка.

Отдохнувъ три дня послѣ экзамена, мы возвратились по своимъ полкамъ. На другой день по возвращеніи въ эскадронъ, я вмѣстѣ съ другими былъ въ конюшнѣ и готовился къ ѣздѣ; въ это время къ намъ въ конюшню прибылъ Великій Князь Николай Мпханловичъ, бывший командиръ эскадрона, теперь полковникъ; онъ вызвалъ меня и здѣсь же передъ всѣмъ эскадрономъ благодарилъ меня за отличіе и успѣхи, достигнутые въ телеграфномъ паркѣ.

— Ну, ты теперь подтянулся, — сказалъ онъ, — молодецъ; будешь назначенъ въ учебную команду. Ротмистръ Верновъ! обратился онъ къ новому командиру эскадрона, — назначьте Подшивалова въ учебную команду.

— Слушаю, — отвѣтилъ тотъ.

Такимъ образомъ мои желанія начинали исполняться и, хотя въ необычной, но болѣе интересной формѣ. Конечно, въ это время я былъ на „седьмомъ небѣ“. Всѣ мнѣ казались милыми, хорошими и всѣхъ я готовъ былъ расцѣловать, хотя исполнилъ это только надъ „Единодушнымъ“, чистить котораго я опять взялся.

Вскорѣ къ этой радости прибавилась другая. Нашъ успѣхъ по фехтованію возбудилъ интересъ среди всѣхъ офицеровъ полка, и они рѣшили устроить намъ состязаніе на эскадронахъ. Въ состязаніи должны были участвовать мы, вновь выпущенные три человекъ (четвертый, Повиковъ, былъ боленъ) и прежде обучавшіеся — всего 6—7 человекъ. Условія состязанія были такіе же, какъ и на смотру, т. е. побѣдителемъ считается тотъ, кто впередъ нанесетъ „чистыхъ“ три удара своему противнику; при томъ, каждый состязующійся долженъ драться со всѣми, т. е. каждый съ 5—6-ю противниками, и призъ долженъ

взять тотъ, кто побѣдетъ всѣхъ своихъ противниковъ. Я, по обыкновенію, былъ въ экстазѣ и легко справился съ своими 5—6-ю противниками, за что получилъ призъ въ видѣ серебряныхъ часовъ съ цѣпочкой и портретомъ Шефа полка, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны; на крышкѣ часовъ выгравирована надпись: „Призъ отъ г.г. офицеровъ Кавалергардскаго Ея Величества полка“.

Часы вручилъ мнѣ Командиръ полка, съ обычными словами благодарности и пожеланіемъ впредь служить такъ же успѣшно.

Послѣ этого я не замедлилъ послать обширное письмо своей матери, чтобы подѣлиться съ нею своей радостью. Я зналъ, что моя радость будетъ ея радостью. И дѣйствительно, я вскорѣ получилъ отъ нея отвѣтъ съ сообщеніемъ, что она такъ рада за меня, что не знаетъ, какъ и Бога благодарить. Я,—писала она,—про себя теперь не думаю; оттого, что тебѣ тамъ хорошо живется—и мнѣ дѣлается легче. Только очень хочется повидаться съ вами (со мной и братомъ), больно соскучилась по васъ. Служи, дорогой сынокъ, съ Божьей помощью, обо мнѣ пока не думай; я, Богъ дастъ, какъ-нибудь проживу. Огородъ убрала, посадила 6 мѣръ картофеля... (Письма писалъ подъ ея диктовку одинъ изъ сосѣдей).

По возвращеніи изъ парка въ свой 2-й эскадронъ, здѣсь я встрѣтилъ новаго командира эскадрона, ротмистра Е. И. Вернова 1-го. Это былъ лихой офицеръ и въ то же время добрѣйшей души человекъ. Его огромные русые усы, одутловатыя щеки, сѣрые глаза на выкатѣ и рѣзкій голосъ—казалось, должны наводить на солдатъ страхъ; на самомъ же дѣлѣ получалось совершенно обратное: отъ его фигуры, несмотря на строгій взглядъ и рѣзкій голосъ, вѣяло какимъ-то добродушіемъ; къ нему что-то насъ тянуло и при встрѣчѣ съ нимъ хотѣлось не спрятаться,—какъ иногда, грѣшнымъ дѣломъ, бываетъ,—а идти къ нему поближе, отчетливѣе вытянуться во фронтъ и отдать честь.

„Па,—моль,—смотри, я весь тутъ и готовый на все, что ты пожелаешь“. Съ своей стороны онъ также, при встрѣчѣ съ нами, чѣмъ-то непонятнымъ давалъ намъ почувствовать, что онъ всѣхъ насъ любитъ и готовъ расцѣловать...

Съ водвореніемъ новаго командира, нельзя было не замѣтить, что духъ среди солдатъ нѣсколько измѣнился, —сталъ болѣе свободнымъ. Взаимоотношенія между унтеръ-офицерами и рядовыми сдѣлались болѣе дружескими и болѣе тѣсными. Даже вахмистръ Михайловъ, произведенный послѣ выхода изъ полка Ермошкина, былъ не такъ деспотиченъ, какъ съ новобранцами. Относительно Михайлова я не знаю, что повліяло на смягченіе его характера: давленіе-ли свыше, или то, что одновременно съ производствомъ въ вахмистры у него въ каморкѣ поселилась молодая женщина, присутствіе которой, можетъ быть, смягчающе дѣйствовало на его деспотическій характеръ.

Такая перемѣна въ эскадронѣ, меня, какъ сторонника взаимной дружбы и любви къ ближнему, —кто бы ни былъ этотъ ближній, начальникъ или подчиненный,—очень радовала. Отъ этой перемѣны чувствовалось, что какъ-будто лучъ солнца проникъ сквозь толстыя казарменные стѣны и весело играетъ на солдатскихъ лицахъ.

Возвращаясь на минуту къ „усатому“ командиру, ротмистру Бернову лично онъ не былъ защитникомъ старыхъ военныхъ традицій, т. е. не былъ формалистомъ, и поэтому, можетъ быть, его такъ скоро полюбили солдаты. Отличительной чертой его было то, что онъ не любилъ сажать подъ арестъ и лично онъ, по крайней мѣрѣ, въ мою бытность, никого не посадилъ. Штрафной журналъ для записи дисциплинарныхъ проступковъ, совершенныхъ нижними чинами, всегда былъ чистъ, —какъ-будто солдаты 2-го эскадрона были идеальные люди. Да и на самомъ дѣлѣ, при немъ въ эскадронѣ все было благополучно и вовсе не замѣчалось серьезныхъ проступковъ, если не считать таковыми недоразумѣнія съ нѣкоторыми солдата-

ми по части выпивки; эти недоразумѣнія, обыкновенно, наказывались домашними средствами, т. е. провинившійся получалъ отъ ротмистра названіе „архаровецъ“,—любимое его бранное слово,—выслушивалъ нравоученіе, и тѣмъ все заканчивалось; ну, иногда въ придачу вахмистръ отъ себя назначить не въ очередь на службу. Словомъ, было какъ-то семейственно, дружно, и въ этомъ можно было видѣть залогъ той устойчивости и сплоченности команды, которая представляетъ изъ себя цѣльную неразрывную массу, готовую идти за своимъ „усатымъ“ командиромъ въ огонь и въ воду.

XXI.

Командировка въ полковую телеграфную станцію.

Съ переѣздомъ въ лагеря (на 2-й годъ моей службы) приказомъ по полку я, вмѣстѣ съ другими двумя нижними чинами, на лагерное время былъ командированъ въ полковую телеграфную станцію, для несенія телеграфной службы.

На телеграфной станціи служба была легкая; насъ было всѣхъ четверо и мы почти бездѣльничали.

Пользуясь свободой, особенно ночнымъ дежурствомъ при аппаратѣ, я принялся за обдумываніе, а затѣмъ за исполненіе проекта устава фехтованія на коняхъ. До 1893 г., въ гвардейскихъ кавалерійскихъ полкахъ фехтованіе на коняхъ не было введено. Исходи изъ того мнѣнія, что кавалеристу приходится имѣть дѣло съ неприятелемъ преимущественно на коняхъ,—и всѣ приемы фехтованія должны быть приноровлены къ верховой ѣздѣ. Тѣ приемы фехтованія, которые преподавались намъ въ пѣшемъ строѣ и лицами, не знакомыми съ техникой верховой ѣзды—были

не совѣмъ подходящи для всадника. Для кавалериста, сидящаго верхомъ на лошади, приемы владѣнія холоднымъ оружіемъ усложняются: кромѣ умѣнія ловко наносить удары и защищаться, онъ долженъ въ то же время управлять лошадью и управлять ею такъ, чтобы она всегда становилась въ нужное положеніе; поэтому всаднику приходится одновременно изощрять свою ловкость во владѣніи оружіемъ и въ управленіи лошадью,—чего можно достигнуть только практикой, т. е. изученіемъ фехтованія, кромѣ пѣшаго строя, и на коняхъ.

Все приемы, которые должны быть помѣщены въ проектѣ устава фехтованія на коняхъ, я взялъ изъ пѣшаго строя и, примѣняясь къ верховой ѣздѣ, измѣнилъ ихъ; ввелъ нѣкоторые новые приемы. Все руководство состояло изъ командованія и объясненія приемовъ, положенія тѣла и движеній. Для наглядности помѣстилъ собственноручные рисунки фигуръ всадниковъ и чертежи.

По составленіи проекта устава, занявшаго у меня время до половины лѣта,—я написалъ въ видѣ предисловія небольшую статью съ объясненіемъ необходимости введенія обученія фехтованію кавалеріи на коняхъ и все это передалъ завѣдующему полковой канцеляріей, къ которой причислена и телеграфная станція,—штабсъ-ротмистру графу Менгдену.

Гр. Менгденъ одобрилъ мой проектъ устава и обѣщаль дать ему ходъ. Обѣщаніе онъ выполнилъ тѣмъ, что передалъ проектъ командиру полка, а тотъ—начальнику дивизіи генераль-лейтенанту Струкову. До зимы про него не было слышно.

Въ полковой телеграфной станціи я находился до перехода въ учебную команду, т. е. до 1-го октября. Приказомъ по полку я былъ откомандированъ обратно въ эскадронъ и затѣмъ, приказомъ же по полку, по представленію командира 2-го эскадрона, вмѣстѣ съ другими,—всего 8 человекъ отъ эскадрона, назначенъ въ учебную команду,—

куда мы скоро и перебрались съ своими пожитками, матрацами и разной солдатской рухлядью.

XXII.

Учебная команда.

Наконецъ, въ числѣ прочихъ 32 человекъ отъ полка (по 8 человекъ отъ каждаго эскадрона), и я поступилъ въ учебную команду,—эту солдатскую *Alma mater*. Сколько было мечтаній о ней... Съ какою завистью я смотрѣлъ на это еѣрое, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ казармъ, зданіе... на его большія окна, за которыми находилась такая „благодать“ и побывавшіе тамъ солдатки столько набирались разной премудрости, что имъ потомъ была открыта дорога по службѣ...

Перебравшись въ зданіе учебной команды, въ верхнемъ этажѣ мы нашли два зала съ голыми выбѣленными стѣнами и заставленными въ нѣсколько рядовъ солдатскими койками, которыя скоро заполнились вздутыми соломенными матрацами и покрылись красными байковыми одѣялами. На средней стѣнѣ въ кіотѣ помѣщался образъ, передъ которымъ послѣ переклички солдаты пѣли молитвы; здѣсь собравшимся со всѣхъ эскадроновъ приходилось спѣваться и изъ разныхъ напѣвовъ устанавливать свой напѣвъ. Этотъ напѣвъ въ командѣ установился какъ-то самъ собою и походилъ скорѣе на громкій крикъ, чѣмъ на пѣніе...

Третій залъ изображалъ собою школу (аудиторию); въ немъ помѣщались черные столы со скамейками; такая же черная блестящая доска въ углу; шкафъ съ учебными принадлежностями, а на шкафѣ ящикъ съ лошадиными копытами разныхъ формъ и величинъ; по стѣнамъ висѣло нѣсколько фотографій въ рамкахъ съ группами прежнихъ

учебныхъ командъ, да картинъ, показывающихъ примѣры для подавiя первой помощи утопленникамъ, обгорѣвшимъ-раненымъ и проч. Столовая и принадлежности для гимна, стики помѣщались внизу.

Вотъ и все, чѣмъ мы должны вдохновляться отъ созерцанiя окружающаго.

Упомяну тецерь о нашихъ завѣдующихъ и обучающихъ.

Завѣдующимъ учебной командой былъ назначень штабсъ-ротмистръ Серебряковъ, богатый офицеръ. Какъ только мы узнали, кто будетъ нашимъ завѣдующимъ, мы сейчасъ же подвергли его солдатской критикѣ; пошли догадки, предположенiя: каковъ онъ будетъ? хорошо ли знаетъ строевую службу?—Многимъ изъ насъ вообразилось, что, будучи богатымъ офицеромъ, онъ едва-ли будетъ охотно заниматься сухими учебниками. Но, когда начались занятiя, мы были прiятно разочарованы. Нашъ завѣдующий, этотъ интеллигентный и красивый офицеръ, при преподаванii обнаружилъ полное и всестороннее знанiе военной службы,—конечно, въ нашемъ, солдатскомъ пониманii,—а солдатъ понимаетъ больше того, чѣмъ о немъ думаютъ; нѣкоторые изъ нихъ, ловкiе строевики, воображаютъ даже, что они строевую службу знаютъ тверже, чѣмъ нѣкоторые офицеры; не знаю, на какой почвѣ родилось это воображенiе, но тѣмъ не менѣе они могутъ быть критиками, хотя и не гласными. Кромѣ знанiя службы, штабсъ-ротмистръ Серебряковъ обладалъ особою педагогическою способностью, умѣниемъ ясно объяснить и заинтересовать слушателя. Говорилъ онъ просто, удобопонятно, точно клалъ въ голову, откуда преподанное имъ уже не улетучивалось... Очень удобна была для насъ, слушателей, его особая манера преподаванiя, которая заключалась въ томъ, что каждый предметъ онъ объяснялъ примѣромъ и подробно растолковывалъ, почему тотъ или иной приѣмъ дѣлается такъ, а не иначе, т. е. въ преподаванii допускалъ разсужденiе, далеко переходящее за программу учеб-

ника, — что такъ благотворно дѣйствуетъ на слушателей въ смыслѣ усвоенія.

Объясняя, напримѣръ, правила верховой ѣзды (въ его вѣдѣніи находилось преподаваніе верховой ѣзды и строевого устава, но независимо отъ этого онъ наблюдалъ и за другими предметами, преподававшимися его помощниками), онъ говоритъ: чтобы прочнѣе и устойчивѣе сидѣть въ сѣдлѣ, нужно имѣть больше точекъ соприкосновенія съ сѣдломъ, а это достигается только оттягиваніемъ подборовъ внизъ и привертываніемъ носковъ къ лошади; объясняя подробно о точкахъ соприкосновенія, онъ попутно рассказываетъ намъ теорію о треніи; послѣ этого намъ стало понятно, что повертываніе носковъ и прочія правила относительно положенія тѣла — не есть пустая прихоть ради красивой посадки, а все это необходимо для того, чтобы не трепаться въ сѣдлѣ и не отбивать себѣ грудь, а лошади спину.

О мягкости кисти руки при управленіи лошадыю, особенно мундштукомъ, онъ объясняетъ, что это необходимо потому, что устройство мундштука таково: если его сильно потянуть или дернуть, то онъ причиняетъ лошади сильную боль; эта боль отзывается на спину и на ноги, — такъ что грубымъ управленіемъ можно испортить лошадь. Свое объясненіе онъ дополняетъ чертежемъ, нарисовавъ вагу, которая по теоріи напоминаетъ мундштучныя удила, и особой мимикой вызывать въ нашемъ воображеніи тѣ страданія, которыя должна испытывать лошадь въ случаѣ дерганія за мундштучныя поводья. Послѣ этихъ объясненій, намъ стало страшно за нашихъ лошадей; мундштучныя поводья намъ казались хрустальными, требующими очень осторожнаго обращенія и, взявъ ихъ во время ѣзды въ руки, мы чувствовали, какъ наши нервы сливаются съ нервами лошади; при нечаянномъ сильномъ натяженіи поводьевъ ощущалась воображаемая боль гдѣ-то внутри и въ полсницѣ,

т. е. тамъ, гдѣ эту боль чувствуетъ лошадь,—таково было значеніе внушительнаго и разсудительнаго объясненія.

Само собою разумѣется, что мы всѣ сейчасъ же полюбили нашего начальника-учителя. Онъ также насъ любилъ; это было видно изъ того, что кромѣ отеческаго попеченія и ласки ничего мы отъ него не видѣли. Кормилъ онъ насъ на-славу: находясь въ учебной командѣ, мы чувствовали себя точно въ гостяхъ на праздникѣ, не смотря на обиліе занятій, обыкновенно происходившихъ тамъ.

Для иллюстраціи добраго и отеческаго отношенія къ намъ завѣдующаго, считаю нужнымъ упомянуть о слѣдующемъ случаѣ.

Какъ-то, вскорѣ послѣ начала занятій, одинъ изъ нижнихъ чиновъ учебной команды (Сботовъ, 4-го эскадрона), заболѣлъ воспаленіемъ почекъ; въ виду серьезности этой болѣзни, его немедленно отравили въ военный госпиталь. Завѣдующій учебной командой штабсъ-ротмистръ Серебряковъ принялъ въ немъ горячее участіе, благодаря чему Сботовъ скоро вернулся въ строй. Участіе это заключалось въ томъ, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ больному солдату въ госпиталь, давалъ ему денегъ на улучшение пищи и обставилъ его лучшимъ уходомъ. Выздоровѣвшій Сботовъ потомъ съ умиленіемъ и со слезами на глазахъ (онъ былъ чувствительный солдатъ) вспоминалъ о попеченіи о немъ завѣдующаго и называлъ его своимъ спасителемъ.

Доброе отношеніе къ намъ завѣдующаго передавалось и его помощникамъ—двумъ офицерамъ и двумъ унтеръ-офицерамъ. Всѣ они отличались доступностью, а унтеръ-офицеры, кромѣ того, и дружелюбіемъ, и слѣдуетъ замѣтить, что отъ этого дисциплина нисколько не страдала, но зато самосознаніе и развитіе въ солдатахъ много выиграло.

Одинъ изъ офицеровъ—помощниковъ, корнетъ Чертковъ, тихій и образованный офицеръ, занимался съ нами по русскому языку и по изученію воинскихъ уставовъ.

Другой—корнетъ Толстой, молодой, только что выпущенный изъ Пажескаго корпуса, тонкій и ловкій гимнастъ, обучалъ насъ вольтижировкѣ и завѣдывалъ гимнастикой. Самъ онъ продѣлывалъ вольтижировку какъ настоящій артистъ, а по дѣстницѣ лазилъ, какъ бѣлка. Во время уроковъ вольтижировки, между свободными солдатами устраивалась игра въ чехарду. Вообще, во время уроковъ корнета Толстого, среди солдатъ было смѣхъ и веселье; здѣсь было мѣсто только для проявленія смѣлости, ловкости и удали. При продѣлываніи самыхъ ловкихъ и головоломныхъ гимнастическихъ упражненій, какъ на примѣръ прыганіе и кувырканіе на „козла“ и „кобылу“, между нами было соревнованіе, и начальство дѣлало намъ замѣчанія не для поощренія къ исполненію тѣхъ или другихъ приемовъ, а для того, чтобы мы поберегли себя и не рисковали сломать себѣ шею.

Состязаній при учебной командѣ унтеръ-офицеръ Помогаевъ, съ своимъ помощникомъ унтеръ-офицеромъ Малышевымъ—занимался съ нами ружейными приёмами и маршировкой. Унтеръ-офицеръ Помогаевъ былъ хорошій человекъ, способный солдатъ и отличный математикъ. Во внѣурочное время и по праздникамъ онъ любилъ рѣшать съ нами самую головоломную ариѳметическія задачи. Благодаря ему многіе изъ насъ укрѣпились или даже выучились ариѳметикѣ свыше программы.

Обязанности инструктора по фехтованію лежали на мнѣ.

Кромѣ нашихъ постоянныхъ командировъ-учителей, съ нами еще занимались приходящіе учителя: докторъ, ветеринарный врачъ и священникъ.

Докторъ Блейшъ преподавалъ намъ медицину, которая заключалась въ краткомъ ознакомленіи со строеніемъ и анатоміей человека, распознаваніи и предупрежденіи нѣкоторыхъ болѣзней, санитарной части и ученіи о качествахъ пищевыхъ продуктовъ.

Особенность преподаванія доктора была та, что онъ всю зиму не говорилъ, а больше читалъ намъ по книжкѣ свои уроки и ни разу не провѣрилъ, какъ мы ихъ усвоили. Но на экзаменѣ выяснилось, что все, что пужно знать унтеръ-офицерамъ, мы усвоили хорошо.

Ветеринарный врачъ изъ курляндскихъ вѣмцевъ, Н-тъ, котораго все звали Иванъ Ивановичъ (конечно за-глаза)—преподавалъ намъ ветеринарію, главнымъ образомъ объ уходѣ за лошадыю. Въ преподаваніи онъ отличался оригинальностью. Двѣ трети курса онъ объяснялъ намъ строеніе копыта, его болѣзни и распознаваніе и одну треть—о прочихъ предметахъ и повторялъ пройденное. Онъ находилъ, что у лошади самое главное—копыто; съ большимъ копытомъ самая лучшая лошадь никуда не годится. Поэтому онъ обращать особенное наше вниманіе на сбереженіе у лошади копыта, а остальное для насъ мало значить.

Каждый разъ, какъ только онъ явился въ классъ, сейчасъ же на столъ ставился ящикъ съ копытами разныхъ формъ, лодыжками и прочими частями нижнихъ конечностей лошадиныхъ ногъ. Взявъ въ руки копыто и прислонившись къ краю стола (на стулъ онъ никогда не садился и никакихъ учебниковъ съ собою не приносилъ), тотчасъ же начиналъ объяснять его строеніе, назначеніе и болѣзни; затѣмъ, почти всегда, съ объясненія копыта онъ, увлекаясь, незамѣтно переходилъ на другой предметъ, иногда на обще-медицинскій. Когда онъ увлекался разговоромъ,—а увлекался почти всегда,—то начиналъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ и уже съ обще-медицинскаго предмета, отъ толкованія о всевозможныхъ микробахъ, микрококахъ и просто кокахъ—переходилъ къ отвлеченнымъ предметамъ, къ философіи, и въ концѣ-концовъ заявлялъ, что онъ вѣрить только въ то, что видитъ, а чего не видитъ, тому не вѣрить,—ибо наука теперь освѣтила все, что есть въ природѣ.

Конечно, его философію не все могли понимать, но говорилъ онъ увлекательно и потому слушали его все съ

большимъ напряженіемъ и интересомъ. Иногда онъ философствовалъ весь свой урокъ—1½ часа; иногда же, среди ораторствованія, онъ вдругъ останавливался, пристально смотрѣлъ на какого-нибудь солдата, имѣющаго глуповатый видъ, и спрашивалъ:

— Что, Игнатенко, ничего не понимаешь? Не забирается „сюда“?—говорилъ онъ, повертѣвъ рукою вокругъ своего лба.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — признавался тотъ.

— Я знаю.

Но всетаки ораторствовать продолжалъ.

Иногда съ объясненія копыта незамѣтно переходилъ на тему о вредѣ обычая, особенно среди народа, — цѣловаться, хотя бы съ женами (самъ онъ тогда не былъ женатъ). Онъ подробно объяснялъ, какія отъ этого цѣлованія могутъ произойти послѣдствія.

Но, толкуя о вредѣ цѣлованія, онъ сейчасъ же съ улыбкой замѣчалъ:

— Впрочемъ мои толкованія объ этомъ вы забудете сейчасъ же, при первомъ отпускѣ со двора; встрѣтится какая-нибудь знакомая кухарка и, конечно, все нипочемъ. Вѣдь такъ Игнатенко?—обращался онъ къ тому же глуповатому на видъ хохлу.

— Такъ точно, ваше выс..., — соглашался Игнатенко.

Въ классѣ слышался сдержанный смѣхъ.

Прогремѣвній въ то время нѣмецкій профессоръ Кохъ съ своими коховскими бациллами, благодаря объясненіямъ Ивана Ивановича, намъ былъ извѣстенъ хорошо.

Вообще, онъ сообщалъ намъ все новости, появлявшіяся тогда въ медицинѣ.

Намъ всегда было интересно его слушать. Намъ льстило еще и то, что онъ говорилъ съ нами, какъ съ „большими“, т. е. какъ съ подготовленными людьми, точно со студентами. Правда, многіе его толкованій не переваривали, но

были изъ насъ и такіе, которые хорошо усваивали все, что онъ толковалъ, и ихъ умственный багажъ отъ этого, несомнѣнно, увеличился.

Однажды, — кажется въ декабрѣ, — къ намъ въ учебную команду прибылъ командиръ полка генераль-маіоръ Гринвальдъ. После разспроса о ходѣ дѣла у завѣдующаго, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что мое руководство по фехтованію онъ передалъ начальнику дивизіи генералу Струкову и что генераль Струковъ остался имъ доволенъ и обѣщалъ примѣнить его къ дѣлу, а меня приказалъ благодарить.

И дѣйствительно, въ ту зиму (18⁹²/₉₃ г.), въ первый разъ была сформирована отъ полка особая команда изъ нижнихъ чиновъ, для изученія фехтованія на коняхъ (командировку въ царкъ отмѣнили). Вскорѣ послѣ посѣщенія нашей командны командиромъ полка, я былъ приглашенъ на квартиру къ завѣдующему фехтовальной командой штабсъ-ротмистру К...ву (сынъ известнаго редактора газеты), которому было поручено приготовить руководство къ печати. Придя на квартиру, я засталъ штабсъ-ротмистра въ халатѣ, за письменнымъ столомъ; передъ нимъ, среди множества разныхъ бездѣлушекъ, лежали двѣ мои тетради-руководства: одна, переданная мною черезъ учителя фехтованія Байкова уланскому офицеру, написанная мною въ телеграфномъ царкѣ, а другая — черезъ командира полка переданная начальнику дивизіи. Штабсъ-ротмистръ К...въ составлялъ по нимъ на особой тетради руководство для печати. Онъ меня приглашалъ за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ выяснить относительно нѣкоторыхъ приемовъ — какъ лучше ихъ исполнить, и здѣсь же, у него въ квартирѣ, его полагалъ я дѣлалъ приемы, долженствовавшіе исполняться на лошади, и признанный нами годнымъ къ примѣненію приемъ тотчасъ же подробно записывался въ тетрадку. Оба мои руководства, какъ и прежде, такъ и конное, соединили въ одно, съ раздѣленіемъ на двѣ части. Рисунки сохра-

нили характеръ моихъ рисунковъ; что касается текста, то въ общемъ онъ сохранилъ тотъ же видъ, какъ и въ моихъ тетрадкахъ, но слогъ исправленъ и нѣкоторыя командныя слова, названныя мною по-русски, были замѣнены французскими, по образцу французскихъ руководствъ.

Черезъ нѣкоторое время руководство вышло изъ печати за подписью штабсъ-ротмистра К...ва. Это руководство потомъ раздавали въѣмъ нижнимъ чинамъ, обучавшимся въ фехтовальной командѣ.

Каждый праздникъ, по вечерамъ, учебная команда обязательно посѣщала въ полковомъ манежѣ чтенія съ туманными картинами. Чтенія по обыкновенію были разнообразнаго содержанія; между прочимъ, однажды былъ прочитанъ ротмистромъ, Дашковымъ очеркъ изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г.г. полковника Вонлярзирскаго, бывшаго офицера Кавалергардскаго полка. Въ очеркѣ рассказывалось о томъ, какъ авторъ его, полковникъ (во время войны штабсъ-ротмистръ) Вонлярзирскій исполнилъ порученіе по передачѣ извѣстій отъ Главнокомандующаго арміей, Великаго Кнзя Николая Николаевича Старшаго, къ генералу Гурко. Порученіе это было исполнено блестяще. Главнымъ интересомъ и поучительностью въ этомъ очеркѣ было то, что, исполняя порученіе, полковникъ Вонлярзирскій, съ двумя провожатыми казаками и съ своимъ неразлучнымъ деньщикомъ—могъ быстро, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, проскакать въ неприятельской странѣ болѣе ста верстъ, безъ всякихъ несчастныхъ случаевъ и при полномъ сохраненіи силъ лошадей и людей. Кромѣ спеціальныхъ сообщеній, очеркъ имѣлъ и художественный интересъ. Авторъ яркими красками описываетъ природу на Балканскихъ горахъ, чудную болгарскую ночь, въ которую ему пришлось ѣхать съ порученіемъ, встрѣчу съ мародерами.... Все это было занимательно и вѣзъывалось въ памяти.

По обыкновенію, нѣсколькимъ ученикамъ, преимущественно развѣдчикамъ, поручено было записать это чте-

ніе,—кто какъ запомнитъ. Изъ учебной команды записывать поручено было, между прочими, и мнѣ. Такъ какъ это чтеніе, особенно художественное описаніе, запомнилось мнѣ хорошо (названіе нѣкоторыхъ городовъ и перепуталь), то я написалъ легко и много.

Мою запись этого разсказа пожелалъ выслушать заѣзжающій учебной командой штабсъ-ротмистръ Серебряковъ; она ему понравилась, и онъ съ рекомендательнымъ письмомъ послалъ меня съ этой запиской къ автору воспоминаній, полковнику Вонлярлярскому, жившему на Фонтанкѣ.

Полковникъ Вонлярлярскій, принявъ меня въ своемъ кабинетѣ, взялъ у меня записку и прочиталъ ее отъ начала до конца; онъ остался очень доволенъ и удивлялся моей памяти относительно художественныхъ подробностей. Въ знакъ своего благоволенія, онъ подарилъ мнѣ золотой и пригласилъ съ собою обѣдать. Конечно, я былъ весьма польщенъ такимъ вниманіемъ полковника, и оно было мнѣ дороже всякой вещественной награды.

Этотъ очеркъ изъ воспоминаній ординарца возбудилъ въ полку интересъ и авторомъ его былъ изданъ отдѣльной брошюрой, которая затѣмъ раздавалась на руки всѣмъ нижнимъ чинамъ полка.

Въ апрѣлѣ (1893 г.) учебной командѣ былъ экзаменъ. Успѣхи нижнихъ чиновъ опредѣляются по балламъ; при этомъ самымъ главнымъ предметомъ считалась ѣзда. Моя непредставительность и несоотвѣтствіе моей фигуры съ огромной лошадейю сказались и здѣсь: за ѣзду полного балла я не получилъ. Качество моей ѣзды опредѣлилось среднимъ выводомъ балла въ $4\frac{3}{4}$ (полный баллъ—5). По всѣмъ остальнымъ предметамъ я получилъ полный баллъ, а по русскому языку и Закону Божию—5+.

На совѣщаніи комиссін я былъ признанъ окончившимъ учебную команду успѣшно и въ числѣ прочихъ четырехъ избраниковъ былъ награжденъ серебряными ча-

сами съ иѣпочкой, съ надписью на крышкѣ вокругъ выгравированнаго всадника: „За успѣшное окончаніе курса учебной команды 1893 г.“.

XXIII.

Вторичная командировка на телеграфную станцію и поѣздка на родину.

Окончивъ учебную команду и набравшись тамъ „благодати“, мы уже въ качествѣ вице-унтеръ-офицеровъ возвратились въ свои эскадроны (лично я, послѣ телеграфнаго парка, къ своимъ знаніямъ прибавилъ только то, что болѣе усовершенствовался въ верховой ѣздѣ, да кое-что усвоилъ изъ строевого устава). Затѣмъ вскорѣ полкъ переѣхалъ въ лагери.

На время лагернаго сбора я опять былъ командированъ въ полковую телеграфную станцію. Моя командировка на станцію для несенія телеграфной службы, какъ окончившаго учебную команду и, слѣдовательно, приготовленнаго къ строевой службѣ, казалась не подходящей; но—на то воля начальства.

Чтобы использовать свободное время, котораго, по обыкновенію, на телеграфной станціи бываетъ много—я вздумалъ писать бесѣды съ нижними чинами на тему: какъ нужно служить, чтобы быть хорошимъ солдатомъ. Тема трудная, и чтобы мои бесѣды соответствовали тому, къ чему предназначаются, необходимо было продумать и прочувствовать каждый описываемый случай изъ солдатской жизни, и для этого требовалось уединеніе. Писалъ я, обыкновенно, ночью—во время дежурства у аппарата, а днемъ—на берегу рѣки Лиговки у конны сѣна или ржи, — это были лучшія мѣста для сосредоточенія и размышленія.

Иногда, среди размышлений о военной службѣ вообще, мнѣ приходила въ голову мысль о собственной службѣ—въ частности. Послѣ того, что уже получили отъ службы, я находилъ себя нравственно удовлетвореннымъ. Отчасти мои желанія, въ отношеніи полезности службы, сбылись; отчасти—ожидались сбыться, и въ будущемъ рисовалось лучшее существованіе. Увѣренность въ своихъ силахъ росла все болѣе и болѣе, и это наполнило жизнь радостью и порождало еще большую жажду дѣятельности. Прошлая жизнь своимъ тяжелымъ воспоминаніемъ уже не давила; казалось, она сама попорана навсегда...

Конечно, свои успѣхи по службѣ и радужное настроеніе я по обыкновенію снѣгшиль описывать матери. Она въ свою очередь писала мнѣ, что радуется моимъ успѣхамъ и что я тѣмъ ее утѣшаю, и только этими утѣшеніями она живетъ, иначе совсѣмъ бы зачахла.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ она выражала особенно страстное желаніе меня видѣть и этою весною уже собиралась-было итти иѣшкомъ въ Петербургъ и не пошла только потому, что одна сосѣдка—богомолка, съ которой она собиралась итти—отдумала и осталась дома; ѣхать же по желѣзной дорогѣ—не было денегъ.

И съ своей стороны, въ послѣднее время, также сильно затосковалъ по матери; у меня также явилось сильное желаніе ее видѣть. Въ послѣдній разъ, какъ извѣстно, я ее видѣлъ при прощаніи лежащую ничкомъ въ снѣгу; въ такомъ видѣ она часто мнѣ представлялась въ воображеніи; и вотъ, чтобы это тяжелое воображеніе уничтожить, мнѣ необходимо было повидать ее въ другой обстановкѣ, въ другомъ настроеніи, а именно—въ радостномъ, какое бываетъ только при встрѣчѣ послѣ продолжительной разлуки.

И, какъ могъ, облегчалъ ея существованіе и кромѣ утѣшительныхъ писемъ посылалъ ей кое-когда сбереженныхъ мною деньжонокъ. Послѣдній разъ я послалъ ей

2 руб. 5 июля, къ ея именинамъ 11 июля (ея имя Евфимія), но неумолимой судьбѣ угодно было сдѣлать такъ, что она этихъ денегъ не получила...

Бесѣды мои понемножку двигались впередъ, и я дошелъ уже до водки, т. е. до той бесѣды, въ которой я писалъ о вредѣ злоупотребленія водкою. Однажды,—это было въ срединѣ июля,—прохаживаясь по берегу рѣки Лиговки, сзади полкового штаба, по обыкновенію съ тетрадкою и карандашомъ въ рукѣ, я придумывалъ лучший способъ воздержанія отъ водки, чтобы занести его въ бесѣду,—но на этотъ разъ придумывалось плохо, и въ голову, вмѣсто водки и „бесѣды“, лѣзли совсѣмъ другія мысли и помимо моей воли онѣ витали на родинѣ, около матери. И вполнѣ отдался мечтамъ, которые такъ красиво рисовали мнѣ планъ будущей жизни... Я думалъ о томъ, какъ мы устроимся съ матерью; какъ составляю ей покой, котораго она не видала въ послѣдніе двадцать лѣтъ (ей было 58 лѣтъ), и, наконецъ, насладившись пріятными мечтами и не написавъ ни одной строчки о вредѣ водки, при полномъ внутреннемъ довольствѣ—я вернулся къ себѣ въ помещеніе станціи. Но здѣсь я получилъ неожиданное печальное извѣстіе. Мнѣ передали письмо отъ брата изъ Петербурга. Разорвавъ конвертъ, я прочиталъ слѣдующее:

„Дорогой братецъ, сообщаю тебѣ глубокую печаль: наша дорогая матушка умерла, я получилъ телеграмму“...

И остолбенѣлъ. Это письмо поразило меня какъ громомъ. Волосы на головѣ шевелились, а руки и ноги отказывались служить. Затѣмъ наступило полное душевное равнодушіе ко всему, и гдѣ-то тамъ, внутри, заговорило: „Но зачѣмъ же все это? т. е. зачѣмъ стремленіе, для кого и для чего оно? Гдѣ цѣль?“...

Наконецъ въ сердцѣ проснулась страшная жажда,—жажда,—которую мнѣ никогда еще не приходилось испытывать: у меня будто-бы отняли самое дорогое, самое необходимое въ жизни...

Опомнившись, я рѣшилъ ѣхать на родину сейчасъ-же; ѣхать, хотя увидѣть ее въ гробу. Хотя такое рѣшеніе, какъ поѣздка въ отпускъ во время лагернаго сбора и при томъ такъ быстро, для нижняго чина казалось неисполнимымъ, но, благодаря содѣйствию полкового адъютанта графа Менгдена, снабдившаго меня документами, на другой день утромъ, получивъ отпускъ на двѣ недѣли и 15 р. денегъ на дорогу отъ ротмистра Бернова 1-го, я отправился на родину, гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ...

За отсутствіемъ извозчиковъ, по случаю страдной поры, верстъ двадцать мнѣ пришлось идти пѣшкомъ. Была сильная жара. Воздухъ точно замеръ. Грачи и вороны лѣниво перелетали съ мѣста на мѣсто и тяжело падали на землю, предварительно вытянувъ ноги; воробьи стаями купались въ пыли. Кудрявыя березы, въ два ряда разсаженные по обѣимъ сторонамъ большой дороги, давали порядочно тѣни и облегчали путь пѣшеходу. По обѣимъ сторонамъ дороги, между толстыхъ стволовъ березъ, на большое разстояніе раскинулись желтѣющія поля,—на нихъ кое-гдѣ цестрѣли въ разныхъ позахъ фигуры людей, убирающихъ хлѣбъ. Вдали темнѣли перелѣски, а между ними, въ синевѣ, тамъ и сямъ, выглядывали сельскія церкви, на золотыхъ крестахъ которыхъ играли яркіе лучи солнца. Въ общемъ картина чудная; при созерцаніи ея, невольно отскакивали всякія житейскія невзгоды. Хотѣлось дышать просторомъ этихъ полей. Хотѣлось жить беззаботно, безпечно, какъ живутъ вотъ тѣ птицы, лѣниво перелетающія съ одного поля на другое. Къ чему страданіе? Къ чему смерть? И мнѣ ужасно не хотѣлось вѣрить тому, что случилось дома, и не хотѣлось думать объ этомъ. Развѣ можно думать о смерти тогда, когда въ природѣ все ликуетъ и радуется?...

Когда я подходилъ къ мѣсту своей родины (Рощенской слободѣ), картина стала еще очаровательнѣе: направо, по высокому берегу рѣки Протвы, панорамой рас-

кинулся городъ Боровскъ, съ своими девятью церквами; налѣво темнѣлъ величественный сосновый монастырскій садъ, между деревьями котораго бѣлѣлся Пафнутаевскій монастырь съ высокими башнями и высокою оградой-крѣпостью; прямо, на возвышенности, наша сельская церковь во имя Иоанна Богослова, вокругъ церкви за оградой расположено кладбище.

Я рѣшилъ зайти на кладбище и удостовѣриться: правда-ли все это, что случилось дома; но шутка-ли чья была?

Съ нѣкоторымъ страхомъ войдя въ калитку ограды, я пошелъ по дорожкѣ къ тому мѣсту кладбища, въ юго-восточной сторонѣ, недалеко отъ ограды,—гдѣ похороненъ мой отецъ и гдѣ, конечно, должна быть могила матери. Идя, я не старался скорѣе искать глазами то мѣсто, а напротивъ, чтобы оттянуть моментъ, когда я долженъ узнать правду,—разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ, на церковь, на крестъ которой неподвижно сидѣли двѣ галки и о чемъ-то сосредоточенно думали... Наконецъ, не доходя шаговъ 20 до мѣста, гдѣ должна быть могила, я сразу бросилъ взглядъ туда, и моимъ глазамъ представился свѣжій холмъ могилы. Я дрогнулъ... Значить правда... Все кончено! и я даже не засталъ ее въ гробу, какъ думалъ,—какая жалость!

Медленно подошелъ я къ могилѣ, подъ землей которой, нѣтъ сомнѣнй, лежалъ тотъ, кому я стремился облегчить жизнь, успокоить на склонѣ лѣтъ и дать отдохнуть отъ многотрудной и печальной жизни. И вотъ мечты... Она не дождалась моего покоя и успокоилась сама, въ землѣ, рядомъ съ мужемъ—моимъ отцомъ, который похороненъ восемь лѣтъ ранѣе, также всю жизнь мучившійся въ безысходной нуждѣ и умершій буквально отъ истощенія, совершенно обезсилѣвъ въ борьбѣ за существованіе.

Горько было у меня на душѣ...

Передо мной, у этой овѣжей могилы, пронеслась жизнь моей матери, этой, можно сказать, не совсѣмъ обыкновенной женщины. По рассказамъ ея самой, а также знавшихъ ее лицъ, въ молодости она была красавицей и дородной. Чтобы судить о ея красотѣ въ молодости, она сравнивала себя съ одной молодой женщиной нашей слободы изъ богатой семьи, которая отличалась дородностью и была, поистинѣ, полногрудая, дебелая красавица. Вотъ, — говорила она, — я была такая же, только у меня на щекахъ былъ румянецъ червячкомъ, чего у нея нѣтъ.

Я былъ седьмымъ ребенкомъ и когда выросъ, то засталъ ее отцвѣтшею, но не потерявшею еще красоты умныхъ голубыхъ глазъ и густыхъ каштановыхъ волосъ. Въ ея лицѣ, уже худомъ и изможденномъ, было что-то интеллигентное, въ душѣ она была также интеллигентна, хотя и родилась въ крестьянской семьѣ, и поэтому, вѣроятно, не смотря на бѣдность, всѣ односельчане называли ее всегда полнымъ именемъ — „Афимья Васильевна“. На что въ деревнѣ могутъ претендовать только люди богатые, у которыхъ принято заискивать. Она была неграмотная, но очень краснорѣчива и замѣчательная рассказчица. При всемъ томъ имѣла самостоятельный характеръ. Будучи еще очень молодою дѣвушкой (она вышла замужъ за моего отца 19 лѣтъ), за свою красоту и умъ имѣла много претендентовъ на свою руку изъ купеческаго сословія, впоследствии сдѣлавшихся самостоятельными богатыми купцами; а одинъ изъ нихъ, нѣкто Ежиковъ, сдѣлался довольно крупнымъ фабрикантомъ въ с. Высоковѣ (родинѣ моей матери). По этихъ претендентовъ она отвергла потому, что нѣкоторые изъ нихъ были старообрядцы, — а она не хотѣла измѣнить православію, — нѣкоторые же были молоды (безъ бороды) и не умѣли серьезно говорить. За моего отца она вышла не по любви; увлеченію, вообще, она еще не знала, — а потому, что онъ, будучи 25-ти лѣтъ, имѣлъ красивую, окладистую бороду и умѣлъ

серьезно говорить и, кромѣ того, къ удовольствію ея родителей, подарилъ ей на свадьбу 5 золотыхъ и жемчужный кокошникъ.

Отецъ, наоборотъ, говорилъ, что женился по любви, и если-бы ему не удалось на ней жениться, то онъ ушелъ-бы въ монастырь.

Свою твердость характера относительно поддержанія православной вѣры она выдержала до конца жизни. Какъ извѣстно, городъ Боровскъ и его окрестности населены, большею частію, старообрядцами, и со стороны своей матери—моей бабушки—она имѣла много богатыхъ родственниковъ старовѣровъ. Самые богатые въ то время боровскіе купцы Меренковы и Глухаревы были ея двоюродными братьями; но, будучи старообрядцами, они, конечно, не хотѣли признавать своихъ православныхъ родственниковъ. Когда же моя мать, подъ старость, будучи вдовой, впаала въ безысходную нужду, они предлагали ей перейти въ ихъ вѣру, за что обѣщали принять въ ней участіе и устроить ей жизнь получше; но она отвергнула ихъ предложеніе, говоря: лучше умру съ голоду, но вѣры не перемѣню,—хотя сама крестилась и читала нѣкоторыя молитвы по старообрядчески, какъ учили ее въ дѣтствѣ. И она до самаго конца сдержала свое слово, оставаясь вѣрной православію и умерла, можетъ быть, отъ голода (причина ея смерти мнѣ была еще неизвѣстна).

Миръ тебѣ, незамѣтной страдальницѣ, но сильной духомъ и умомъ! Да будетъ тебѣ легокъ этотъ песчаный холмъ!...

Покинувъ кладбище, я продолжалъ путь къ дому, который находится въ полуверстѣ отъ кладбища и около монастыря.

Домъ, въ которомъ жила мать, имѣлъ тотъ же убогій, недостроенный видъ, какъ и 2½ года тому назадъ: заборникъ кругомъ дома, обозначавшій дворъ, который я сдѣлалъ собственноручно, былъ уничтоженъ,—его разобрали

на дрова. Внутри же—полъ накренился на одну сторону и печь, наскоро сложенная также мною собственноручно, послѣ пожара, прямо на полу, безъ фундамента—грозила паденіемъ; голыя бревенчатыя стѣны почернѣли отъ сырости; все казалось ветхо, убого и пусто.

Здѣсь я узналъ причину смерти моей матери. Смерть ея оказалась трагической, ужасной: она—сгорѣла. Случилось это такимъ образомъ: 13-го іюля 1893 года, въ самый разгаръ сѣнокоса, когда взрослые всѣ были на лугу, мать оставалась дома одна съ малолѣтними дѣтьми старшаго брата (семья брата жила съ нею); она вздумала поставить самоваръ. Но такъ какъ лѣтомъ печку топятъ рѣдко, и углей не было, то она развела его щепками,—что очень часто практиковалось. Щепки въ самоварѣ на этотъ разъ почему-то долго не загорались, и она, чтобы ускорить дѣло, подлила въ самоваръ немножко керосину,—что также практиковалось нерѣдко. Керосинъ также не сразу загорѣлся; она дунула въ трубу, и въ это время керосинъ мгновенно вспыхнулъ, и огонь, выпедившій изъ-подъ рѣшетки самовара, зажегъ на ней фартукъ, а затѣмъ и все ситцевое платье.

Черезъ мгновеніе она представляла собою живой костеръ. Свидѣтельницами этого ужаснаго происшествія, кромѣ двухъ маленькихъ дѣтей, была девятилѣтняя внучка, которая въ испугѣ выбѣжала на улицу и закричала... На крикъ сбѣжались сосѣди и тѣмъ предотвратили пожаръ, который былъ бы неминуемъ. Мою мать они нашли въ такомъ положеніи: она сидѣла скорчившись на полу; руки были сложены на груди,—какъ-будто она стыдилась своей наготы; обнаженное тѣло было черно; отъ платья и рубашки остался только обгорѣлый поясъ, остальное все сгорѣло на тѣлѣ. Волосы спалились и оба глаза лопнули. Сознанія, однако, она не потеряла и сама рассказывала о всемъ случившемся. Ее немедленно отправили въ земскую городскую больницу, гдѣ она черезъ нѣсколько часовъ

скончалась, не теряя сознания почти до самой смерти. Постижимым ее роднымъ она говорила, что боли не чувствуетъ, только выражала крайнее сожалѣніе о томъ, что „я теперь не увижу Митюшку“, т. е. меня. Очевидно, главная мысль ея была обо мнѣ, почему и были такіа послѣдніа ея слова.

Невозможно было описать моего горя, да этого, пожалуй, и не нужно: его каждый можетъ понять.

Ужасно было то, что человѣкъ мучился, не видя радости, почти всю жизнь—и умеръ такъ трагически...

Поставивъ собственноручно сдѣланный крестъ на могилѣ и отслуживъ панихиду, я распростился съ родиной, распростился, можетъ быть, навсегда, такъ какъ послѣдняя моя связь съ нею была порвана, и уѣхать въ Петербургъ.

Посланные мною на имя матери два рубля пришлось получить мнѣ самому.

XXIV.

Откомандированіе въ эскадронъ и назначеніе эскадроннымъ писаремъ.

На другой день послѣ моего возвращенія изъ отпуску, къ намъ, въ помещеніе телеграфной станціи, пришелъ ротмистръ Берновъ и лично мнѣ сказалъ, что я приму отъ Микаса канцелярію. Вскорѣ въ приказѣ по полку я былъ откомандированъ въ эскадронъ и принялъ должность эскадроннаго писаря. Эта должность освобождаетъ отъ уборки лошадей и несенія внутренней службы, что дало мнѣ возможность съ удобствомъ продолжать писаніе „бесѣды“. Черновикъ ихъ былъ законченъ къ ноябрю мѣсяцу того же года.

По возвращеніи изъ лагерей въ казармы, первымъ мѣ-
нимъ дѣломъ было открыть шкафъ-библіотеку и посмотреть,
что въ ней имѣется. Ключъ отъ шкафа-библіотеки нахо-
дился у эскадроннаго писаря, онъ же ею и завѣдывалъ.
Когда я открылъ двери шкафа, то увидѣлъ на двухъ-трехъ
полкахъ нѣсколько книгъ, покрытыхъ слоемъ пыли. Нашло
затхлостью. Книги большею частію были въ старыхъ пе-
реплетахъ и стараго содержанія; на одной изъ полокъ
стоками были сложены нѣсколько новыхъ книжекъ жур-
нала „Чтеніе для солдатъ“, получаемого эскадрономъ обя-
зательно, да нѣсколько брошюрокъ забавныхъ рассказовъ
Тхоржевскаго. Здѣсь же лежала рукописная тетрадь-ката-
логъ, составленная кѣмъ-то въ 70-хъ годахъ. По каталогу
больше всего значилось книгъ изъ описанія севастополь-
ской войны, да сочиненій Погоскаго; съ тѣхъ поръ, кро-
мѣ упомянутыхъ книжекъ журнала, брошюрокъ Тхоржев-
скаго и нѣсколькихъ экземпляровъ книгъ духовнаго содер-
жанія, соч. протопресвитера Желобовскаго—въ библіотеку
ничего не поступало. Тамъ были и журналы, составлен-
ный одновременно съ каталогомъ, для записи выдаваемыхъ
читателямъ книгъ, но не велся съ самаго начала.

Провѣривъ по каталогу книги,—при чемъ оказалось
много утраченныхъ,—и висевъ еще не висанные въ него
книжки и брошюрки, я предложилъ солдатамъ брать ихъ
для чтенія. Однако спросъ на книги оказался очень малъ;
причиною было то, что книги устарѣли и были нентере-
сны, но главная причина заключалась въ томъ, что сол-
датамъ *некогда читать*. Я уже писалъ, что кавалерійскій
солдатъ все свободное отъ ученья и службы время прово-
дитъ въ конюшнѣ за уборкой лошадей, и въ тѣ темныя
минуты, въ которыя онъ бываетъ совершенно свободенъ,
ему не до чтенія; въ это время онъ радъ отдохнуть такъ,
чтобы ни о чемъ не думать, и для этого, по его мнѣнію,
лучшимъ средствомъ служатъ карты.

Любовь къ чтенію, привычка и увлеченіе имъ, пріо-
брѣтаются большею частію новыми, интересными книгами

и зараженіемъ,—какъ это было въ телеграфномъ паркѣ. Въ эскадронѣ этой любви и увлеченія не было и быть не могло.

Изъ библіотеки иногда брались кое-къмъ только брошюрки Тхоржевскаго, каждая брошюрка содержала въ себѣ маленькій рассказъ.

Очевидно, это „некогда читать“ и заставило моихъ предшественниковъ-инсарей закрыть двери библіотеки навсегда.

Въ бытность мою инсаремъ, ротмистръ Верновъ стремился обновить библіотеку и я нѣсколько разъ ходилъ по столярнымъ мастерскимъ и мебельнымъ магазинамъ справляться о цѣнѣ новыхъ книжныхъ шкафовъ. Приобрѣсти ихъ при мнѣ, по случаю болѣзни ротмистра Вернова, все-таки не пришлось. Что касается пополненія библіотеки новыми книгами, то объ этомъ разговора съ ротмистромъ не было.

XXV.

Производство въ унтеръ-офицеры и обученіе молодыхъ солдатъ.

Четвертый и послѣдній годъ моей службы ознаменовался большою дѣятельностью.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ и былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и назначенъ учителемъ молодыхъ солдатъ срока 1894 г., оставаясь въ то же время эскадроннымъ инсаремъ.

Командиръ полка, генералъ-маіоръ Гринвальдъ, зная меня лично, при осмотрѣ учителей молодыхъ солдатъ въ маломъ манежѣ, обратился ко мнѣ съ разговоромъ и между прочимъ сказалъ, чтобы я приготовилъ молодыхъ солдатъ

такими же полезными, какъ и я самъ; но при этомъ онъ совѣтовалъ, чтобы я съ ними много не философствовалъ, такъ какъ они къ этому не подготовлены и все равно не поймутъ.

Упомянувъ командира полка о философствованіи я понялъ въ томъ смыслѣ, что при обученіи молодыхъ солдатъ прежде всего и главнымъ образомъ надо обращать вниманіе на ихъ выправку, строй и воспитаніе въ строгомъ духѣ дисциплины, т. е. учить такъ, какъ учили насъ и какъ учатъ другихъ,—ничего не вводя новаго.

Завѣдующимъ молодыми солдатами, изъ офицеровъ, былъ назначенъ корнетъ Казнаковъ, тотъ самый, который былъ помощникомъ поручику Воейкову, при обученіи молодыхъ солдатъ ерока нашего 1891 года. Его отношенія къ молодымъ солдатамъ я охарактеризовалъ еще тогда, и теперь они не измѣнились. Онъ обладалъ крайнею терпимостью къ ошибкамъ солдатъ, если таковыя случались; онъ объяснялъ совершенно хладнокровно, безъ всякаго крика и шума. Въ манежѣ никогда не было слышно свиста и хлопанія бича, отчего все шло какъ-то чинно (онъ завѣдывалъ ѣздою). Наружно онъ не былъ любезенъ, но душевная доброта его чувствовалась во всемъ. Какъ я уже говорилъ о немъ, онъ не любилъ грубаго обращенія съ молодыми солдатами и тѣмъ болѣе рукоприкладства.

Въ помощь ему былъ назначенъ корнетъ князь Долгорукій, только что выпущенный изъ Пажескаго корпуса и произведенный въ офицеры. Онъ часто посѣщалъ гимназію и школьныя занятія, но непосредственнаго участія въ обученіи почти вовсе не принималъ, предоставивъ съ этимъ вѣдаться намъ, унтеръ-офицерамъ, и во время занятій никогда и никому не дѣлалъ замѣчаній.

Помощникомъ мнѣ изъ унтеръ-офицеровъ былъ Чумиковъ (Тверской губ.), кончившій учебную команду вмѣстѣ со мною; большою мой другъ и ученикъ.

Въ концѣ ноября въ эскадронъ начали поступать новобранцы, по обыкновенію со всѣхъ концовъ Россіи и всякихъ нарѣчій: отъ шустрыхъ и бойкихъ москвичей и ярославцевъ, до неуклюжихъ и грубыхъ бѣлоруссовъ и чумазыхъ малороссовъ. Вся эта сѣрая масса въ видѣ сырого матеріала поступала къ намъ на обработку. На нашей обязанности лежало приготовить изъ нихъ компактную, послушную массу, служащую грознымъ орудіемъ противъ врага.

Вступивъ въ завѣдываніе молодыми солдатами въ качествѣ учителя, я почувствовалъ всю важность своего назначенія. Дѣло въ томъ, что всѣ новобранцы, поступившіе въ эскадронъ, поручаются непосредственному наблюденію и обученію нѣкоторымъ строямъ самостоятельно—учителю изъ унтеръ-офицеровъ. Завѣдующій офицеръ главнымъ образомъ слѣдитъ за общимъ ходомъ строевого образованія молодыхъ солдатъ; исполненіе же всѣхъ деталей обученія, а также и нравственнаго формированія солдата — лежитъ на обязанности унтеръ-офицера, который живетъ здѣсь же, въ казармахъ, вмѣстѣ съ молодыми солдатами, и которому, слѣдовательно, болѣе доступно наблюденіе за ними. Учитель унтеръ-офицеръ, кромѣ словесной передачи всѣхъ правилъ военной науки, а также нравственныхъ началъ, служитъ еще для молодыхъ солдатъ примѣромъ. Иногда примѣрная служба и поведеніе учителя лучше всякихъ объясненій принесетъ пользу солдату: она доступна всякому—развитому и неразвитому человѣку.

И какъ сейчасъ вижу робкіе и покорные, на первый разъ, глаза всѣхъ безъ исключенія новобранцевъ—довѣрчиво и безотчетно смотрѣвшія на меня. Мое слово для нихъ было закономъ. Будь оно умно или глупо, — разсуждать они не могутъ, это имъ внушается съ самаго начала. При сознаніи того, что учитель молодыхъ солдатъ призванъ быть авторитетомъ, напрашивается мысль, что при этомъ требуется умѣніе переложить въ голову и душу учениковъ

свои знанія строевой службы и все, что нужно для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ солдатъ-людей, умѣнїе заставить вѣрить эти слова какъ въ законъ, сдѣлать эти слова понятными и не тяжелыми. Словомъ, учителю унтеръ-офицеру нужно быть хорошимъ педагогомъ; при отсутствїи этого условїя, могутъ получиться нежелательные результаты. Послѣ подобнаго разсужденїя, въ душу закрадывался тревожный вопросъ: есть ли во мнѣ данныя для хорошаго учителя, т. е., имѣю ли я педагогическія способности настолько сильныя, чтобы ученики въ моихъ словахъ слышали не пустой звукъ, а находили-бы въ нихъ для себя благодатную почву? Этотъ вопросъ меня сильно волновалъ....

Въ началѣ воспоминанїй я высказалъ мысль, что военная служба есть лучшее средство для воспитанїя народа. Эта мысль предстала предо мной и при назначенїи меня учителемъ молодыхъ солдатъ. Теперь, когда предо мной встали 45 человѣкъ новобранцевъ, собравшихся со всѣхъ уголковъ Матушки-Руси и устремили на меня 45 паръ своихъ глазъ, я вполне пришелъ къ убѣжденїю, что одного обученїя военнымъ артикуламъ недостаточно и, можетъ быть, вопреки совѣтамъ командира полка, я думаю, что можно и даже должно преподавать имъ еще кое-что и не предусмотрѣнное воинскими уставами, а именно—воспитанїе. Воспитанїе, въ которомъ нуждаются очень многіе молодые люди, поступившіе въ полкъ прямо отъ сохи и крайне неразвитые, можетъ способствовать тому, что вмѣстѣ съ развитїемъ въ солдатѣ сознанїя долга хорошаго слуги Царю и Отечеству во время военной службы, онъ получитъ способность быть болѣе полезнымъ гражданиномъ въ своемъ обществѣ и послѣ нея. Если наблюдать жизнь, то можно видѣть, что нѣкоторые солдаты, попавшіе въ счастливыя условїя въ отношенїи развитїя и воспитанїя, почти преобразуются и нѣрѣдко послѣ военной службы ихъ жизнь принимаетъ другой обликъ: болѣе разумный, рассу-

длительный и порядочный; они легче приспособляются къ обстоятельствамъ, и имъ не чуждо чувство прогресса.

Если бы въ войсковыхъ частяхъ заботились о болѣе частомъ предоставленіи солдатамъ *счастливыхъ условий*, то развитіе и воспитаніе, какъ факторы прогресса, широкой волной разлились бы изъ полковъ по всеѣмъ деревнямъ и захолустьямъ.

Не знаю, сколь плодотворны были мои труды по обученію молодыхъ солдатъ, но я искренно желалъ и стремился идти на встрѣчу задачамъ воспитанія и дѣлать это насколько хватало у меня силъ и умѣнья.

При обученіи молодыхъ солдатъ я съ самаго начала принялъ новую методу, совершенно отличающуюся отъ той, которой придерживались при обученіи насъ, а именно: крайнее терпѣніе къ ошибкамъ солдатъ во время ученія, дружескій тонъ и тѣсное общеніе, дающее возможность проникнуть въ душу ученика. Завѣдующій молодыми солдатами корнетъ Казнаковъ, своими дѣйствіями и обхожденіемъ, вполне разделялъ эту методу. Но однако относительно нея я встрѣтилъ противника въ лицѣ вахмистра Михайлова и нѣкоторыхъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ стараго закала и сторонниковъ ежовыхъ рукавицъ. Они, еще при назначеніи меня учителемъ молодыхъ солдатъ, вслухъ высказывали сомнѣніе въ моеѣ способности быть учителемъ. Это сомнѣніе они строили на томъ, что я имѣлъ очень мягкій характеръ и, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію не совладаю съ новобранцами и распуцу ихъ, т. е. они сдѣлаются самовольными и непослушными (мой характеръ имъ казался мягкимъ потому, что я никогда и никому не грубилъ; грубость всегда была противна моему духу). Затѣмъ въ теченіе всей зимы мнѣ приходилось вести борьбу съ вахмистромъ Михайловымъ вслѣдствіе несогласія нашихъ взглядовъ на методъ обученія, и эта борьба немало попортила мнѣ крови; но всетаки я выдержалъ и былъ очень доволенъ результатами. Уже съ самаго начала обу-

ченія, опасенія моихъ противниковъ не оправдались. Сѣрая толпа новобранцевъ скоро приняла обликъ стройныхъ и бравыхъ солдатъ. Ихъ робко-покорные глаза смѣнились покорно-любящими. При встрѣчѣ эти глаза смотрѣли на меня открыто, довѣрчиво; въ нихъ свѣтилась ласка. По всему было видно: прикажи имъ броситься въ окно, и они исполнятъ это не задумываясь...

Я съ своей стороны также полюбилъ всѣхъ новобранцевъ безъ исключенія и полюбилъ такъ, что всякое ихъ горе, всякая болѣзнь отзывались у меня на сердцѣ; они были какъ-будто мои дѣти, а не посторонніе принудые люди.

Очень отсталыхъ не было, но были такіе, которые съ первой недѣли могли разсказать уставъ безъ запинки (напр. Столяровъ, Зубаревъ, Рождественскій и нѣкоторые другіе).

Дурного поведенія среди нихъ въ теченіе зимы и всего перваго года, пока я былъ въ полку, не наблюдалось вовсе. Одинъ разъ только новобранецъ Евсеѣвъ былъ увлеченъ старымъ солдатомъ ночью гулять безъ спроса. За этотъ дисциплинарный проступокъ Евсеѣвъ долженъ быть наказанъ непременно, иначе онъ не пойметъ своего поступка и увлеченія дурными, для дисциплины и нравственности, дѣлами. Но какъ наказать?

Здѣсь я позволю себѣ остановиться на дисциплинарномъ проступкѣ Евсеѣва и на способѣ его наказанія за этотъ проступокъ, болѣе подробно, такъ какъ это имѣетъ принципиальное значеніе и объясняетъ, насколько правильна моя метода въ дѣлѣ обученія, или, вѣрнѣе, воспитанія молодыхъ солдатъ. Надѣюсь, что это будетъ имѣть общій интересъ.

Проступокъ, совершенный Евсеѣвымъ, самъ по себѣ не серьезный, но серьезно то, что это было дурное начало; начало, которое можетъ повести къ дальнѣйшимъ, еще худшимъ, проступкамъ. Уже тотчасъ по совершеніи про-

стунка,—о которомъ я еще не зналъ,—можно было замѣтить перемигну въ его глазахъ; въ нихъ было что-то нехорошее, затаенное; онъ не могъ прямо смотрѣть мнѣ въ глаза и, конечно, упорно молчалъ. Показались всѣ признаки дурныхъ зачатковъ. Когда я узналъ о его проступкѣ,—что непріятно меня смутило,—я рѣшилъ пресѣчь это дурное начало, выдернуть его съ корнемъ,—чтобы оно болѣе не появлялось. Этотъ проступокъ ложился грязнымъ пятномъ на провинившемся и его нужно было смыть чистосердечнымъ раскаяніемъ.

Для исполненія этого нелегкаго дѣла, т. е. для наказанія и приведенія къ раскаянію виновнаго, я призвалъ его къ себѣ за ширмы, гдѣ была моя унтеръ-офицерская каморка. И здѣсь за ширмами, съ глазу на глазъ,—свидѣтелемъ при этомъ былъ только мой помощникъ Чумиковъ.—мы стали бесѣдовать съ нимъ о его проступкѣ. Эта бесѣда должна была одицетворять собою наказаніе. Конечно, въ бесѣдѣ я старался ярче освѣтить передъ нимъ отвратительную сторону его поступка и указывать на пагубныя послѣдствія, которыя могутъ отравить ему существованіе во все время военной службы и даже на всю жизнь. Говорилъ я на эту тему долго. Онъ слушалъ не возражая и не оправдываясь и туло смотрѣлъ въ полъ; казалось, что онъ былъ или равнодушенъ къ моимъ словамъ, или трусилъ, ожидая отъ меня пощечины. Его поведеніе сначала привело меня въ смущеніе. Но когда я сталъ говорить ему взволнованнымъ голосомъ о томъ, что онъ своимъ дурнымъ поступкомъ злоупотребляетъ моею любовью къ моимъ ученикамъ, что мою любовь онъ считаетъ за слабость, при которой можно дѣлать что угодно,—онъ вдругъ зашевелился и скорбно посмотрѣлъ на меня; его глаза наполнились слезами и онъ заплакалъ какъ дитя, при этомъ клялся, что подобнаго болѣе не повторится. Мнѣ стало жалъ его, пришлось обнять и утѣшить. Такимъ образомъ: ни увѣщаніе, ни угрозы послѣдствіями не могли привести ви-

повника къ чистому раскаянію, а привели къ этому слова о любви, о которой я упоминалъ, какъ оскорбленный его поступкомъ.

Послѣ этой дружеской бесѣды-наказанія, мы оба почувствовали что-то особенное, пріятное: я какъ-будто нашелъ что-то потерянное, а онъ какъ-будто сбросилъ съ себя что-то тяжелое, давящее.

Онъ сдержалъ свое слово: послѣ за нимъ никакихъ проступковъ не наблюдалось, а глаза его, омытые слезами раскаянія, попрежнему свѣтились ласкою и были чистые, открытые.

Какъ проступокъ, такъ и „наказаніе“ Евсееву, для прочаго начальства остались неизвѣстными. Для постороннихъ этотъ случай также казался незамѣтнымъ; но на меня онъ произвелъ большое впечатлѣніе; я отнесся къ этому случаю серьезно, и онъ меня убѣдилъ въ правотѣ моего мнѣнія относительно метода. Затѣмъ у меня прибавилось еще одно очень важное мнѣніе, а именно: дурно, и часто бесполезно, *строю судить и наказывать* проступки людей, но еще хуже и пагубнѣе *оставлять ихъ незамѣченными*.

Только искреннее раскаяніе, которое достигается участливымъ отношеніемъ и любовью, освобождаетъ провинившагося отъ тяжелаго чувства, рождаемаго большими и малыми проступками, и возвращаетъ его къ порядочной жизни.

Падающаго нужно поддержать, а не наказывать, — послѣднее ускоряетъ его паденіе.

То, что мои слова, служанція для молодыхъ солдатъ закономъ, были не тягостны, можно судить по тому, что всѣ они были ко мнѣ ласковы, внимательны и, что всего дороже, откровенны. Иногда отъ ихъ чрезмѣрной ласки мнѣ приходилось прятаться за ширмы, чтобы не породить среди постороннихъ мнѣнія о мягкости моего характера, который моими противниками считался вреднымъ. Но за ширмами—грѣшенъ передъ военной дисциплиной, если только она считаетъ это за грѣхъ.—я иногда бесѣдовалъ

со своими учениками по-дружески, болѣе всего поучая ихъ и поучаясь у нихъ; вѣдь среди нихъ были и такіе, отъ которыхъ можно кое-чему поучиться.

Ничто такъ не сближаетъ учителя съ учениками, какъ непосредственное дружеское общеніе. Это общеніе и близость легко позволяютъ познать другъ друга: учитель можетъ проникнуть въ душу учениковъ, а ученики легче поймутъ—чего хочетъ отъ нихъ учитель.

На экзаменѣ, произведенномъ, по обыкновенію, весной командиромъ полка, выяснилось, что молодые солдаты были подготовлены отлично. За обученіе молодыхъ солдатъ мнѣ были предложены завѣдующимъ офицеромъ въ награду серебряные часы, но такъ какъ я уже имѣлъ ихъ двое, то предпочелъ получить деньгами (25 руб.).

Какъ отличные результаты, выяснившіеся на экзаменѣ, такъ и награда за обученіе молодыхъ солдатъ доказываютъ, что опасенія о распущенности, слѣдовательно, порчи солдатъ, вслѣдствіе мягкаго съ ними обращенія, были неосновательны.

Лично я быдъ очень доволенъ выяснившимися результатами, а также и послѣдующею службою всѣхъ безъ исключенія молодыхъ солдатъ, которыхъ я обучалъ. За свое стараніе къ службѣ, отличное поведеніе и вѣжливость (что рѣдкость для солдата), они были всѣ любимцами своихъ взводныхъ и равнымъ образомъ вызывали съ ихъ стороны соответствующее, т. е. мягкое, граничащее съ вѣжливостью, обращеніе. Даже мои противники относительно методы воспитанія съ похвалою отзывались о нихъ.

Изъ всей команды срока 1894 года, за исключеніемъ отпущенныхъ раньше срока по разнымъ причинамъ за родину и въ разныя командировки, восемь человекъ были произведены въ унтеръ-офицеры, а одинъ изъ нихъ, Столярковъ, не бывши въ учебной командѣ, на слѣдующій уже годъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Чумиковымъ (бывшимъ моимъ помощникомъ) обучалъ новобранцевъ 95 года. Эти

мои ученики, въ свою очередь, за обученіе новобранцевъ получили въ награду отъ князя Юсупова, который въ то время былъ командиромъ эскадрона, по золотымъ часамъ. Такіе плоды могутъ получиться только отъ хорошихъ сѣмянъ.

Отличное поведеніе солдатъ 2-го эскадрона, срока 94-го года, которое они проявили въ полку всѣ безъ исключенія, было для меня лучшею наградой.

Упомяну здѣсь о послѣдней моей встрѣчѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Это было въ началѣ зимы 1893 года.

Великій Князь въ то время былъ назначенъ на Кавказъ командиромъ полка и, наканунѣ своего отъѣзда туда, прибылъ въ большой манежъ, гдѣ въ это время производилась смѣнная ѣзда нашимъ новобранцамъ.

Увидавъ меня, послѣ обычнаго здорованія, онъ спросилъ:

— Ну что, Подшиваловъ, теперь доволенъ?—при этомъ указывая на мои галуны.

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество,—отвѣтилъ я, а затѣмъ добавилъ:—впрочемъ человекъ никогда не бываетъ доволенъ.

— А! а ты хочешь прямо въ министры? надо сначала поучиться. Потомъ, послѣ небольшой паузы, онъ добавилъ: а я вотъ доволенъ: мнѣ предлагали гвардейскій полкъ, а я выпросилъ армейскій, и какъ доволенъ...

Затѣмъ онъ обратился съ разговоромъ къ сопровождавшему его ротмистру Вернову. А я въ это время думалъ: да, надо сначала поучиться; это вѣрно. Учиться всегда было моею мечтою: конечно учиться не на министра и не на какой-либо чинъ съ теплымъ мѣстечкомъ,—этого тогда не могло придти мнѣ въ голову,—но учиться для того, чтобы видѣть свѣтъ... Но какъ это сдѣлать мнѣ,—человѣку, родившемуся въ семьѣ, ничего не имѣющей общаго съ наукой и думающей только о насущномъ кускѣ хлѣба? Человѣку, о которомъ всѣ думали: на что ему наука, и

безъ него много ученыхъ; пусть шапегъ! Даже и солдатской-то науки съ трудомъ пришлось мнѣ добиваться,—при этомъ выслушивая мнѣнія, что въ моей учености не нуждаются и безъ меня обойдутся...

XXVI.

О «бесѣдахъ».

Мысль о писаніи бесѣдъ у меня явилась вслѣдствіе взгляда на военную службу, какъ на школу жизни для многихъ солдатъ, и вслѣдствіе сознанія необходимости поддерживать въ солдатахъ нравственный духъ, какъ въ смыслѣ пониманія воинскихъ обязанностей, такъ и въ смыслѣ взаимоотношеній и нравственной чистоты. Первая часть, т. е. пониманіе воинскихъ обязанностей въ войскахъ, стоитъ сравнительно на высокомъ уровнѣ и неослабно поддерживается въ силу необходимости; слѣдовательно, бесѣдами можно только еще болѣе укрѣпить это пониманіе. Что касается нравственной чистоты, то у солдатъ она сильно хромаетъ. Нарушеніе нравственности, какъ порокъ, въ войскахъ строго не преслѣдуется, потому что, если оно болѣе умѣренно, то не вредитъ военной службѣ. Но въ личной жизни солдата это нарушеніе неблагопріятно отзывается на немъ и незамѣтно, мало-по-малу, подтачиваетъ его силы, а главная опасность — для его будущаго потомства. Въ бытность мою въ полку я замѣчалъ, что очень многіе солдаты увлекались этимъ пикантнымъ порокомъ и, конечно, большинство изъ нихъ заболѣвали дурной болѣзью; иногда не помогала и „казенная починка“, и нѣкоторые изъ нихъ эту болѣзнь уносили изъ полка къ себѣ въ деревню.

Я передѣлать рукопись, какъ могъ, конечно, и передать ее опитъ корнету К—ву уже наканунѣ моего отъѣзда изъ поляка. Однако и въ передѣланномъ видѣ издатели, къ которымъ обращался корнетъ К—въ, не взяли ее напечатать, очевидно потому, что она всетаки имѣла не обработанный видъ, а можетъ быть и потому, что она не могла обѣщать имъ хорошихъ барышей.

По своему характеру, бесѣды раздѣлялись на двѣ части. Въ первой я касался исключительно военныхъ обязанностей солдата, напримѣръ: о присягѣ, дисциплинѣ, штандартѣ, Царѣ и проч. Во второй же преимущественно о взаимоотношеніи, о нравственности и прочихъ жизненныхъ вопросахъ.

Позволю себѣ привести здѣсь изъ „бесѣдъ“ нѣкоторыя выдержки,—изъ второй части,—въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны до передѣлки (рукопись въ передѣланномъ видѣ обратно и не получила).

Выписка изъ бесѣды унтеръ-офицера съ молодыми солдатами.

Бесѣда б.я.

Обязанности нижнихъ чиновъ къ товарищамъ.

...Каждый солдатъ съ товарищами по службѣ долженъ жить въ мирѣ и согласіи. Каждый въ своемъ товарищѣ долженъ видѣть родного брата, любить и уважать его; уваженіе должно простираться какъ на старшаго по службѣ, такъ, равно, и на сотоварища.

Не помыслиай ничего худого на счетъ товарища.

Если хочешь быть хорошимъ солдатомъ и быть всеми любимъ и уважаемъ, то нужно умѣть любить и уважать другихъ.

Ни одинъ испорченный или злой товарищъ не сдѣлаетъ намъ зла, если мы съ своей стороны не оскорбимъ ихъ и отнесемъ къ нимъ съ уваженіемъ, по-товарищески.

Нуждающемуся товарищу помощи,—придетъ нужда, и тебѣ помогутъ.

Съ людьми, ведущими порочную жизнь, не води компаніи по вредному дѣлу, какъ то: не пьянствуй, не играй въ азартныя игры и т. п.: но, напротивъ, старайся отъ этого ихъ отвлекать; занимайся болѣе благовидными занятіями и нравственными разсказами. Помни, что, если твой товарищъ по полку замараешь мундиръ, то это пятно ляжетъ и на тебя. Старайся отвлекать товарища отъ преступленія и тѣмъ охранишь свой полкъ отъ позора.

Тяжкій будетъ грѣхъ передъ Богомъ и совѣстью тому человѣку, который вводитъ своего товарища въ пагубный соблазнъ.

Если удастся отличиться по службѣ—не гордись, по отношению по-братски и совѣтуй товарищамъ такъ отличиться. Если товарищъ отличился—не завидууй, но радуйся вмѣстѣ съ нимъ.

Никогда не желай товарищу худого и тѣмъ болѣе не дѣлай ему зла. Если же онъ въ несчастіи, то старайся его утѣшить и, если можешь, выручи его изъ бѣды.

При исполненіи всѣхъ этихъ братскихъ обязанностей не страшна бываетъ служба и дисциплина и не опечалитъ никакія лишения. Армія, состоящая изъ людей обладающихъ чувствомъ любви и дружбы другъ къ другу—дѣйствуетъ какъ одна сильнѣйшая рука и не можетъ быть побѣдима“!...

....„Наблюдая за собою, можно замѣтить, какъ пріятно чувствуется, когда товарищи уважаютъ и обходятся какъ съ братомъ; за одно ласковое слово товарища, каждый готовъ уважить его во всемъ. А какъ дѣлается тяжело и нецрiятно, когда товарищи относятся съ негодованіемъ и бранью,—этимъ возбуждается зло и зачерствленіе сердца.

Нужно помнить всегда одно простое правило: если ты желаешь себѣ добра, спокойствія, то нужно того же желать

и товарищамъ. Чтобы избѣжать непріятностей, не надо вредить товарищамъ“.

Обязанности солдата по отношенію къ своимъ родителямъ.

„Служа на военной службѣ, не забывайте родителей. Посылайте имъ утѣшительныя письма и не обременяйте просьбою о присылкѣ денегъ. Въ настоящее время, благодаря отеческимъ заботамъ Государя Императора и своего начальства, бережливый солдатъ можетъ существовать сносно и безъ домашнихъ денегъ. Мы часто можемъ наблюдать, что нѣкоторые, къ сожалѣнію, присланные изъ дома деньги употребляютъ на лишнія прихоти, тогда какъ родителямъ они достаются цѣломъ и кровью. Бываютъ и такіе случаи, напримѣръ: чтобы выклянчить у родителей денегъ, сочиняютъ письма съ описаніемъ какой-нибудь вымышленной бѣды и просятъ какъ можно скорѣе выслать денегъ, чтобы поправить эту бѣду; въ противномъ случаѣ грозятъ своею гибелью и никогда не видѣться. Конечно, получа отъ сына подобное письмо, среди родителей дѣлается переполохъ. Тужать, горюють о своемъ несчастномъ сынкѣ, находящемся въ „неволюнкѣ“, стараются, хлопчатъ и посылаютъ ему послѣднюю копѣйку; а иногда, дабы „выручить“ сына изъ бѣды—лишаются послѣдней скотины.

И что же? сынокъ, получивъ облитыя слезами и трудовымъ потомъ деньги, — о чемъ мало думаетъ, — моментально ихъ прожигаетъ. Какія же бываютъ послѣдствія этого? А очень извѣстныя: выговоръ, наказаніе, арестъ, а то и еще того хуже. Вотъ уже послѣ этого грозитъ настоящая бѣда. Да, братцы, каждый изъ насъ назоветъ такого: не сынъ онъ своимъ родителямъ, а варваръ.

Вудемъ же помнить о родителяхъ, помнить то, что отправляя насъ на службу, сколько горя переносятъ они; сколько нужды претерпѣваютъ, чтобы снабдить сына и по силѣ возможности оградить его отъ могущихъ встрѣтиться

лишений. Отдавая сына въ солдаты, они теряютъ въ его лицѣ работника и матеріальныя средства по снабженію деньгами; иногда долго не заживаетъ эта рана; особенно она чувствительна въ крестьянскомъ быту. А если мы будемъ еще требовать денегъ на ненужныя и часто вредныя прихоти, то тѣмъ болѣе довершимъ ихъ разореніе.

Братцы, нужно помнить про родителей, помнить материнскія слезы, которыя пролиты нами на нашей груди.

Чѣмъ же мы должны выразить свое уваженіе и любовь къ нимъ? А тѣмъ, что нужно стараться утѣшать ихъ примѣрною, хорошею службою и безукоризненнымъ поведеніемъ. Мы не можемъ не понять того, сколько радости, утѣшенія и пріятныхъ чувствъ испытываютъ родители при полученіи отъ сына письма, въ которомъ написано о его счастьи, благополучіи и успѣхахъ. Наоборотъ, сколько горя и печали испытываютъ они при полученіи письма отъ легкомысленнаго сына, который описываетъ только свои несчастья! Дурнымъ поведеніемъ и дурною службою сынъ еще вредитъ и здоровью своихъ родителей, и нерѣдко сокращаетъ ихъ жизнь.

Кромѣ всего, что касается родителей, мы должны помнить, что по прослуженіи срока дѣйствительной службы намъ придется возвратиться на родину и испытать громадныя трудности при возстановленіи разореннаго хозяйства“.

Бесѣда 7-я.

О нравственности солдата.

Въ этой бесѣдѣ я касался трехъ пороковъ: пьянства, разврата и воровства. О пьянствѣ я написалъ очень много и выставилъ его самымъ вреднымъ порокомъ, — отцомъ всѣхъ пороковъ. На статью о пьянствѣ я получилъ отъ корнета Казнакова замѣчанія въ томъ смыслѣ, что очень сильно напалъ на водку. При предложеніи о передѣлкѣ рукописи, онъ совѣтовалъ мнѣ статью о водкѣ сократить

и написать въ томъ духѣ, что—„много—вредно, немного—полезно“.

Здѣсь статью о пьянствѣ я пропускаю, а останавлиюсь на выдержкахъ изъ статьи о развратѣ.

Р а з в р а т ь .

„Развратъ—это то, что человѣкъ теряетъ совѣсть и стыдь передъ Богомъ и людьми; живетъ по-скотски, печется объ удовлетвореніи своей похоти и тѣмъ оскверняетъ свое тѣло и душу.

Развратъ, такъ же какъ и волка, приноситъ громадный вредъ человѣку: онъ разстраиваетъ здоровье, отнимаетъ силы и подвергаетъ опаснымъ заразнымъ болѣзнямъ. Отъ разврата, такъ же какъ и отъ пьянства, бываютъ семейные раздоры, упадокъ хозяйства и нерѣдко доходитъ до убійства изъ-за ревности....

...Мы. Христолюбивые воины, люди молодые, полные силъ и надежныя члены общества—для будущей жизни, будущаго блага, должны беречь себя отъ губительнаго разврата, ненужной любви. На нашихъ глазахъ десятки товарищей страдаютъ заразительными болѣзнями; многіе, нерадивые сами къ себѣ, отъ запущенія болѣзни остаются неизлѣчима на всю жизнь,—предоставивъ себя на медленное истязаніе. Заразившись, человѣкъ самъ невольно можетъ передать заразу другому: особенно пагубна эта зараза для женатыхъ: она черезъ него переходитъ на все его потомство и, слѣдовательно, будетъ страдать не онъ одинъ, но и все его потомки. Насколько вреденъ развратъ съ физической стороны, настолько же, если не больше, и съ нравственной.

Мы родились и живемъ для будущаго,—таковъ нашъ удѣлъ,—съ первыхъ дней и во всю жизнь мы готовимся и готовимъ для будущаго: учимся грамотѣ, чтобы намъ потомъ увидѣть свѣтъ; учимся ремеслу или какимъ занятіямъ,

чтобы обезпечить свою будущность хлѣбомъ; затѣмъ, насладившись всеми благами сего міра, подѣ старость будемъ готовить себя къ будущей вѣчной жизни. Итакъ, человѣкъ живетъ главнымъ образомъ для будущаго: онъ трудится, даже переноситъ лишенія, чтобы потомъ насладиться жизнью. Но что же можетъ ожидать отъ своей жизни въ будущемъ тотъ человѣкъ, который, какъ говорится, прожигаетъ ее и живетъ только для настоящаго?... Молодость уходитъ безвозвратно; все лестное и обманывающее молодого человѣка надѣдаетъ, и душа требуетъ спокойствія, а гдѣ этого спокойствія найти, когда на каждомъ шагу встаютъ страшныя воспоминанія въ прошломъ, и въ результатъ вмѣсто утѣшенія получается душевное страданіе.

Порокъ разврата крайне печально отзывается на семейной жизни. Стѣсненное и тягостное положеніе чувствуютъ другъ къ другу мужъ и жена, если кто-нибудь изъ нихъ зараженъ этимъ порокомъ, тогда для нихъ будетъ не жизнь, а мученье. Женатые люди знаютъ, что нѣтъ ничего обиднѣе, какъ измѣна супруговъ. Люди, зараженные порокомъ разврата, не способны быть полезными членами общества и вести въ порядкѣ свое хозяйство. Гдѣ есть порокъ разврата, тамъ нѣтъ любви, радѣнія и добродѣтели,—тамъ царствуетъ зло, ненависть и мщеніе.

Дѣти развратныхъ родителей уже не могутъ научиться всему доброму, высокому, нравственному; они лишены тѣхъ пріятныхъ душевныхъ чувствъ ко всему святому, которыя могли бы вселиться отъ примѣра и внушенія добрыхъ родителей.

...Какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ, посвятивъ себя военной службѣ, воздержаться отъ вредныхъ размышленій и лишнихъ похотей очень нетрудно. Нужно умѣть управлять собою, что облегчается упражненіемъ въ чтеніи полезныхъ книгъ, благими размышленіями и прилежаніемъ къ службѣ.

Если гдѣ на полѣ хорошая пшеница, тамъ не можетъ расти сорная трава; точно также если умъ и сердце заняты

благими мыслями и желаніями, то для дурныхъ мыслей и желаній тамъ не будетъ мѣста“...

Увольненіе въ запасъ арміи.

....„Если кому Господь приведетъ благополучно кончить военную службу, тотъ возвратится на родину... Конечно, какъ бы служба ни была легка и хороша, но все-таки хочется домой, на родину,—гдѣ ожидаютъ отецъ, мать, у кого есть жена, дѣти... родныя поля, луга и лѣса—гдѣ проведены лучшіе годы дѣтства и юношества. Какая встрѣча! Какой восторгъ ожидаетъ солдата, честно и благополучно исполнившаго свой долгъ на военной службѣ! Особенно передъ окончаніемъ службы эти мысли часто приходятъ въ голову, и тѣмъ усиливается желаніе вернуться на родину....

....Каждый солдатъ, запасшись въ теченіе службы знаніемъ свѣта и нравственнымъ воспитаніемъ, долженъ съ пользою употребить все это среди своихъ родныхъ и односельчанъ. Долженъ быть истиннымъ кормильцемъ и учительемъ своихъ родителей и хорошимъ совѣтникомъ въ своемъ обществѣ, чтобы тѣ видѣли, что труды добрыхъ людей по воспитанію солдата, на военной службѣ, не пропадаютъ и людей не портятъ, а приготавливаютъ хорошихъ членовъ для общества.

...Самая главная христіанская обязанность: жить въ мирѣ и согласіи не только съ близкими родными, но и съ посторонними; быть почтительнымъ со старшими. Этимъ можно заслужить отъ всѣхъ любовь и уваженіе. Вообще, каждый образованный солдатъ долженъ имѣть благородную душу и служить въ запасѣ разсадникомъ благовоспитанія“...

На поляхъ рукописи противъ этихъ послѣднихъ строкъ ротмистромъ Данковымъ едѣлана слѣдующая приписка синимъ карандашомъ:

„Отношеніе къ женщинѣ вообще и въ частности къ собственной женѣ. Если любишь и уважаешь свою мать,

то какъ же тебѣ не любить и не уважать свою законную подругу жизни, которая есть мать твоихъ собственныхъ дѣтей. Если хочешь, чтобы твои дѣти оказывали почтеніе своей матери, то самъ первый почитай жену свою.“

Будучи въ то время неженатымъ, я упустилъ изъ вида поговорить въ бесѣдахъ объ отношеніяхъ къ женѣ. Это упущеніе ротмистръ Дашковъ замѣтилъ и восполнилъ вышеприведенной припиской.

Бесѣды съ молодыми солдатами были закончены слѣдующими словами: „Примите доброе сѣмя въ плодотворную почву; я молю Бога, чтобы оно принесло добрый плодъ и чтобы имъ могъ пользоваться всякій ближній“.

Въ концѣ бесѣды унтеръ-офицера съ молодыми солдатами я еще прибавилъ бесѣду унтеръ-офицера съ учителями молодыхъ солдатъ. Эту послѣднюю я вздумалъ передать въ редакцію журнала „Чтеніе для солдатъ“. Въ редакціи рукопись одобрили, назвали ее интересной и признали годной для напечатанія въ журналѣ. Но, прежде чѣмъ напечатать, редакторъ посоветовалъ мнѣ обратиться къ своему эскадронному командиру и попросить его сдѣлать надпись на рукописи о томъ, что печатать онъ разрѣшаетъ,—это необходимое правило, за нарушение котораго нижній чинъ можетъ пострадать. Но такъ какъ этотъ разговоръ съ редакторомъ былъ за два дня до моего отъѣзда изъ полка, то я не успѣлъ все оформить,—къ тому же ротмистръ Берновъ только что уѣхалъ въ отпускъ, —я передалъ эту рукопись также корнету Казнакову, который предложилъ напечатать ее вмѣстѣ съ прежнею.

Позволю себѣ привести здѣсь выдержки и изъ этой бесѣды.

Бесѣда унтеръ-офицера съ учителями молодыхъ солдатъ.

„...Въ унтеръ-офицеры выбираются лучшіе люди, испытанной нравственности, расторопные и знающіе хорошо службу. На обязанности унтеръ-офицера лежитъ твердое

знаніе воинскихъ уставовъ и служеніе во всемъ личнымъ примѣромъ для всѣхъ нижнихъ чиновъ, и особенно для молодыхъ солдатъ. Воспитаніе солдата съ самаго поступленія въ полкъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ учителей и начальствующихъ унтеръ-офицеровъ,—они есть ближайшіе и непосредственные руководители въ военной службѣ. Каждый солдатъ, при поступленіи на военную службу, начинаетъ учиться большею частью нагляднымъ образомъ и нерѣдко усваиваетъ въ себѣ всѣ тѣ привычки, которыми обладаетъ его учитель или начальникъ изъ унтеръ-офицеровъ. Поэтому, каждый начальствующій нижній чинъ долженъ всегда помнить о важности личнаго примѣра въ дѣлѣ воспитанія солдата; а помня это, онъ долженъ всегда вести себя добропорядочно и не позволять себѣ дѣйствій, противныхъ воинскому духу, не только на глазахъ своихъ подчиненныхъ, но и скрытымъ образомъ, ибо подчиненный слѣдитъ за всѣми дѣйствіями своего ближайшаго начальника и знаетъ не только его поступки, но часто и мысли....

Учитель—унтеръ-офицеръ, какъ и всякій начальникъ, отвѣчаетъ за всѣхъ лицъ, ему подчиненныхъ.

Въ дѣлѣ обученія молодыхъ солдатъ онъ долженъ помнить, что тѣмъ готовится Царю и Отечеству вѣрныхъ и беззавѣтныхъ слугъ. Онъ долженъ уметь заставить ихъ полюбить службу и понять значеніе воинскихъ обязанностей; а это достигается только беззавѣтною любовью къ дѣлу, терпѣніемъ и хладнокровіемъ.—При обученіи молодыхъ солдатъ нужно всегда помнить, что хорошихъ результатовъ въ обученіи можно достигнуть только ласковымъ обращеніемъ и терпѣніемъ. Ошибки исправлять слѣдуетъ толковымъ разъясненіемъ и показомъ, и ни коимъ образомъ не должно прибѣгать къ угрозамъ и тѣмъ болѣе къ ручной расправѣ.

При ласковомъ и хладнокровномъ обученіи, каждый солдатъ лучше понимаетъ и скорѣе усваиваетъ ученіе, а

при всыльчивости и брани,—онъ теряется, не такъ ясно понимаетъ и невольно дѣлаетъ ошибки. Ошибки чаще всего дѣлаются не отъ нерадѣнія ученика, а отъ непониманія обучающаго,—отъ котораго требуется толковое разъясненіе. Невнимательность ученика также чаще всего зависитъ отъ невнимательности самого обучающаго къ преподаваемому предмету.

Во всякомъ случаѣ нужно избѣгать неумѣстной строгости. Неумѣстная и чрезмѣрная строгость вредно отзывается какъ на грубые, такъ и на мягкіе характеры подчиненныхъ: грубые и всыльчивые раздражаются и заатаиваютъ злобу, чтобы при случаѣ отомстить; легкіе и тихіе—теряются и дѣлаются подавленными, что парализуетъ въ нихъ всякую дѣятельность. Чрезмѣрною строгостью нельзя сдѣлать хорошаго слугу Царю и Отечеству, а скорѣе этимъ можно пріобрѣсти вреднаго метителя и личнаго врага или же ни на что не годную тушню.

....Отъ унтеръ-офицера, какъ и отъ всякаго начальника, требуется охраненіе воинской дисциплины, какъ главной основы военной службы, безъ которой войско не можетъ существовать. Охраненіе воинской дисциплины состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что начальникъ не долженъ допускать, чтобы подчиненные дѣлали противное дисциплинѣ; мягко, но настойчиво требовать отъ нихъ, чтобы они исполняли все по совѣсти и такъ, какъ требуетъ дисциплина. Онъ долженъ добиваться, чтобы подчиненные всегда говорили правду; этому можетъ способствовать справедливость со стороны начальника и мягкій, спокойный тонъ.

....Всѣ заботы и попеченія о солдатахъ возлагаются на начальника, которому довѣрена команда,—отъ нихъ не избавлены, конечно, и учителя молодыхъ солдатъ,—последній, какъ добрый отецъ или старшій братъ, долженъ любить и заботиться о своихъ подчиненныхъ. Каждый солдатъ, будучи оторванъ отъ своихъ родныхъ, гдѣ онъ

большую часть пользовался добротой и ласкою и, найдя то же самое въ добромъ начальникѣ, не только не будетъ скорбѣть о своемъ положеніи, но будетъ радоваться и стараться еще болѣе заслужить любовь начальника. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть отзывчивымъ на нужды подчиненныхъ и по мѣрѣ возможности помогать имъ, быть ихъ совѣтникомъ и руководителемъ во всѣхъ личныхъ дѣлахъ.

Само собою разумѣется, что на обязанности обучающаго или начальника лежитъ наблюденіе за нравственностью своихъ подчиненныхъ. Воспитать добрую нравственность въ подчиненномъ—громадная заслуга начальника передъ обществомъ и потомствомъ. Самый лучший урокъ нравственности—это личный примѣръ поведенія обучающаго или начальника“....

XXVII.

Послѣдній годъ въ лагеряхъ.

Послѣдній годъ службы въ лагеряхъ я провелъ въ эскадронѣ и въ большой дѣятельности. Помимо канцелярскихъ занятій, которыхъ во время лагернаго сбора бываетъ больше, я, какъ унтеръ-офицеръ, обязательно участвовалъ на всѣхъ эскадронныхъ и полковыхъ ученіяхъ и какъ развѣдчикъ—въ развѣдочной службѣ. Затѣмъ, передъ началомъ періода маневровъ, я былъ назначенъ помощникомъ къ корнету князю Урусову—руководить телеграфнымъ дѣломъ. Практической дѣятельностью по подготовкѣ къ телеграфному дѣлу намъ приходилось заниматься въ учебныхъ занятіяхъ и ночью. Днемъ мы проводили телеграфныя и телефонныя линіи, телеграфировали посредствомъ гелиографовъ (зеркаль), а ночью посредствомъ особаго аппарата—фонаря. Въ тотъ, 1894 годъ, въ первый разъ вышло распоряженіе о широкомъ примѣненіи теле-

графнаго дѣла въ кавалерійскихъ полкахъ. Припособленій, какія требовались для быстрой прокладки телеграфной и телефонной линій, тогда не было, и намъ пришлось придумывать ихъ самимъ. Приспособленіе это заключалось въ слѣдующемъ: къ задней лугѣ сѣдла стараго образца привинчивались двѣ желѣзныхъ стойки съ круглыми отверстіями въ верхнихъ концахъ; въ эти отверстія вставлялись концы желѣзнаго стержня, на которомъ укрѣплялась катушка съ намотанной изолированной проволокой. Катушка съ проволокой свободно вращалась между стойками.

Прокладка линіи для телефона или для телеграфа очень несложна и заключается она въ слѣдующемъ: конецъ проволоки съ катушки, вставленной между стоекъ на сѣдлѣ, укрѣпляется на мѣстѣ, гдѣ должна быть станція; всадникъ съ катушкой ѣдетъ впередъ по направленію къ другой станціи, причемъ катушка вертится и проволока разматывается. Слѣдующій всадникъ ѣдетъ за нимъ и разбрасываетъ эту проволоку особымъ крючкомъ по кустамъ, по сучьямъ и просто по травѣ, но такъ, чтобы она не бросалась въ глаза и не лежала на дорогѣ, гдѣ ее могутъ оборвать. Проволока для этого употребляется, обыкновенно, изолированная (обмотанная просаленной бумагой, чтобы не пропускала сырости), часто она бронированная, т. е. обмотана еще нѣсколькими тонкими стальными проволоками; такая проволока, называемая кабелемъ, очень прочна и не разрывается, если даже пройдетъ по ней артиллерія съ тяжелыми пушками. Такимъ образомъ прокладка кабеля, т. е. проводка линіи, совершается очень быстро: всадникъ съ катушкой ѣдетъ обыкновенно рысью, а въ случаѣ надобности и галопомъ. Придя на пунктъ слѣдующей станціи, здѣсь въ землю втыкается шанка, достается изъ сумки телефонный аппаратъ, одинъ конецъ проволоки котораго прикрѣпляется къ офесу шанки, а другой къ кабелю, и разговоръ можетъ быть начатъ немедленно. На первой станціи также шанка втыкается въ

землю и телефонъ соединяется съ эфесомъ шашки и съ кабелемъ. Чтобы вызвать къ телефону для разговора, въ аппаратъ вставляется рупоръ, на подобіе свистка, который, отъ дуновения въ него, на слѣдующей станціи производитъ гудѣніе.

На Высочайшихъ маневрахъ близъ Краснаго села, намъ удалось протянуть линію на 3 версты въ теченіе 15 минутъ, и два отряда соединили телефономъ, который дѣйствовалъ исправно.

На маневрахъ, а слѣдовательно и на войнѣ, телефонъ съ успѣхомъ можетъ замѣнить ординарцевъ и вѣстовыхъ, обязанность которыхъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы перевозить и передавать отъ начальника, въ разные отряды, его распоряженія и приказанія. Посредствомъ телефона, какъ отряды между собою, такъ и начальники могутъ переговариваться лично и немедленно. Съ передвиженіемъ отрядовъ, передвигаются и телефонныя станціи; для этого проволока быстро, посредствомъ ручки, наворачивается на катушку, и всадники-телефонисты мчатся уже въ другое мѣсто.

(За веденіе телеграфныхъ занятій въ качествѣ руководителя, завѣдующимъ командой княземъ Урусовымъ были предложены мнѣ въ награду часы (4-ые), взамѣнъ которыхъ я получилъ деньгами).

Считаю не лишнимъ здѣсь упомянуть о „дружескихъ бесѣдахъ“, которыя происходили между мною и княземъ Урусовымъ во время нашихъ путешествій на маневрахъ. Корнетъ князь Урусовъ, въ то время молодой, только-что произведенный изъ пажей въ офицеры, настаивалъ на томъ, чтобы я съ нимъ говорилъ по-товарищески, не стѣсняясь, какъ-будто я не солдатъ. Этими откровенными дружескими бесѣдами онъ, очевидно, хотѣлъ поближе узнать міросозерцаніе простыхъ солдатъ, которые, особенно въ глазахъ молодыхъ офицеровъ-аристократовъ, всѣ безъ исключенія казались манекенами, не могущими ни разсу-

ждать, ни мыслить самостоятельно. Изъ нашихъ разговоръ „по-товарищески“ выяснилось, какъ мало знаютъ гг. офицеры насъ,—солдатъ. Это ихъ незнаніе высказывается въ слѣдующемъ, первомъ попавшемся на память случаѣ: проѣзжая однажды мимо лагерей Преображенскаго полка, я вслухъ восторгался красивой архитектурой построекъ въ древне-русскомъ стилѣ. Услышавъ мое восторженіе и произнесеніе словъ „архитектура“ и „стиль“, онъ очень удивился: ему казалось открытіемъ, что я, простой солдатъ, знаю объ архитектурѣ и стилѣ. Это удивленіе онъ выразилъ вслухъ. Я также съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и, признаться, выраженное имъ удивленіе по поводу моего знанія какихъ-то двухъ культурныхъ словъ немного опечалило меня; я съ грустью подумалъ: вотъ какое мнѣніе имѣютъ о насъ гг. офицеры...

Примѣръ князя У—ва, предложившаго мнѣ говорить съ нимъ „по-товарищески“ и склонившаго быть-бы назвать достойнымъ подражанія.

Темою разговора у насъ сначала были мои „бесѣды“, которыя князь У—въ зналъ по отрывкамъ, читаннымъ ротмистромъ Данковымъ въ офицерскомъ собраніи. Князь У—въ соглашался со мною вполне относительно того мѣста, гдѣ я писалъ о нравственности; соглашался также и съ проведенною мною мыслью о необходимости умственного развитія солдатъ; при этомъ онъ самъ указалъ, какъ на примѣръ, на происшедшую въ то время войну Японіи съ Китаемъ. Развитіе и умственное превосходство японцевъ дѣлало ихъ побѣдителями такого колосса, какъ Китай, коснѣющаго въ невѣжествѣ.

Сначала при разговорѣ я какъ-то „спотыкался“ на словахъ и долго не могъ отдѣлаться отъ вонеднаго въ плоть и кровь солдатскаго „точно такъ“ и „никакъ нѣтъ“, но затѣмъ увлекся и громко высказывать свои мнѣнія и сопоставленія относительно того, какая можетъ быть разница между солдатомъ-манекеномъ и солдатомъ болѣе ши-

роко развитымъ; говорить о необходимости серьезнаго обученія въ полкахъ грамотѣ тѣхъ солдатъ, которые поступаютъ въ полкъ совсѣмъ неграмотными. „Система теперешняго обученія грамотѣ“,—говорилъ я,—„не достигаетъ вполне своей цѣли по многимъ причинамъ: во-первыхъ, безцѣльное сидѣнье въ конюшняхъ отнимаетъ все свободное время у солдата, и скука, пронесшаяся отъ этого бездѣльничанія въ конюшняхъ, парализуетъ всякое стремленіе къ умственному развитію; во-вторыхъ, вахмистры часто, въ облегченіе офицерамъ, назначеннымъ обучать грамотѣ, назначаютъ въ школу тѣхъ солдатъ, которые уже немного знакомы съ грамотою; тѣ же, которые совсѣмъ неграмотны, остаются не обученными,—если только солдатъ по собственному желанію не подготовится къ ней отъ товарищей заранѣе. И, наконецъ, въ-третьихъ, не у всѣхъ офицеровъ бываетъ достаточно рвенія къ этому довольно скучному занятію. По моему мнѣнію, для обученія грамотѣ солдатъ слѣдовало бы организовать въ полкахъ правильныя школы съ учителями изъ нижнихъ чиновъ, конечно подъ наблюденіемъ офицеровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что отъ этой дружеской бесѣды авторитетъ князя У—ва, какъ моего начальника, ничуть не пострадалъ; напротивъ, она сослужила намъ ту службу, что дала возможность пріятно обмѣняться мыслями, поближе узнать другъ друга и почувствовать общность интересовъ; почувствовать, что мы, каждый на своемъ мѣстѣ, можемъ принести пользу тому дѣлу, которое вѣнчаетъ благополучіе отечества. А когда чувствуется общность интересовъ, то рождается въ себялюбивцахъ еще и чувство родства,—чувство, что мы дѣти одной матери—Россіи.

XXVIII.

Увольненіе въ запасъ арміи.

По окончаніи лагерныхъ занятій, унтеръ-офицерами, предстоящимъ къ увольненію въ запасъ арміи, дѣлался запросъ о желаніи остаться въ Петербургѣ, т. е. о томъ, кто желаетъ поступить на частную службу. Это заявленіе дѣлалось заблаговременно потому, что заявившимъ желаніе остаться въ Петербургѣ нѣкоторыми офицерами предлагались должности для частной службы. Надо замѣтить, что какъ унтеръ-офицеры, такъ и рядовые изъ болѣе развитыхъ охотно остаются въ Петербургѣ и поступаютъ на службу къ офицерамъ или, по рекомендаціи, къ ихъ родственникамъ. Въ мою бытность въ полку я замѣчалъ, что почти все безъ исключенія унтеръ-офицеры послѣ службы оставались въ Петербургѣ или увѣзжали на службу въ имѣніи своихъ офицеровъ. Не возвращались на родину даже и такіе, которые имѣли у себя въ деревнѣ сравнительно обезпеченное и благоустроенное хозяйство. Очевидно, деревенская жизнь съ своею грязью и тяжелымъ и неувѣреннымъ трудомъ не притягиваетъ своихъ воспитанниковъ; послѣдніе, нанюхавшись городской жизни, гдѣ не такъ трудно, но чисто и сравнительно сытно — съ легкимъ сердцемъ измѣняютъ своей воспитательницѣ — деревнѣ. По этому можно заключить, что деревня ежегодно теряетъ большой процентъ своихъ лучшихъ членовъ.

Подъ вліяніемъ „жалости“ къ деревнѣ, у меня явилась было мысль вернуться на родину и послужить ей тѣмъ, что приобрести въ полку. Но эту, правда идеальную, но немѣющую практическаго значенія мысль я принужденъ былъ скоро оставить: кромѣ того, что я не имѣлъ никакихъ средствъ для веденія хозяйства — было сомнительно, чтобы приобретенныя мною знанія на военной службѣ могло принести фактическую пользу деревнѣ. Если пред-

положить, что я сталъ бы проповѣдывать о тѣхъ путяхъ, которые ведутъ къ благополучію сельской жизни, то мнѣ все равно не повѣрили-бы и осмѣяли,—ибо нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ,—и очень возможно, что деревенская тина опять меня засосала-бы и заглушила. Если не поддаваться этой тинѣ и барахтаться, то ради защиты своей шкуры пришлось бы гнутьъ въ эту тину другихъ и сдѣлаться такъ называемымъ „кулакомъ“. Кулачество же, какъ извѣстно, осуждается высшимъ общественнымъ мнѣніемъ и не безосновательно, такъ какъ оно не облегчаетъ жизни другимъ, болѣе слабымъ элементамъ, а еще болѣе занутиваетъ ихъ въ тину...

Въ виду такихъ соображеній, я рѣшилъ остаться въ Петербургѣ, т. е. послужить на частной службѣ, чтобы запасть матеріальной силой и практическими знаніями, а тамъ—что Богъ дастъ.

Послѣ моего заявленія о желаніи остаться въ Петербургѣ, я получилъ предложеніе отъ нѣсколькихъ офицеровъ полка поступить къ нимъ на службу въ имѣніе. Одно изъ этихъ предложеній мною было принято. По прибытіи полка въ Петербургъ, 24-го сентября 1894 года, я взялъ двухмѣсячный отпускъ (вплоть до увольненія 24 ноября) и отправился сначала на родину, а потомъ на новую жизнь, на частную службу въ имѣніе графа Уварова, въ Смоленскую губернію.

Послѣдній день моего пребыванія въ полку, ознаменовался для меня великимъ событіемъ: почти все офицеры 2-го эскадрона, прощаясь со мною въ офицерскомъ собраніи, жали мнѣ руку и цѣловали меня.—Такимъ весьма любезнымъ отношеніемъ гг. офицеровъ я былъ несказанно тронутъ. Это было для меня лучшею наградою за мою службу, и этотъ день былъ лучшимъ въ моей жизни. Никогда не забуду этотъ день! Нѣсколько десятковъ рублей, оказавшихся у меня въ карманѣ послѣ сердечнаго прощанія,—если можно такъ выразиться,—уже не такъ меня

предавали, — хотя таких денег я никогда не имѣлъ и они должны представлять для меня большую цѣнность.

Временно командующій тогда эскадрономъ штабс-ротмистръ Шебеко 1-й при прощаніи со мною сказалъ небольшую рѣчь, въ которой благодарилъ меня за службу и между прочимъ выразилъ пожеланіе, чтобы и я послѣ военной службы былъ такъ же полезенъ, какъ и на службѣ.

Это лестное пожеланіе я унесъ съ собою какъ задачу, которая всегда заставляеть меня бодрствовать и стремиться ее исполнить, — хотя это очень трудно...

Простившись затѣмъ съ товарищами и бывшими учениками, — при чемъ немало было пролито слезъ, — особенно я расчувствовался по выходѣ отъ корнета Казнакова, къ которому заходилъ послѣ всего переговорить относительно моихъ „Бесѣдъ“, — и покинулъ полкъ.

Будучи уже на „волѣ“, въ Смоленской губерніи, послѣ 24-го ноября, когда кончался срокъ службы, я вмѣстѣ съ аттестатомъ получилъ золотой нагѣльный крестъ отъ Великаго Князя Николая Михайловича ¹⁾ и знакъ развѣдчика 1-го разряда.

Затѣмъ, какъ отголосокъ военной службы, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ 1899 году, по случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка, полковникомъ М. А. Серебряковымъ была прислана мнѣ юбилейная бронзовая медаль.

Само собою разумѣется, что службою я остался очень доволенъ. Всѣ мои желанія сбылись...

Въ заключеніе не могу не сказать того, что свой полкъ я полюбилъ сильно и успѣлъ привязаться къ нему такъ,

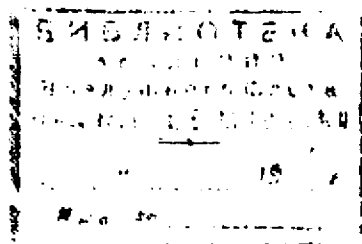
¹⁾ Золотые кресты отъ Великаго Князя дарилась всемъ нижнимъ чинамъ, выходящимъ изъ полка, которые служили при немъ и участвовали въ подношеніи ему иконы, когда онъ выходилъ изъ эскадрона.

что чувствовалъ съ нимъ какую-то родственную связь; и лица, гдѣ-бы ни были потомъ встрѣчены мною въ формѣ Кавалергардскаго полка, казались мнѣ родными. Я искренно радовался увидѣть потомъ каждого кавалергарда, которые будили во мнѣ хотя безпокойныя, но, какъ видить читатель, интересныя для меня воспоминанія.

Все лица, которыя встанутъ въ моемъ воспоминаніи, мнѣ кажутся милыми, хорошими.

Да здравствуетъ Кавалергардскій полкъ!

Д. Подшиваловъ..

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Главы.	Стран.
I. Вступленіе	3
II. «Ставка»	10
III. Проводы	13
IV. Прибытіе въ Петербургъ	15
V. Разбивка по полкамъ	17
VI. Назначеніе во 2-й эскадронъ и водвореніе въ казарму .	19
VII. Первый день въ казармахъ и повѣрка	22
VIII. Въ конюшни	26
IX. На кухню	29
X. Занятія	31
XI. Лекціи	38
XII. Царскій смотръ молодымъ солдатамъ	41
XIII. Экзаменъ и присяга	44
XIV. Въ лагеряхъ	46
XV. Назначеніе въ учебную команду и письмо Великому Князю	48
XVI. Последствія письма	55
XVII. Травы	59
XVIII. Возвращеніе въ казармы	63
XIX. Командировка въ 3-й военно-телеграфный паркъ	66
XX. Возвращеніе въ полкъ изъ телеграфнаго парка	74
XXI. Командировка въ полковую телеграфную станцію	77
XXII. Учебная команда	79
XXIII. Вторичная командировка на телеграфную станцію и по- ѣздка на родину	89
XXIV. Откомандированіе въ эскадронъ и назначеніе эскадрон- нымъ писаремъ	97
XXV. Производство въ унтеръ-офицеры и обученіе молодыхъ солдатъ	99
XXVI. О «бесѣдахъ»	109
XXVII. Последний годъ въ лагеряхъ	121
XXVIII. Увольненіе въ запасъ арміи	126